

ISSN 1995-0667 (Print)
ISSN 2500-2473 (Online)

ИЗВЕСТИЯ

ДАГЕСТАНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
СЕРИЯ «ОБЩЕСТВЕННЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ»

Т. 18. № 4. 2024

СЕРИЯ «ОБЩЕСТВЕННЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ»

DAGESTAN STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY

JOURNAL

Social and Humanitarian Sciences

Известия ДГПУ

Т. 18. № 4. 2024
Vol. 18. No. 4. 2024

Известия Дагестанского государственного педагогического университета
серия «Общественные и гуманитарные науки»

Т. 18. № 4. 2024

Научные специальности журнала: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки); 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки); 5.6.3. Археология (исторические науки); 5.6.7. История международных отношений и внешней политики (исторические науки); 5.6.4. Этнология, антропология и этнография (исторические науки); 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки); 5.9.3. Теория литературы (филологические науки); 5.9.4. Фольклористика (филологические науки); 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки); 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки); 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки).

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации ПИ №ФС77-65762 от 20 мая 2016 года.

Редакционный совет журнала:

Дибиров Ибрагим Ашрапуудинович – главный редактор, д-р филол. наук, проф. каф. общего языкознания, ДГПУ им. Р. Гамзатова, Махачкала, Россия;
Асваров Нариман Асварович, к. ист. н., доц., ректор ДГПУ им. Р. Гамзатова, Махачкала, Россия;
Акамов Абусульян Татарханович, д-р филол. наук, директор, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы ДФИЦ РАН, Махачкала, Россия;
Амирханов Хизри Амирханович, д-р ист. наук, проф., заведующий отделом археологии каменного века, Институт археологии РАН, академик РАН, Москва, Россия;
Атаев Загир Вагитович, канд. геогр. наук, проф., директор НИИ биогеографии и ландшафтной экологии, ДГПУ им. Р. Гамзатова, Махачкала, Россия;
Барамидзе Цира Ревазовна, д-р филол. наук, проф., директор, Институт кавказоведения Тбилисского государственного университета им. И. Джавахипшвили, Тбилиси, Грузия;
Мамедов Рамазан Салам оглы, д-р филол. наук, проф., проректор по науке и инновациям, Сумгаитский государственный университет, Сумгаит, Азербайджан;
Лободанов Александр Павлович, д-р филол. наук, проф., декан факультета искусств, МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия;
Улаков Махти Зейтунович, д-р филол. наук, проф., заместитель председателя по научной работе, Кабардино-Балкарский научный центр РАН, Нальчик, Россия.

Редакционная коллегия серии
«Общественные и гуманитарные науки»:

Дибиров Ибрагим Ашрапуудинович – председатель, д-р филол. наук, проф. каф. общего языкознания, ДГПУ им. Р. Гамзатова, Махачкала, Россия;
Абдурахманова Пасигат Джалиловна, д-р филол. наук, проф., зав. каф. иностранных языков и методики их преподавания, ДГПУ им. Р. Гамзатова, Махачкала, Россия;
Акбиев Арсен Солтанмуратович, д-р ист. наук, проф. каф. всеобщей истории, ДГПУ им. Р. Гамзатова, Махачкала, Россия;
Алисултанов Алисултан Султанмуратович, д-р филол. наук, проф. каф. английского языка, ДГПУ, Махачкала, Россия;
Баранникова Татьяна Борисовна, д-р филол. наук, проф. каф. Английского языка, ДГПУ, Махачкала, Россия;
Гаджиев Мургазали Серажуудинович, д-р ист. наук, проф., зав. отделом археологии, Институт истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН, Махачкала, Россия;
Гарунова Нина Нурмагомедовна, д-р ист. наук, проф. кафедры истории России XX-XXI вв. ДГУ, Махачкала, Россия;
Гасанов Магомед Раджабович, д-р ист. наук, проф. каф. истории, ДГПУ им. Р. Гамзатова, Махачкала, Россия;

Учредитель журнала: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова».
Издается по решению ученого совета ДГПУ с 2007 г.
Периодичность – 4 номера в год.

Гимбатова Мадина Багавутдиновна, д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник отдела этнографии, Институт истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН, Махачкала, Россия;
Гмыря Людмила Борисовна, д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник отдела археологии, Институт истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН, Махачкала, Россия;
Джахиева Эльмира Гаджабдуллаевна, д-р ист. наук, проф. каф. всеобщей истории, ДГУ, Махачкала, Россия;
Кадимов Руслан Гаджимурадович, д-р филол. наук, проф., декан филологического факультета, ДГПУ им. Р. Гамзатова, Махачкала, Россия;
Казиева Альмира Магомедовна, д-р филол. наук, проф., директор, Северокавказский НИИ филологии ПГУ, Пятигорск, Россия;
Крочков Игорь Владимирович, д-р ист. наук, профессор кафедры истории России гуманитарного института, Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Россия;
Кукуева Асият Абдуллаевна, канд. филол. наук, доц., зав. каф. литературы, ДГПУ им. Р. Гамзатова, Махачкала, Россия;
Магомедов Магомед Ибрагимович, д-р филол. наук, проф., зав. каф. общего языкознания, ДГПУ им. Р. Гамзатова; главный научный сотрудник, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы ДФИЦ РАН, Махачкала, Россия;
Магомедханов Магомедхан Магомедович, д-р ист. наук, зав. отделом этнографии, Институт истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН, Махачкала, Россия;
Мусаева Салихат Ибрагимовна, д-р ист. наук, проф. каф. востоковедения, ДГУ, Махачкала, Россия;
Мутиева Оксана Саидовна, д-р ист. наук, доцент кафедры Отечественной истории, ДГУ, Махачкала, Россия;
Рамазанова Зоя Бугаевна, д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник отдела этнографии, Институт истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН, Махачкала, Россия;
Сефербеков Руслан Ибрагимович, д-р ист. наук, главный научный сотрудник отдела этнографии, Институт истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН, Махачкала, Россия;
Суздалцева Ирина Анатольевна, к. ист. н., доц., каф. всеобщей истории, ДГПУ им. Р. Гамзатова, Махачкала, Россия;
Сфиева Диана Касумовна, к. техн. наук, начальник редакционно-издательского отдела, ДГПУ им. Р. Гамзатова, Махачкала, Россия;
Темирханова Гюльнара Бейбалаевна, д-р филол., проф. каф. литературы, ДГПУ им. Р. Гамзатова, Махачкала, Россия;
Халидова Рашидат Шахрудиновна, д-р филол. наук, проф., зав. кафедрой теории и методики обучения русскому языку и литературе, ДГПУ им. Р. Гамзатова, Махачкала, Россия;
Халипаева Империят Арсланбековна, д-р филол. наук, заслуженный деятель науки РФ, проф. каф. романо-германских и восточных языков и методики преподавания, ДГПУ им. Р. Гамзатова, Махачкала, Россия;
Чеерчиев Мугума Чеерчиевич, д-р филол. наук, проф. каф. общего языкознания, ДГПУ им. Р. Гамзатова, Махачкала, Россия.

Номер журнала поступил в печать 23.12.2024 г.
Дата выхода в свет 28.12.2024 г.

© Авторы статей, 2024
© Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова, 2024

По вопросам размещения рекламы и публикации статей обращаться в редакцию:
367003 РД, г. Махачкала, ул. М. Ярагского, 57. Редакционно-издательский отдел ДГПУ им. Р. Гамзатова.
Тел.: (8722) 561275; www.dgpu.net; e-mail: dgpurio@yandex.ru

Scientific quarterly journal
Dagestan State Pedagogical University
JOURNAL
Social and Humanitarian Sciences

Vol. 18. No. 4. 2024

Scientific specializations of the journal:

5.6.1. National History (Historical Science); 5.6.2. General History (Historical Science); 5.6.3. Archaeology (Historical Science); 5.6.7. History of International Relations and Foreign Policy (Historical Science); 5.6.4. Ethnology, Anthropology and Ethnography (Historical Science); 5.9.1. Russian Literature and Literatures of the Russian Federation Peoples (Philological Science); 5.9.3. Theory of Literature (Philological Science); 5.9.4. Folklore Studies (Philological Science); 5.9.5. Russian Language. Languages of Russian Peoples (Philological Science); 5.9.6. Languages of the Foreign Countries Peoples (Indicating a Specific Language or Group of Languages) (Philological Science); 5.9.8. Theoretical, Applied and Comparative Linguistics (Philological Science).

The journal is founded by: "Gamzatov Dagestan State Pedagogical University" Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Published by the decision of DSPU Academic Council since 2007.
Periodicity - 4 issues a year.

Registered by Federal Service on Supervision in the sphere of Communication and Mass Media.
Registration certificate ПИ №ФЦ77-34896 from December, 25, 2008.

Editorial Board

Ibragim A. Dibirov – Editor-in-Chief, Dr. Sci. (Philology), Professor, Department of General Linguistics, Gamzatov DSPU, Makhachkala, Russia;
Nariman A. Asvarov, Ph.D. (History), Associate Professor, Rector of Gamzatov DSPU, Makhachkala, Russia;
Abusupyan T. Akamov, Dr. Sci. (Philology), Director, G. Tsadasa Institute of Language, Literature and Art, DFRC RAS, Makhachkala, Russia;
Khizri A. Amirkanov, Dr. Sci. (History), Professor, Head of the Department of Stone Age Archaeology, Institute of Archaeology, RAS, Academician, RAS, Moscow, Russia;
Zagir V. Atayev, Ph.D. (Geography), Professor, Director of the Research Institute of Biogeography and Landscape Ecology, Gamzatov DSPU, Makhachkala, Russia;
Tsira R. Baramidze, Dr. Sci. (Philology), Professor, Director, Institute of Caucasian Studies, Javakhsivili Tbilisi State University, Tbilisi, Georgia;
Ramazan S. Mamedov, Dr. Sci. (Philology), Professor, Vice-Rector for Science and Innovation, Sumgait State University, Sumgait, Azerbaijan;
Aleksandr P. Lobodanov, Dr. Sci. (Philology), Professor, Dean of the Faculty of Arts, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia;
Makhti Z. Ulakov, Dr. Sci. (Philology), Professor, Deputy Chairman for Research, Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia.

Editorial Council

Ibragim A. Dibirov – Chairman, Dr. Sci. (Philology), Professor, Department of General Linguistics, Gamzatov DSPU, Makhachkala, Russia;
Pasigat Dzh. Abdurakhmanova, Dr. Sci. (Philology), Professor, Head of the Department of Foreign Languages and Methods of Their Teaching, Gamzatov DSPU, Makhachkala, Russia;
Arsen S. Akbiev, Dr. Sci. (History), Professor, Department of General History, Gamzatov DSPU, Makhachkala, Russia;
Alisultan S. Alisultanov, Dr. Sci. (Philology), Professor, Department of English Language, Gamzatov DSPU, Makhachkala, Russia;
Tatyana B. Barannikova, Dr. Sci. (Philology), Professor, Department of English Language, Gamzatov DSPU, Makhachkala, Russia;
Murtazali S. Gadzhiev, Dr. Sci. (History), Professor, Head of the Department of Archaeology, Institute of History, Archaeology and Ethnography, DFRC RAS, Makhachkala, Russia;
Nina N. Garunova, Dr. Sci. (History), Professor, Department of Russian History of the 20th-21st Centuries, DSU, Makhachkala, Russia;
Magomed R. Gasanov, Dr. Sci. (History), Professor, Department of History, Gamzatov DSPU, Makhachkala, Russia;

Madina B. Gimbatova, Dr. Sci. (History), Leading Researcher, Department of Ethnography, Institute of History, Archaeology and Ethnography, DFRC RAS, Makhachkala, Russia;
Lyudmila B. Gmyrya, Dr. Sci. (History), Leading Researcher, Department of Archaeology, Institute of History, Archaeology and Ethnography, DFRC RAS, Makhachkala, Russia;
Elmira G. Dzhakhieva, Dr. Sci. (History), Professor, Department of General History, DSU, Makhachkala, Russia;
Ruslan G. Kadimov, Dr. Sci. (Philology), Professor, Dean of the Faculty of Philology, Gamzatov DSPU, Makhachkala, Russia;
Almira M. Kazieva, Dr. Sci. (Philology), Professor, Director, North Caucasus Research Institute of Philology, PSU, Pyatigorsk, Russia;
Igor V. Kryuchkov, Dr. Sci. (History), Professor, Department of Russian History, Institute of Humanities, North Caucasus Federal University, Stavropol, Russia;
Asiyat A. Kukueva, Ph.D. (Philology), Associate Professor, Head of the Department of Literature, Gamzatov DSPU, Makhachkala, Russia;
Magomed I. Magomedov, Dr. Sci. (Philology), Professor, Head of the Department of General Linguistics, Gamzatov DSPU; Chief Researcher, G. Tsadasa Institute of Language, Literature and Art, DFRC RAS, Makhachkala, Russia;
Magomedkhan M. Magomedkhanov, Dr. Sci. (History), Head of the Department of Ethnography, Institute of History, Archaeology and Ethnography, DFRC RAS, Makhachkala, Russia;
Salikhat I. Musaeva, Dr. Sci. (History), Professor, Department of Oriental Studies, DSU, Makhachkala, Russia;
Oksana S. Mutieva, Dr. Sci. (History), Associate Professor, Department of National History, DSU, Makhachkala, Russia;
Zoya B. Ramzanova, Dr. Sci. (History), Leading Researcher, Department of Ethnography, Institute of History, Archaeology and Ethnography, DFRC RAS, Makhachkala, Russia;
Ruslan I. Seferbekov, Dr. Sci. (History), Chief Researcher, Department of Ethnography, Institute of History, Archaeology and Ethnography, DFRC RAS, Makhachkala, Russia;
Irina A. Suzdaltseva, Ph.D. (History), Associate Professor, Department of General History, Gamzatov DSPU, Makhachkala, Russia;
Diana K. Sfieva, Ph.D. (Engineering), Head of Editorial and Publishing Department, Gamzatov DSPU, Makhachkala, Russia;
Gulnara B. Temirkhanova, Dr. Sci. (Philology), Professor, Department of Literature, Gamzatov DSPU, Makhachkala, Russia;
Rashidat Sh. Khalidova, Dr. Sci. (Philology), Professor, Head of the Department of Theory and Methods of Teaching Russian Language and Literature, Gamzatov DSPU, Makhachkala, Russia;
Imperiyat A. Khalipaeva, Dr. Sci. (Philology), Honored Scientist of the Russian Federation, Professor, Department of Romano-Germanic and Oriental Languages and Teaching Methods, Gamzatov DSPU, Makhachkala, Russia;
Muguma Ch. Cherkchiev, Dr. Sci. (Philology), Professor, Department of General Linguistics, Gamzatov DSPU, Makhachkala, Russia;

Journal accepted for publication 23.12.2024.
Published 28.12.2024.

© Authors of the articles, 2024
© Gamzatov Dagestan State Pedagogical University, 2024

Concerning the advertising and publication issues, you should address to our editorial office:
57, Yaragskogo Str., Makhachkala, 367003, Editorial and Publishing Department, Gamzatov DSPU.
Phone: (8722) 561275; www.dgpu.net; e-mail: dgpurio@yandex.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

<i>Гаджиева Х. И., Эмирова М. Н.</i> ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА И АНГЛИЙСКАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ В ДАГЕСТАНЕ В 1918-1919 ГГ.....	5
<i>Гасанов М. Р., Магомедова Э. М.</i> ИЗ ИСТОРИИ СРЕДНЕВЕКОВОГО ДАГЕСТАНА (ТАБАСАРАН В XIV-XV ВВ.).....	12
<i>Суздальцева И. А.</i> ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ ПЕРВОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ТЕАТРА В ДАГЕСТАНЕ.....	18

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Абдулмукинова Э. М., Эмирова Л. А.</i> В НАДЕЖДЕ СЛАВЫ И ДОБРА...»: АЛЕКСАНДР ПУШКИН И НИКОЛАЙ I (К ПРОБЛЕМЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ).....	25
<i>Ротанов А. Н.</i> ПРИЁМЫ ПЕРЕДАЧИ КАТЕГОРИИ ВРЕМЕНИ В ГРАФИЧЕСКИХ РОМАНАХ НИЛА ГЕЙМАНА.....	30
<i>Эмирова Л. А.</i> ЧЕЛОВЕК И ПРОСТРАНСТВО: «РУССКАЯ ИДЕЯ» А. П. ЧЕХОВА И Н. В. ГОГОЛЯ.....	37
<i>Юсупова П. Дж., Пахрудтинова Р. У., Кукуева А. А.</i> РУССКАЯ ДРАМА И СУДЬБЫ РУССКОГО КУПЕЧЕСТВА В ТВОРЧЕСТВЕ А. Н. ОСТРОВСКОГО.....	42

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Бабаев В. А.</i> СЕМАНТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ МЕСТОИМЕНИЙ В ЛЕЗГИНСКОМ ЯЗЫКЕ.....	51
<i>Габидуллаева П. М.</i> АНАЛИЗ СТИЛИСТИЧЕСКИХ И СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ХАБИБА АЛИЕВА.....	58
<i>Гаджиева Л. Г., Алисултанов А. С., Алиева Л. А.</i> АНГЛИЙСКИЕ ВРЕМЕНА ГРУППЫ INDEFINITE В СОПОСТАВЛЕНИИ С ГРУППОЙ ПОСТОЯННЫХ ВРЕМЕН В ЛАКСКОМ ЯЗЫКЕ.....	65
<i>Гасанова С. Х., Джаватова Г. А.</i> АСПЕКТЫ ЛИТЕРАТУРНОЙ ОНОМАСТИКИ.....	70
<i>Казбеков А. К., Мурадханова Т. И.</i> ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ.....	75
<i>Мурадханова Т. И., Казбеков А. К.</i> СОЮЗ MAIS В СОВРЕМЕННОМ ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ И ЕГО СООТНОШЕНИЕ С НАРЕЧИЯМИ ПРОТИВИТЕЛЬНОЙ СЕМАНТИКИ.....	81
<i>Эльдарова Н. М.</i> ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СЛОВА МШЕЛОИМСТВО В РУССКОМ ЯЗЫКЕ.....	87
<i>Халидова Р. Ш.</i> ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С КОМПОНЕНТОМ ГЪАДОЪА «ГОЛОВА» – РЕПРЕЗЕНТАНТЫ ЭТНИЧЕСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ КАРАТИНЦЕВ.....	98

ИНФОРМАЦИЯ. ХРОНИКА. ЮБИЛЕИ

<i>Нагиева М. К.</i> РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ ГАДЖИЕВОЙ З. Н. «ЮЖНЫЙ ДАГЕСТАН. 1960-Е – 1970-Е ГГ. (ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ СЕЛЬСКИХ РАЙОНОВ)». МАХАЧКАЛА: ИИАЭ ДФИЦ РАН, 2023. 196 С.....	104
<i>Суздальцева И. А.</i> РЕЦЕНЗИЯ НА ЮБИЛЕЙНЫЙ СБОРНИК ДОКУМЕНТОВ И МАТЕРИАЛОВ КАКАГАСАНОВ Г. И., ЛЫСЕНКО Ю. М. «ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ АВТОНОМИИ И ОБРАЗОВАНИЕ ДАГЕСТАНСКОЙ АССР (1920-1921 ГГ.)». МАХАЧКАЛА: АЛЕФ, 2021. 170 С.	106

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ	109
----------------------------------	-----

CONTENTS

HISTORY AND ARCHEOLOGY

<i>Gadzhieva Kh. I., Emirova M. N.</i> CIVIL WAR AND BRITISH INTERVENTION IN DAGESTAN IN 1918-1919.....	5
<i>Gasanov M. R., Magomedova E. M.</i> FROM THE HISTORY OF MEDIEVAL DAGESTAN (TABASARAN IN THE 14 TH -15 TH CENTURIES)	12
<i>Suzdaltseva I. A.</i> ISSUES OF THE FORMATION OF THE FIRST PROFESSIONAL THEATER IN DAGESTAN.....	18

LITERATURE STUDIES

<i>Abdulmukminova E. M., Emirova L. A.</i> “IN THE HOPE OF GLORY AND GOODNESS...”: ALEXANDER PUSHKIN AND NICHOLAS I (TO THE PROBLEM OF RELATIONSHIPS)	25
<i>Rotanov A. N.</i> TECHNIQUES FOR CONVEYING THE CATEGORY OF TIME IN GRAPHIC NOVELS BY NEIL GAIMAN	30
<i>Emirova L. A.</i> MAN AND SPACE: THE “RUSSIAN IDEA” OF A. P. CHEKHOV AND N. V. GOGOL	37
<i>Yusupova P. Dzh., Pakhrudtinova R. U., Kukueva A. A.</i> RUSSIAN DRAMA AND THE FATE OF RUSSIAN MERCHANTS IN A. N. OSTROVSKY’S WORKS	42

LINGUISTICS

<i>Babaev V. A.</i> SEMANTIC CLASSIFICATION OF PRONOUNS IN THE LEZGIN LANGUAGE.....	51
<i>Gabibullayeva P. M.</i> ANALYSIS OF STYLISTIC AND STRUCTURAL-SEMANTIC FEATURES OF PHRASEOLOGICAL UNITS IN KHABIB ALIYEV’S WRITINGS	58
<i>Gadzhieva L. G., Alisultanov A. S., Alieva L. A.</i> ENGLISH INDEFINITE TENSES IN COMPARISON WITH THE GROUP OF CONSTANT TENSES IN THE LAK LANGUAGE	65
<i>Gasanova S. Kh., Dzhavatova G. A.</i> ASPECTS OF LITERARY ONOMASTICS	70
<i>Kazbekov A. K., Muradkhanova T. I.</i> FEATURES OF THE PHRASEOLOGICAL FUNCTIONING UNITS IN ARTISTIC FRENCH	75
<i>Muradkhanova T. I., Kazbekov A. K.</i> THE CONJUNCTION <i>MAIS</i> IN MODERN FRENCH AND ITS RELATIONSHIP WITH ADVERBS OF ADVERSATIVE SEMANTICS.....	81
<i>Eldarova N. M.</i> FEATURES OF THE FUNCTIONING OF THE WORD <i>MSHELOIMSTVO</i> IN RUSSIAN....	87
<i>Khalidova R. Sh.</i> PHRASEOLOGICAL UNITS WITH THE COMPONENT <i>HADO'A</i> “HEAD” ARE REPRESENTATIVES OF KARATIN PEOPLE’S ETHNIC WORLDVIEW	98

INFORMATION. CHRONICLE. ANNIVERSARIES

<i>Nagieva M. K.</i> REVIEW FOR THE MONOGRAPH BY ZAREMA NAZIROVNA GADZHIEVA “SOUTHERN DAGESTAN. 1960S – 1970S (ECONOMIC AND SOCIO-CULTURAL DEVELOPMENT OF RURAL AREAS)”. MAKHACHKALA: IHAЕ DFRC RAS, 2023:196.....	104
<i>Suzdaltseva I. A.</i> REVIEW FOR THE ANNIVERSARY COLLECTION OF DOCUMENTS AND MATERIALS BY KAKAGASANOV G. I., LYSENKO YU. M. “PROCLAMATION OF AUTONOMY AND THE FORMATION OF DAGESTAN ASSR (1920-1921)”. MAKHACHKALA: ALEF, 2021:170	106

RULES FOR THE AUTHORS	109
------------------------------------	-----

ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

История и археология / History and Archeology
Оригинальная статья / Original Article
УДК: 93/94
DOI: 10.31161/1995-0667-2024-18-4-5-11
EDN: EHVPDQ

Гражданская война и английская интервенция в Дагестане в 1918-1919 гг.

© 2024 Гаджиева Х. И. ✉, Эмирова М. Н.

Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова,
Махачкала, Россия, halimat2008@mail.ru ✉; maginur51@mail.ru

РЕЗЮМЕ. Цели. Освещение вопросов связанных с рассмотрением отдельных этапов становления государственности в Дагестане, а именно в период революции 1917 г. и последовавшей за ней гражданской войны в России, вызвавшей огромный геополитический резонанс в Европе и во всем мире. Показать, каким образом повлияла революция 1917 г. и гражданская война 1918-1921 гг. на формирование автономии Дагестана. Анализ рассекреченных в последние годы архивных документов и работ российских историков, более объективно и полно освещающих рассматриваемую проблему. Для достижения целей исследования были использованы общепринятые теоретические **методы. Результаты.** Выстроена логическая структура написания научной статьи, приведены основные принципы описания исследования, материалов и методов исследования. **Выводы.** Данная статья позволит в дальнейшем использовать полученные результаты в системе исторических знаний.

Ключевые слова: гражданская война, интервенция, революция, большевики, меньшевики, Дагестан, становление и развитие государственности, советская власть.

Формат цитирования: Гаджиева Х. И., Эмирова М. Н. Гражданская война и английская интервенция в Дагестане в 1918-1919 гг. // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2024. Т. 18. № 4. С. 5-11. DOI: 10.31161/1995-0667-2024-18-4-5-11. EDN: EHVPDQ

Civil War and British intervention in Dagestan in 1918-1919

© 2024 Khalimat I. Gadzhieva ✉, Emirova Magi N.

Gamzatov Dagestan State Pedagogical University
Makhachkala, Russia, halimat2008@mail.ru ✉; maginur51@mail.ru

ABSTRACT. Aims. To cover issues related to the consideration of individual stages of the statehood formation in Dagestan, namely during the 1917 revolution and the ensuing civil war in Russia, which caused a huge geopolitical resonance in Europe and around the world. To show how the 1917 revolution and the civil war of 1918-1921 influenced the formation of Dagestan autonomy. Analysis of archival documents declassified in recent years and works of Russian historians, more objectively and fully covering the problem under consideration. To achieve the aims of the study, generally accepted theoretical **methods** were used. **Results.** A logical structure for writing a scientific article has been built, the main principles of describing the study, materials and research methods are given. **Conclusions.** This article will provide an opportunity to further use the obtained results in the system of historical knowledge.

Keywords: civil war, intervention, revolution, Bolsheviks, Mensheviks, Dagestan, formation and development of statehood, Soviet power.

For citation: Gadzhieva Khl, Emirova MN. Civil War and British intervention in Dagestan in 1918-1919. *Dagestan State Pedagogical University Journal. Social and Humanitarian Sciences*. 2024;18(4):5-11. (In Russ). DOI: 10.31161/1995-0667-2024-18-4-5-11. EDN: EHVDPQ

Введение

Революция 1917 г. и последовавшая после нее гражданская война в России вызвали огромный геополитический резонанс в Европе и во всем мире. Пришедшие к власти большевики резко изменили внешнюю политику новой советской России, что не могло не сказаться на планах ведущих мировых держав.

После ухода германских и турецких интервентов на Кавказ вторглись англо-французские и американские войска, которые выступали организаторами ликвидации советской власти. Американские дипломаты, оставшиеся в России, выполняли стратегические задания своего правительства, посольство США во главе с Франсисом поддерживало всякие антисоветские движения, под видом «Американского Красного Креста» разведчики США орудовали в Тифлисе, Баку, Ростове, в Средней Азии и в других областях. В Тифлисе находился консул США Смигдт. В Москве действовал американский генеральный консул Симерс и другие, которые организовывали белым генералам помощь деньгами, военной техникой, обмундированием и продовольствием.

Английское правительство также не могло примириться с победой революции в России и с первых же дней установления советской власти выступило в роли инициаторов открытого вооруженного похода против большевистской России. Для осуществления своих захватнических планов представители Антанты объявили о том, что они будут оказывать материальную и военную поддержку всем «национальным частям» в России.

Материал и методы исследования

В качестве материала для данного исследования были использованы исторические источники, публикации в научных журналах, в той или иной мере затрагивающие тему нашего исследования, а также проведен анализ рассекреченных в последние годы архивных документов и работ российских историков, более объективно и полно освещающих рассматриваемую проблему.

Результаты и их обсуждение

В конце 1917 г. в Париже была подписана конвенция об организации открытого вооруженного похода против Советской

России и о разделении, как писал Черчилль, «сферы действий ... на всем том протяжении, какое они были в состоянии охватить» [1, с. 34-37]. Согласно этой конвенции, Англия выбрала себе «зону действий» в Закавказье и Средней Азии, Франция – Бессарабию, Крым и Украину. В этом дележе англичане выделили на свою долю кавказскую нефть и туркестанский хлопок.

Лойд Джордж в своих «военных мемуарах» пишет, что в задачу английской миссии на Ближнем Востоке в начале 1918 г. входило обеспечение «свободного сообщения между Багдадом и Каспийским побережьем». Командующий первым отрядом английских войск на Кавказе генерал Денстервиль заявил, что «нефть стоила того, чтобы пуститься на любую авантюру». Англичане всячески стремились захватить Баку и закрепить за собою Каспийское море. «Господство на Каспийском море, – писал Денстервиль, – оставалось нашей конечной целью, почему я был убежден, что мое начальство придет и, наконец, пришло к убеждению, что контроль над морем может принадлежать только тому, кто владеет Баку, а потому нам необходимо будет оккупировать этот город» [2, с. 27].

С целью захвата Каспийского моря английские интервенты ускорили вторжение в Северный Иран. 28 января 1918 г. английский генерал Денстервиль по приказу Черчилля отправился со своим отрядом из Багдада в Энзели. Здесь он начал искать связи с кавказскими эсерами, меньшевиками и дашнаками, готовыми заключить союз с любой империалистической державой, лишь бы этот союз был направлен против советской власти.

Английские интервенты завербовали большой отряд казаков во главе с полковником Бичераховым, оставшимся в Иране после ухода русских войск в ноябре 1917 г. Царский полковник, получивший чин генерала английской службы, сначала нес охранную службу для англичан, а затем стал получать от английского штаба более серьезные задания. На Бичерахова возложили задачу – пробраться на Кавказ и расчистить путь для движения английских войск.

Сделка между Денстервилем и Бичераховым была заключена. Денстервиль в своих мемуарах пишет с откровенной циничностью: «... мы совместно выработали план действия на Кавказе, где моя помощь была ему не менее ценна, чем его мне» [3, с. 59].

В план, выработанный Денстервилем и Бичераховым, входило расстройство рядов Кавказской Красной армии, задерживавшей натиск германо-турецких интервентов западнее Баку. Для осуществления замыслов английских империалистов Бичерахов решил выступить в роли «защитника» советского Баку от германо-турецких интервентов. С помощью бакинских эсеров и меньшевиков Бичерахову удалось добиться согласия Бакинского Совета и Совнаркома на приглашение его на Кавказ. Большой отряд Бичерахова, хорошо вооружённый английской техникой и пополненный несколькими английскими офицерами, был включён в состав Кавказской Красной армии и направлен на Аджикабульский фронт. С помощью нескольких агентов в советских воинских частях, из числа бывших военных специалистов, Бичерахов расстроил ряды армии и способствовал отступлению её до самого Баку.

Азербайджанские мусаватисты, ориентировавшиеся на Турцию, распространяли провокационные слухи о том, что большевики намерены пригласить в Баку англичан. Они обвиняли большевиков в тех планах, которые строили бакинские эсеры, меньшевики и дашнаки. Степан Шаумян выступил от имени большевиков с официальным разъяснением. «В опровержение этих провокационных слухов, – писал он, – заявляю, что никаких английских частей в Баку нет. Никакого соглашения у Бакинской Советской власти с англичанами нет и быть не может» [3, с. 57]. За спиной большевиков бакинские эсеры, меньшевики и дашнаки вели переписку с англичанами и через Бичерахова подготовили всё для появления в Баку английских войск.

События в Баку тяжело отозвались на политическом положении в Дагестане. В этот период советские вооружённые силы в Дагестане вели непрерывные бои с многочисленными мятежниками дагестанского имама Нажмудина Гоцинского, белогвардейских частей и турецких интервентов. Дагестан, отрезанный от советской России, мог рассчитывать только на помощь пролетарского Баку. Дагестанское советское командование послало в Баку к чрезвычайному комиссару по делам Кав-

каза С. Шаумяну специальную делегацию за военной помощью. Эта помощь должна была прийти со дня на день. Степан Шаумян выделил для Дагестана эшелон вооружения и боеприпасов и готовил его к отправке в Порт-Петровск.

События в Баку сорвали эту помощь. Англичане приказали Бичерахову арестовать эшелон и не давать дагестанцам оружия. Дагестанские большевики, продолжая до последних сил отражать натиск горской контрреволюции, сообщали в Царицын Сталину и в Астрахань А. Анисимову о прибытии делегата, командированного в Баку за снаряжением, и объявили, что весь груз, следующий в Петровск, отобран у них в Баладжарах отрядом Бичерахова, не пропускающим ничего для Красной Армии.

Сделавшись хозяевами положения в Баку, английские интервенты стали развёртывать задуманный план оккупации юга России – побережья Каспийского моря, блокаду Астрахани, организацию помощи чехословацкому мятежу на Волге, организацию на юге общей блокады против Российской Советской Республики. Осуществление этого черчиллевского стратегического плана грозило лишить молодую советскую республику грозненской нефти, каспийской рыбы и богатых продовольственных южных ресурсов.

Пополнив свои войска эсеро-меньшевицкими и дашнацкими элементами и захватив бронепоезда, Бичерахов начал поход на Дагестан. Английским хозяевам Бичерахова хорошо было известно стратегическое значение Порт-Петровска, как единственного пункта, связывавшего в этот период советскую республику с Кавказом. Порт-Петровск послужил бы ближайшей военной базой англичан для наступления на Астрахань. Для борьбы с угрозой англо-бичераховской интервенции в Дагестане был создан Чрезвычайный Военный Совет, в который вошли военный комиссар дагестанского областного Совета Махач Дахадаев, командир конного полка А. Тимошин, командированные в Дагестан О. Лещинский, А. Анисимов и др.

Дагестанские эсеры, меньшевики и другие контрреволюционеры пытались повторить тактику бакинцев. Они вступили в переговоры с Бичераховым и настаивали перед Чрезвычайным Военным Советом на необходимости беспрепятственно пропустить «мирный отряд» Бичерахова через

Дагестан на Северный Кавказ. Но Чрезвычайный Военный Совет мобилизовал все силы, пополнил ряды малочисленной дагестанской советской армии, боровшейся под командованием Махача Дахадаева, рабочими Порт-Петровска. К рабочим присоединилась горская беднота из соседних аулов и только что прибывший из Астрахани отряд в 150 красноармейцев. В течение двух недель отряды Махача Дахадаева отражали натиск английских наемников на подступах к Порт-Петровску, под Манасом, и, потеряв почти половину своего состава, вынуждены были отступить. У Порт-Петровска Махач Дахадаев закрепился на новых позициях. Английские захватчики решили оказать прямую военную помощь своему ставленнику. В разгар боёв за Порт-Петровск на рейде у входа в порт появились английские боевые корабли, помогая Бичерахову, они начали бомбардировку города.

2 сентября 1918 г. войска Бичерахова с помощью английской флотилии заняли Порт-Петровск. Таким образом, оказалась выполненной ещё одна задача английских интервентов. Английский советчик при Бичерахове майор Роуландсон предложил предателям из «диктатуры Центрокаспия» отметить эту дату в печати. Бакинские эсеры, меньшевики и дашнаки писали в своём «бюллетене»: «Хотя и медленно, но безостановочно усиливаются здесь и наши союзники-англичане, интересы которых ни в чём не расходятся с нашими, и которые превосходно учли настоящую конъюктуру и соединили свои силы с нашими. Захват Бичераховым Петровска означает большой шаг вперёд в смысле достижения нами намеченных целей...» [4, с. 77].

31 августа 1918 г. И. В. Сталин писал В. И. Ленину об этих событиях и ходе борьбы на Кавказе и на Каспийском море, просил направить из Балтийского флота военно-морские силы, чтобы использовать их в борьбе с английской интервенцией.

«Дорогой товарищ Ленин, – писал Сталин, – идёт борьба за юг и Каспий. Для оставления за собой всего этого района (а его можно оставить за собой, необходимо иметь несколько миноносцев лёгкого типа и штуки две подводных лодок (подробнее спросите Артёма). Умоляю Вас разбить все преграды и тем облегчить – двинуть вперёд дело немедленного получения требуемого. Баку, Туркестан, Северный Кавказ будут (безусловно!) нашими, если немед-

ля будут удовлетворены требования... Жму руку моему дорогому и любимому Ильичу. Вапш Сталин» [5, с. 408].

Положение советской власти в центре России было в то время очень тяжёлым. Красная армия оборонялась от многочисленных внешних интервентов и внутренней белогвардейской контрреволюции. Всё это не давало возможности организовать силы на помощь Каспийскому району. Английские интервенты с помощью Бичерахова сумели закрепить за собой всё побережье. Англичане постарались, прежде всего, обезглавить большевистские организации, они расстреляли организаторов Советской власти на Кавказе – 26 бакинских комиссаров.

С помощью местных белогвардейцев и Бичерахова они расправились с вождем дагестанской бедноты Махачем Дахадаевым, которого Серго Орджоникидзе в телеграмме В. И. Ленину и И. В. Сталину, посвящённой гибели Махача, назвал популярнейшим советским работником Дагестана, в лице которого социалистический Дагестан понёс тяжёлую потерю. По поводу репрессий, организованных английскими интервентами на Кавказе, И. В. Сталин писал: «В «цивилизованных» странах принято говорить о террорах и ужасах большевиков. Причём англо-французских империалистов изображают обычно как врагов террора и расстрелов. Но разве не ясно, что никогда Советская власть не расправлялась со своими противниками так низко и подло, как «цивилизованные» и «гуманные» англичане, что только империалистические людоеды, насквозь прогнившие и потерявшие всякий моральный облик, могут нуждаться в ночных убийствах и разбойничьих нападениях на безоружных политических работников противоположного лагеря» [6, с. 278].

Действия Бичерахова в Дагестане сопровождалась расправой над рядовыми работниками, красными командирами, рабочими и бойцами. Бичераховым были расстреляны командиры дагестанской советской армии Ляхов и Пугин, организаторы рабочих дружин Лагода и Иван Котров, один из организаторов советской власти в Дагестане, рабочий-большевик Никита Ермошкин, активный советский работник А. Эфендиев и др. На станции Мамедкала они расстреляли работавших тут же на поле крестьян.

Продвигая Бичерахова на Северный Кавказ, англичане пытались воспользоваться благоприятной для них ситуацией на Тереке. Зажиточная часть терского казначества во главе с меньшевистским лидером Георгием Бичераховым (братом Лазаря Бичерахова) подняла в это время на Тереке антисоветский мятеж и подготовила почву для подхода деникинцев с Дона. Братья планировали объединиться на Тереке и установить здесь антисоветское Кавказско-Каспийское управление, подчинённое Самаре и Колчаку.

Большевики Дагестана оказывали упорное сопротивление английским интервентам. Попытка Бичерахова расширить плацдарм и проникнуть с помощью местных белогвардейских главарей Тарковского, Джафарова, Гасанова и др. в горы Дагестана кончилась полным провалом. В первом же походе Бичерахова в аулы Губден и Утамыш на его отряды неожиданно напали даргинские партизаны, руководимые М. Карабудаговым и А. Багатырёвым. Они пускали под откос бичераховские поезда с английским вооружением, разрушали железную дорогу и мосты, связывающие Порт-Петровск с Дербентом. Вожди кумыкских партизан З. А. Батырмурзаев и С. Казбеков также организовывали отряды ополчения. Они вовлекли в них кумыкскую бедноту и оторвавшихся от своих частей русских красноармейцев, нападали на бичераховские базы, перерезали на линии Хасав-Юрт-Гудермес железную дорогу, уничтожали воинские эшелоны и взрывали мосты.

15 сентября германо-турецким войскам удалось временно захватить Баку и вытеснить англичан в Среднюю Азию и Иран. Бичерахов, преследуемый горцами, оставил Дагестан германо-турецким интервентам и ушёл к своим английским покровителям. В ноябре, после поражения германской коалиции в Европе, турецкие и немецкие войска были изгнаны из Баку, Порт-Петровска и из других стратегических пунктов. Английские интервенты вновь появились в Баку, и на этот раз оккупировали всё Закавказье. Они преследовали цель завоевать Кавказ, сосредоточить в своих руках руководство военными операциями Колчака, Деникина и других белогвардейских генералов и восстановить в России капиталистическую власть. Опорными пунктами своими англичане счита-

ли Кавказ, Архангельск, Дальний Восток и Среднюю Азию.

В конце ноября британский генерал Томпсон начал переговоры с представителями «Горского правительства» Северного Кавказа и Дагестана. Делегация этого правительства претендовала на территорию от Каспийского до Чёрного моря и просила Томпсона отправить в Дагестан как можно больше английских войск. Одновременно лидеры Горского правительства просили английских интервентов приостановить продвижение деникинской армии в пределы территории Горского правительства. Английские интервенты под предлогом защиты Горского правительства от большевиков немедленно захватили Порт-Петровск, а вопрос о «независимости» отложили до мирной конференции союзников.

Томпсон поставил перед Горским правительством задачу: оставить в стороне все мелкие распри, не соперничать с Деникиным, объединиться против большевиков, восстановить железную дорогу и паровозное движение и помочь союзникам быстрее установить связь с деникинской армией. Английские интервенты сосредоточили в Порт-Петровске свои военноморские силы, а на станции Петровск-Кавказский свои авиаотряды. Глава английской миссии при Горском правительстве полковник Роуландсон сделался командующим английских частей и главнокомандующим горскими вооружёнными силами.

Базировавшаяся в Порт-Петровске английская флотилия блокировала Астрахань. Английские оккупанты направили на этот важный стратегический пункт удары Колчака и Деникина.

Английские интервенты предъявили Горскому правительству требование провести мобилизацию горцев для борьбы против Советской власти. Горцы Дагестана, руководимые большевиками, наотрез отказались дать в солдаты своих сыновей. Наркомат национальностей сообщил в феврале 1919 г.: «Недавно на съезде представителей дагестанских народов англичане предложили дать кадры своих войск для борьбы с русскими (читай с большевиками), обещая за это полную самостоятельность, снаряжение, вооружённую помощь и т. п. блага. На съезде по этому вопросу возникли бурные разногласия и, в

конце концов, большинством голосов присутствующих предложение англичан съездом было отклонено. Англичане ушли ни с чем, но их сторонники – князь Тарковский, Гоцинский Нажмутдин и т.д. не успокоились и решили с оружием в руках, путём посылки карательных отрядов в «крамольные аулы» проучить своих врагов. Но они встретили неожиданное сопротивление со стороны «крамольников». Разгорелась борьба, охватившая теперь всю территорию Дагестана» [7, с. 11-12].

Английское командование приняло на себя не только материальное обеспечение, вооружение и обеспечение офицерскими кадрами, но и непосредственное руководство военными операциями. Они откровенничали: «Всю ответственность за ведение операций против красных сил, сосредоточенных в Астрахани, и за правильное снабжение морем Уральского фронта британское морское командование берёт на себя». В апреле 1919 г. в Порт-Петровск прибыл начальник штаба деникинской армии генерал Гришин-Алмазов. Английское командование одобрило стратегический план Деникина и решило отправить Гришина-Алмазова к Колчаку морем через Гурьев. Большевики Астрахани, возглавляемые С. М. Кировым, захватили судно, перевозившее английского посланца, и разоблачили план совместного наступления Колчака и Деникина.

Английские интервенты, чувствуя, что они не в состоянии бороться с народным сопротивлением, решили отдать Дагестан Деникину, сохранив за собою в Порт-Петровске морскую базу. Чтобы помочь Деникину, английские гидропланы стали бомбить мятежные горские аулы. «Если вы не боретесь против большевизма, то против ваших аулов выступят не только деникинцы, но и наши британские войска» заявил английский полковник Роулантсон.

Большевики Дагестана, руководимые из Астрахани С. М. Кировым и из Баку А. И. Микояном, подняли в тылу Деникина всенародное восстание. Рабочие Порт-Петровска испортили подъёмные краны английских гидропланов и сняли замки с пушек английских батарей. Большевики развернули пропагандистскую работу в рядах английских цветных солдат. В Астрахань С. М. Кирову дагестанские большевики писали: «Мы организовали боль-

шие силы... В разложении английского флота имеем успех. 16-го июня английские солдаты трёх судов заявили командованию о своём несогласии оставаться в России. 20 июня 6 человек матросов было повешено. 28 июня ещё 8 английских судов потребовали ухода из вод Каспийского моря».

Заключение

Английские интервенты пытались помочь деникинскому командованию в подавлении восстания трудящихся горцев. Они бомбили аулы Дургели, Кадар, Леваша и другие. Полковник Роулантсон, ставший представителем английской миссии при Деникине, в сентябре 1919 г. официально обратился к «представителям Дагестана»: «Правительство Англии, – заявил он, – поддерживает генерала Деникина и его цели... Англия помогает Деникину снаряжением, техникой, аэропланами, пушками, пулемётами, и будет помогать до исполнения Деникиным его цели. Англия дала для этого своих инструкторов. Будет очень жаль, если придётся обратить это оружие против горцев, и их аулы будут разрушены».

Англичане жестоко расправлялись с большевиками. По их указке были арестованы и расстреляны Уллубий Буйнакский, Оскар Лещинский и другие революционеры. Рабочих городов и горскую бедноту обвиняли в большевизме, каждого подозрительного расстреливали без суда. Бакинская рабочая газета «Набат» сообщала о положении в Дербенте и в Петровске: «Расстрелы и виселицы, «тесные галстуки» выводят в «расход» рабочих, обвиняемых в большевизме. Массовый расстрел, беспорядочный пьяный разгул и грабёж офицерской банды возбуждают население, которое ждёт момента для расправы с разбойниками».

Имам Нажмутдин Гоцинский, получив помощь грузинских меньшевиков и Врангеля в ноябре 1920 г., поднял мятеж в горах Дагестана против советской власти, пытаясь привлечь на сторону Н. Гоцинского горцев Дагестана и сыграть на их симпатиях к вождю национально-освободительного движения имаму Шамилю. Для этого английское военное командование командировало к Гоцинскому под видом сына Шамиля некоего Саидбека, турецкого агента, но это им не помогло, мятеж в мае 1921 г. был подавлен.

На Кавказе в 1920-1921 гг. были ликвидированы последние очаги гражданской войны и иностранной интервенции. После подавления антисоветского мятежа Н.

Гоцинского в Дагестане окончательно установилась советская власть и первой из всех республик он получил статус автономии – ДАССР.

Список литературы

1. Непомнящий А. А., Зарубин В. Г. Новое слово о Гражданской войне // Российская история. 2015. № 1. С. 160-163
2. Эмиров Н. П. Из истории военной интервенции и гражданской войны в Дагестане. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1972. 215 с.
3. Джамбулатов Р. Т. Революция и гражданская война на Тереке. Махачкала: Rizo-Press, 2012.
4. Безугольный А. Ю. Генерал Бичерахов и его Кавказская армия: неизвестные страницы истории гражданской войны и интервенции на Кавказе 1917-1919 гг. М.: ЛитРес, 2011. 224 с.
5. Сталин И. В. К военному положению на Юге // Сочинения. М.: ОГИЗ, 1947. Т. 4. С. 282-291.
6. Сталин И. В. Письмо В. И. Ленину с Южного фронта. 15 октября 1919 г. // Сочинения. М.: ОГИЗ, 1947. Т. 4. С. 275-277.
7. Сталин И. В. Положение на Кавказе // Сочинения. М.: ОГИЗ, 1947. Т. 4. С. 95-100.

References

1. Nepomniaschiy AA, Zarubin VG. A new contribution to the history of the civil war. *Russian History*. 2015(1):160-163. (In Russ)
2. Emirov NP. From the history of military intervention and civil war in Dagestan. Makhachkala: Dagknigoizdat, 1972:215. (In Russ)
3. Dzhambulatov RT. Revolution and civil war on the Terek. Makhachkala: Rizo-Press, 2012. (In Russ)
4. Bezugolny AYU. General Bicherakhov and his Caucasian army: unknown pages of the history of the civil war and intervention in the Caucasus (1917-1919). Moscow: LitRes, 2011:224. (In Russ)
5. Stalin IV. On martial law in the South. *Writings*. Moscow: OGIZ, 1947;4:282-291. (In Russ)
6. Stalin IV. Letter to V. I. Lenin from the Southern Front. October 15, 1919. *Writings*. Moscow: OGIZ, 1947;4:275-277. (In Russ)
7. Stalin IV. The Situation in the Caucasus. *Writings*. Moscow: OGIZ, 1947;4:95-100. (In Russ)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Принадлежность к организации

Гаджиева Халимат Иманшапиевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова, Махачкала, Россия, Halimat2008@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6169-622X>

Эмирова Маги Нурмагомедовна, кандидат исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова, Махачкала, Россия, maginur51@mail.ru

Критерии авторства

Гаджиева Х. И. – сбор и обработка материала, постановка цели, редактирование статьи, подготовка библиографии; Эмирова М. Н. – общий анализ материала, выводы и заключение, корректирование рукописи до подачи в редакцию.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 14.08.2024
Одобрена после рецензирования 29.11.2024
Принята к публикации 09.12.2024

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Affiliations

Khalimat I. Gadzhieva, Ph.D. (History), Associate Professor, Department of General History, Gamzatov Dagestan State Pedagogical University, Makhachkala, Russia, halimat2008@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6169-622X>

Emirova N. Magi, Ph.D. (History), Professor, Department of General History, Gamzatov Dagestan State Pedagogical University, Makhachkala, Russia, maginur51@mail.ru

Contribution of the authors

Gadzhieva Kh. I. – collection and processing of the material, setting aims, editing the article, preparing the references; Emirova M. N. – general analysis of the material, conclusions, correcting the article before submission to the editorial office.

Conflict of interest

The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 14.08.2024
Approved after reviewing 29.11.2024
Accepted for publication 09.12.2024

История и археология / History and Archeology
Оригинальная статья / Original Article
УДК 94/94
DOI: 10.31161/1995-0667-2024-18-4-12-17
EDN: EZLMPC

Из истории средневекового Дагестана (Табасаран в XIV-XV вв.)

© 2024 Гасанов М. Р., Магомедова Э. М. ✉

Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова
Махачкала, Россия, shamhaiova.sonya@yandex.ru, elmira.magomedova.73@mail.ru ✉

Резюме. Цель. Статья посвящена раскрытию вопросов политического, социального, экономического и культурного развития Табасарана в XIV-XV вв. **Методы.** Методологической базой исследования являются принципы исторического детерминизма, системного анализа и историзма. Она написана на основе разнохарактерного фактического материала, собранного из источников и литературы, а также полевых данных. Большую ценность представляют эпиграфические памятники, архивные сведения. **Результаты.** Изложенный материал дает основание считать, что майсумство было одним из крупных владений Дагестана, жители которого поддерживали разносторонние связи с остальными дагестанскими владениями. **Выводы.** Табасаранское майсумство было одним из крупных независимых феодальных владений Дагестана во главе со своим правителем. Оно проводило самостоятельно свою внешнеполитическую деятельность, отстаивало свободу и независимость от внешних завоевателей.

Ключевые слова: Дагестан, Табасаранское майсумство, Дербент, Ширван, взаимоотношения, Серир, Кайтагское уцмийство, «Завещание Андуник-нуцала», борьба, общества.

Формат цитирования: Гасанов М. Р., Магомедова Э. М. Из истории средневекового Дагестана (Табасаран в XIV-XV вв.) // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2024. Т. 18. № 4. С. 12-17. DOI: 10.31161/1995-0667-2024-18-4-12-17. EDN: EZLMPC

From the History of Medieval Dagestan (Tabasaran in the 14th-15th Centuries)

© 2024 Magomed R. Gasanov, Elmira M. Magomedova ✉

Gamzatov Dagestan State Pedagogical University
Makhachkala, Russia, shamhaiova.sonya@yandex.ru, elmira.magomedova.73@mail.ru ✉

Abstract. Objective. The article is devoted to the disclosure of issues of political, social, economic and cultural development of Tabasaran in the 14th-15th centuries. **Methods.** The methodological basis of the study is the principles of historical determinism, systems analysis and historicism. It is written on the basis of diverse factual material collected from sources and literature, as well as field data. Epigraphic monuments and archival information are of great value. **Results.** The presented material gives reason to believe that Maisumstvo was one of the large possessions of Dagestan, whose inhabitants maintained diverse ties with the rest of the Dagestan possessions. **Conclusions.** Tabasaran Maisumstvo was one of the large independent feudal possessions of Dagestan headed by its ruler. It independently conducted its foreign policy activities, defended freedom and independence from external conquerors.

Keywords: Dagestan, Tabasaran Maysumstvo, Derbent, Shirvan, relationships, Serir, Kaytag Utsmiystvo, Andunik-nutsal's will, struggle, societies.

For citation: Gasanov MR, Magomedova EM. From the History of Medieval Dagestan (Tabasaran in the 14th-15th Centuries). *Dagestan State Pedagogical University Journal. Social and Humanitarian Sciences*. 2024;18(4):12-17. (In Russ). DOI: 10.31161/1995-0667-2024-18-4-12-17. EDN: EZLMPC

Введение

Анализ современного состояния изученности феодальных владений Дагестана является важной задачей исторической науки. Внимание исследователей к проблеме политических образований, в том числе Табасаранского майсумства, определено его большой ролью и важным местом в истории Дагестана.

Материал и методы исследования

В статье использованы данные из сочинений средневековых авторов: арабских, персидских, местных, эпиграфические материалы, а также исследования, касающиеся данной темы.

Методологической базой при написании статьи послужили принципы историзма, синтеза, рассматривающие исторические вопросы в их становлении, развитии и взаимообусловленности.

Результаты и их обсуждение

В своем развитии Табасаран прошел ряд этапов, один из них связан с XIV-XV вв. Накануне Табасаран был раздроблен на самостоятельные политические образования. В XI-XII вв. по данным Абу Хамида аль-Гарнати Табасаран был раздроблен на двадцать четыре рустака, в каждом из которых находился серхенг наподобие эмира. Рустаки со временем трансформировались в союзы сельских обществ со своими центрами.

Внутренние социально-экономические процессы, происходившие в Дагестане, в том числе и в Табасаране в XIV-XV вв., а также борьба против многочисленных завоевателей содействовали объединению самостоятельных обществ в единое политическое образование – Табасаранское майсумство.

По мнению отдельных авторов Табасаран в XIV-XV вв. находился под влиянием то Ширвана, то Серира, то Кайтага и т. д.

Так профессор С. Ашурбейли пишет, что при правлении Ибрахима I и Халиллули Ширваном «потомки Мухаммадбека, Кайтагского уцмийа, вассала Ширвана, продолжали управлять рядом селений, пожалованных ему ширваншахом Шейх-Ибрахимом, а также Кураком и Табасараном» [1, с. 261].

Однако в источнике ничего подобного не сказано, а говорится лишь о «разрешении потомкам Ширваншаха жить в некоторых населенных пунктах Кюре, Табасарана» [2, с. 56].

Не основываясь ни на какие источники, голословно Е. И. Криптопа пишет: «Табасаран почти не упомянут в письменных источниках, относящихся к рубежу XII-XIII вв.» [3, с. 58]. Он повторяет то, что ошибочно написано о Табасаране некоторыми другими авторами. Если в источниках Табасаран не упомянут, это не значит, что он исчез с исторической арены. Зато сохранились эпиграфические и другие памятники, свидетельствующие об этом владении, а также о табасаранских обществах.

Даже на карте «Политическая ситуация в Южном Дагестане во 2 половине XIV в.», приложенной к книге А. Е. Криптопы, места для Табасарана не нашлось.

В разделе «Сведения о Южном Дагестане во второй половине XIII в.» его книги также ни слова не сказано о Табасаране. Зато на основе эпиграфических данных А. Е. Криптопа подробно излагает материал о существовании обществ Цахур, Тпиг, Рутул [3, с. 80-84].

Только лишь на основании сообщения о Дюбеке (1401 г.), как об одном из пунктов «Страны Кайтагской», А. Е. Криптопа считает, что Табасаран находился в сфере политического пространства Кайтагского уцмийства [4, с. 149]. Вот его подход к освещению истории Табасарана. Ему надо знать, что Дюбек – это одно из обществ Табасарана, которое граничило с Кайтагом. Жители обществ Кайтага и Дюбека в течение ряда веков поддерживали между собой разносторонние связи. В XIV в. само Кайтагское уцмийство еще не оправилось от нашествий монголо-татар и Тимура, оно не могло подчинить Табасаран своему влиянию. О состоянии Кайтагского уцмийства в XIV в. проф. Р. М. Магомедов пишет: «Кайтагское уцмийство, известное как одно из раннефеодальных государственных объединений Дагестана, сильно пострадало от нашествий Тимура» [5, с. 129].

Ссылаясь лишь на данные из поэмы Бадра Ширвани (1387-1450), Т. М. Айтберов считает, что в XIV в. будто Серир включал «в свой состав даже Табасаран» [6, с. 86]. И далее он пишет: «Табасаранцы всегда в составе Сарира-Аварии» [6, с. 86]. Для утверждения, что Табасаран входил в состав Серира ссылка только на поэму является недостаточным основанием. Т. Айтберов неоднократно комментировал текст «Завещания Андуник нуцала» (1485), в котором сказано – Табасаранское владение одно из крупных в Дагестане в XV в., в

котором проживало 60 тыс. мужей в одних вариантах, 70 тыс. мужей – в других [7, с. 84]. Поэтому следует полагать, что Серир и Табасаран находились в союзнических отношениях, как равноправные владения. Ш. М. Хапизов пишет: «Т. М. Айтберов обратил внимание на то, что из текста Бафра Ширвани (1387-1450), написанной в честь ширваншаха шайх Ибрахима (1382-1417), следует, что в Ширване традиционно считали Табасаран частью государства Серир. В ней сказано: «Табасаранцы всегда в составе Сарира-Авара» [8, с. 58].

Надо сказать, что отсутствуют подтверждающие источники о том, что Табасаран был частью Серира и что «табасаранцы всегда входили в состав Сарира-Авара». Если Табасаран и его население входили в Серир, следует считать, что в его состав входила и территория, населенная даргинцами, лакцами и другими народами, поскольку Табасаран не граничил с Сериром.

О политическом положении и влиянии Табасаранского майсумства в Дагестане в XV в. проф. Р. М. Магомедов пишет следующее: «Табасаранские майсумы сохранили свою власть и при Тимуре, но теперь майсумство было представлено само себе. Ему приходилось отражать частые набеги из соседних княжеств. Только наличие достаточных людских и материальных ресурсов объясняет, почему Табасаранское майсумство в XV в. уцелело от расчленения и захвата» [5, с. 132].

В XIII-XIV вв. Табасаран представлял собой самостоятельный регион, независимый от соседских владений даже в период усиления шамхальства XV-XVI вв., в состав которого входило «все население страны Черкес до Шемахи» [9, с. 29]. Табасаран, как пишет проф. В. Г. Гаджиев, был независимым владением от шамхала [9, с. 29]. О Табасаране автор «Джахан наме» (XV в.) сообщает: «Табасаран – это укрепленный замок, в районе которого живет 40 000 семейств» [10, с. 53]. Если считать, что семья состояла из 5 членов, численность населения Табасарана, следует полагать, составляла 200 тыс. человек.

О том, что Табасаран в XV в. не был зависим от соседних владений, а также Серира подтверждают и данные о Табасаране, содержащиеся в «Завещании Андуник-нуцала» (1485 г.). Междоусобицы, происходившие в Дагестане, столкнове-

ния, связанные с нашествиями монголо-татар, сефевидов и других завоевателей, диктовали, чтобы табасаранские майсумы поддерживали разносторонние связи с дагестанскими владениями – Кайтагским уцмийством, Дербентским ханством, Ширваном, Казикумухским ханством, Аварским нуцальством и др.

С целью обсуждения возникших проблем дагестанские владельцы собирались на съезды, которые соответствовали требованиям времени. На таком съезде было одобрено «Завещание Андуника». Один из его списков («гидатлинская редакция») дает пояснение, что оно было составлено шейхом шейхов Алимирзой ал-Анди во время съезда эмиров на этой горе. Документ этот можно причислить к категории нормативных актов, специально фиксированных, оформление которых осуществлялось в присутствии мусульманского культа и авторитетных представителей власти и общества («...были свидетели – эмиры, улемы, умные, сведущие и другие люди») [11, с. 58].

Андуник II (1420-1486) сын Ибрагима. В 1485 г. Андуник (Гандуник I), носивший титул нуцала, передал власть своему племяннику Булач-нуцалу, по случаю чего было составлено известное «Завещание Андуника» [8, с. 94].

Данные о Табасаране, содержащиеся в «Завещании Андуник-нуцала» и хронике «Джахан-наме» опровергают мнение будто «в середине XV в. потомки кайтагского уцмья управляли крепостями в Докузпаре и Табасаране» [11, с. 11].

В XIV-XV вв. социальные отношения в Табасаране получили дальнейшее развитие. Большую ценность для освещения вопросов социального строя Табасарана XV в. представляют нормы обычного права [13, с. 12]. В Табасаранском майсумстве власть переходила от отца к старшему сыну, или старшему в роде. Титул майсума был наследственным [14]. Известно, что по традиции при смене майсума соблюдался обряд «избрания». Он происходил на сходе представителей всех обществ – магалов – узденских и райатских, созываемых в определенных местах. Некоторые узденские общества Табасарана, в частности Хираг (Дювек-Елеми), Чуркул, Дрич (Дирче), следует полагать, в пределы майсумства не входили. Названия ряда указанных обществ не зафиксированы в ранних источниках.

На этапе усиления Табасаранского майсумства в его состав входили также обществу, населенные азербайджанцами, лезгинами, агулами и подвластные жители были обложены данью. Сохранились сведения о повинностях, которыми были обложены подвластные майсуму аулы – это Гимейди, Бильгади, Зидьян, Мугарты, Митаги, Рукель, Камах и др. [15, с. 347]. Согласно преданиям, жители населенных пунктов Гимейди, Бильгади, Зидьян, Мугатыр (Мугарты), Митаги, Рукель, Камах коренные табасараны. На протяжении ряда веков жители этих селений были ассимилированы сасанидами, арабами, особенно тюрками-сельджуками. Жители этих обществ в раннем средневековье входили в табасаранские владения, а во второй половине XIX – начале XX в. – в Северный Табасаран, о чем свидетельствуют архивные материалы [14].

В XIV-XV вв. жители Табасарана отстаивали свою свободу и независимость в борьбе против монголо-татар, Тимура, сефевидов.

О борьбе табасаранского населения против монголо-татарских завоевателей свидетельствуют эпиграфические, археологические памятники, легенды, предания. Путь одного из отрядов монголо-татар лежал по территории Табасарана, где были разрушены аулы КютI, Хина и др., а население было истреблено. В местной рукописи говорится о разрушении завоевателями в 1347-1348 гг. общества Дурча. О разрушениях монголо-татар свидетельствуют археологические материалы [16, с. 211-212]. Упорной была борьба табасаран против сефевидов. Шейх Сефи-ад-Дин, будучи религиозным мюридом (учителем), пользовался огромным авторитетом среди своих многочисленных слушников. Сефевидское государство называлось также кызылбашским, т. е. «красноголовые». В усилении Сефевидского государства значительную роль сыграли шейх Джунейд (1447-1460 гг.) и шейх Хайдар (1460-1488), которые являлись шиитскими лидерами и совершали походы против «неверных». Они грабили население и уводили множество пленников, которых затем продавали на невольничьих рынках.

Шейх Джунейд для ведения «священной войны» неоднократно отправлялся в Дагестан, в том числе в Табасаран. 3 марта 1460 г. в битве на берегу р. Самур наголову были разбиты войска шейха Джунейда.

Сын Джунейда, шейх Хайдар, упорно продолжал завоевательную политику своего отца. В 1488 г. вблизи селения Тинит шейх Хайдар был разбит. В битве ему отрубили голову. Тело Хайдара было похоронено недалеко от места битвы. Примерно годом позднее, на месте захоронения останков шейха Хайдара «приверженцами потомка шейха Сефи ад-дина табасаранами» было возведено памятное сооружение. Тогда же, как свидетельствуют камни, кто-то из дагестанских мастеров сделал арабскую надпись с указанием имени покойного («Шайх Хайдар») и перечислением его предков, начиная с Сефи ад-дина [17, с. 188].

По мнению некоторых исследователей Табасаран будто был покорен сефевидским шахом Исмаилом. «Был покорен также Табасаран», – пишет А. Р. Шихсаидов, – что можно заключить из сообщений о том, что Исмаил велел перенести останки шейха Хайдара из Табасарана в Ардебиль [10, с. 81]. Остается неясным, можно ли считать перенесение останков шейха Хайдара из Табасарана в Ардебиль основанием того, что шах Исмаил покорил Табасаран.

В XIV-XV вв. дальнейшее развитие получила культура Табасарана, о чем свидетельствуют легенды, предания, эпиграфические памятники, распространение арабской письменности. К числу архитектурных памятников Табасарана относится дарвагский минарет, который был построен в 1471-1472 гг. Резьба каменных надмогильных памятников в Табасаране достигла совершенства в XIV-XV вв. Эпиграфические, нарративные материалы показывают, что в этот период «шейхами» выступали различные категории мусульманского духовенства – представители религиозных течений, носители суфийских идей, переписчики арабских рукописей, духовные наставники [18, с. 48]. На территории Табасарана найдены старинные арабские надписи, вырезанные на камнях. На этом этапе в некоторых аулах Табасарана при мечетях существовали мектебы.

В связи с дальнейшим распространением исламской культуры в табасаранских аулах обнаружены арабские документы середины XIV в., имеющие местное происхождение. Эти документы являются ценнейшими историческими источниками для изучения далекого прошлого как табасаран, так и соседей по региону. Это касается экономики, общественных отношений, языка. Арабские документы (XIV в.) несут в себе отдельные табасаранские

слова (прежде всего названия предметов быта), а это самая ранняя фиксация дагестаноязычного словарного фонда, выполненного арабскими буквами.

В этот период в некоторых табасаранских аулах, как подтверждают источники и отмечают исследователи, сохранились также традиции христианской религии. В XIV в. грузинский католикос Евфимий, обозревая свою епархию, видел православные храмы в разных местах Дагестана, в том числе Цахуре, Табасаране и Хунзахе [19, с. 50]. Архиепископ Иоанн де Галонифонтибус (XIV – начало XV в.) писал о Дагестане, что его жители («лезги») «отчасти магометане, а отчасти христиане» [20, с. 37]. Л. И. Лавров пишет, что мусульманскую религию «еще не все исповедовали, так как грузинские источники говорят о христианских храмах, которые будто бы

сохранились в Табасаране даже в 1-й половине XV в. [21, с. 183].

Закключение

Таким образом, мнение о том, что в XIII-XV вв. Табасаран не выступал на политической арене в качестве самостоятельной силы [10, с. 53] опровергается данными различных источников, а также исследованиями. Изложенный материал свидетельствует о том, что в XIV-XV вв. одним из крупных владений Дагестана было Табасаранское майсумство в состав которого входили аулы Табасаранского, Хивского, и некоторые аулы Касумкентского и Дербентского районов. Жители этого владения отстаивали свою независимость от нашествий монголо-татар, сефевидов. Они продолжали развивать свою культуру, находились в связях с владениями и народами Дагестана и Закавказья.

Список литературы

1. Ашурбейли С. Б. Государство Ширваншахов (VI-XVI вв.). Баку: Элм, 1983. 343 с.
2. Махмуд из Хиналуга. События в Дагестане и Ширване XIV-XV вв. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1997. 206 с.
3. Криштопа А. Е. Дагестан в XIII – начале XV вв.: очерк политической истории. М.: МАМОНТ, 2007. 227 с.
4. Криштопа А. Е. Дагестан XIII-XIV вв. по сообщениям восточных авторов // Вопросы истории и этнографии Дагестана. Вып. IV. Махачкала, 1974. С. 96-118.
5. Магомедов Р. М. История Дагестана: с древнейших времен до начала XIX в. Махачкала, 1961. 292 с.
6. Айтберов Т. М. Древний Хунзах и хунзахцы. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1990. 175 с.
7. Гасанов М. Р. «Завещание Андуникнущала» о феодальных владениях Дагестана XV в. // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2009. № 3(19). С. 26-28. EDN: OIYYQX
8. Хапизов Ш. М. Нуцалы Аварии: историко-генеалогическое наследование. Махачкала, 2021. 383 с.
9. Гаджиев В. Г. Государства и государственные учреждения в дореволюционном Дагестане. Махачкала: Даг. фил. АН СССР, 1989. 171 с.
10. Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. Р. Очерки истории Южного Дагестана: материалы к истории народов Дагестана с древнейших времен до начала XX в. Махачкала, 1964. 278 с.
11. Шихсаидов А. Р. Дагестан в X-XIV вв. Махачкала, 1975. 173 с.
12. Гарданов В. К. Обычное право, как источник для изучения социальных отношений у народов Северного Кавказа в XVIII – начале

References

1. Ashurbeyli SB. The State of the Shirvanshahs (6th-16th centuries). Baku: Elm, 1983:343. (In Russ)
2. Mahmud of Khinalug. Events in Dagestan and Shirvan in the 14th-15th centuries. Makhachkala: Dagknigoizdat, 1997:206. (In Russ)
3. Krishtopa AE. Dagestan in the 13th – early 15th centuries: an essay on political history. Moscow: MAMONT, 2007:227. (In Russ)
4. Kristopa AE. Dagestan in the 13th-14th centuries according to Eastern authors. *Issues of the History and Ethnography in Dagestan*. Iss. 4. Makhachkala, 1974:96-118. (In Russ)
5. Magomedov RM. History of Dagestan: from ancient times to the beginning of the 19th century. Makhachkala, 1961:292. (In Russ)
6. Aitberov TM. Ancient Khunzakh and the Khunzakh people. Makhachkala: Dagknigoizdat, 1990:175. (In Russ)
7. Gasanov MR. "The Testament of Anduniknutsal" on the feudal possessions of Dagestan in the 15th century. *Vestnik Instituta Istorii, Arheologii i Etnografii*. 2009(3(19):26-28. (In Russ). EDN: OIYYQX
8. Khapizov ShM. Nutsal Avaria: historical and genealogical inheritance. Makhachkala, 2021:383. (In Russ)
9. Gadzhiev VG. States and state institutions in pre-revolutionary Dagestan. Makhachkala: Dagestan Branch of AN SSSR, 1989:171. (In Russ)
10. Ramazanov HH, Shikhsaidov AR. Essays on the history of Southern Dagestan: Proceedings on the history of Dagestan peoples from ancient times to the beginning of the 20th century. Makhachkala, 1964:278. (In Russ)
11. Shikhsaidov AR. Dagestan in the 10th-14th centuries. Makhachkala, 1975:173. (In Russ)
12. Gardanov VK. Customary law as a source for

XIX в. М., 1960. URL: clck.ru/3FRHMQ (дата обращения: 15.08.2024)

13. Центральный государственный архив Республики Дагестан. Ф. 150, оп. 1, ед. хр. 1, л. 9-10.

14. Симонович Ф. Ф. Описание Табасарана. 1796 г. // История, география и этнография Дагестана XVIII-XIX вв. М.: Изд-во вост. лит., 1958. С. 138-156.

15. Материалы по археологии Дагестана. Т. 1. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1959. 244 с.

16. Айтберов Т. М. Эпитафии шейхов братств Сафавийа, Халватийа и Сухравардийа в Дагестане: к истории ирано-дагестанских связей XV в. // Дагестан и мусульманский Восток. М, 2010. 179 с.

17. Шихсаидов А. Р. Духовная элита Дагестана X-X вв. // Дагестан и мусульманский Восток. М., 2010. 58 с.

18. Джанашвили М. Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России. Тифлис: Типография К. П. Козловского, 1897. 206 с.

19. Дагестан в известиях русских и западноевропейских авторов XIII-XVIII вв. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1992. 301 с.

20. Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. Ч.1. Надписи X-XVII вв. М.: Наука, 1966. 300 с.

studying social relations among the peoples of the North Caucasus in the 18th- early 19th centuries. Moscow, 1960. URL: clck.ru/3FRHMQ (accessed 15.08.2024). (In Russ)

13. Central State Archives of the Republic of Dagestan. Fund 150, inventory 1, unit 1, p. 9-10. (In Russ)

14. Simonovich FF. Description of Tabasaran. 1796. *History, Geography and Ethnography of Dagestan in the 18th-19th Centuries*. Moscow: Oriental literature, 1958:138-156. (In Russ)

15. Materials on the archeology of Dagestan. Vol. 1. Makhachkala: Dagkniгоizdat, 1959:244. (In Russ)

16. Aitberov TM. Epitaphs of the Sheikhs of the Safaviyya, Khalwatiyya and Suhrawardiyya Brotherhoods in Dagestan: Towards the History of Iranian-Dagestani Relations in the 15th Century. *Dagestan and the Muslim East*. Moscow, 2010:179. (In Russ)

17. Shikhsaidov AR. Spiritual Elite of Dagestan in the 10th-10th Centuries. *Dagestan and the Muslim East*. Moscow, 2010:58. (In Russ)

18. Dzanashvili M. Proceedings of Georgian chronicles and historians about the North Caucasus and Russia. Tiflis: K. P. Kozlovsky, 1897:206. (In Russ)

19. Dagestan in the papers of Russian and Western European authors of the 13th-18th centuries. Makhachkala: Dagkniгоizdat, 1992:301. (In Russ)

20. Epigraphic monuments of the North Caucasus in Arabic, Persian and Turkish. Part 1. Inscriptions of the 10th-17th centuries. Moscow: Nauka, 1966:300. (In Russ)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Принадлежность к организации

Гасанов Магомед Раджабович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории, Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова, Махачкала, Россия, shamhaiova.sonya@yandex.ru

Магомедова Эльмира Магомедовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова, Махачкала, Россия, elmira.magomedova.73@mail.ru

Критерии авторства

Авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 01.11.2024
Одобрена после рецензирования 03.12.2024
Принята к публикации 09.12.2024

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Affiliation

Magomed R. Gasanov, Doctor of Science (History), Professor, Department of History, Gamzatov Dagestan State Pedagogical University, Makhachkala, Russia, shamhaiova.sonya@yandex.ru

Elmira M. Magomedova, Ph.D. (History), Associate Professor, Department of History, Gamzatov Dagestan State Pedagogical University, Makhachkala, Russia, elmira.magomedova.73@mail.ru

Contribution of the authors

The authors made an equivalent contribution to the preparation of the publication.

Conflict of interest

The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 01.11.2024
Approved after reviewing 03.12.2024
Accepted for publication 09.12.2024

История и археология / History and Archeology
Оригинальная статья / Original Article
УДК 93/94
DOI: 10.31161/1995-0667-2024-18-4-18-24
EDN: GCZHQM

Проблемы становления первого профессионального театра в Дагестане

© 2024 Суздальцева И. А. ✉

Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова
Махачкала, Россия, s.iren.a2010@mail.ru ✉

РЕЗЮМЕ. Целью статьи является изучение проблем становления Дагестанского русского драматического театра имени М. Горького, который осенью 2024 г. отметил свой 100-летний юбилей. **Методологической основой** исследования являются принципы научности и историзма, а также системный подход в изучении проблем социально-экономического и культурного развития общества. **Результаты.** Решение о создании Государственного театра ДАССР было принято 15 июня 1924 г. Президиум Дагестанского Центрального Исполнительного Комитета поддержал предложение народного комиссара просвещения ДАССР А. А. Тахо-Годи о придании Махачкалинскому городскому театру статуса государственного театра ДАССР, который стал первым профессиональным театром в Дагестане. **Выводы.** Становление профессионального театра в Дагестане было сопряжено с рядом проблем. Первый театральный сезон начался 9 октября 1925 г. спектаклем «Горе от ума» по пьесе А. С. Грибоедова. Ему предшествовала огромная организационная работа: капитальный ремонт здания театра, которое получило водяное отопление, замена декораций и мебели, переоборудование сцены и т. д. В театр были приглашены профессиональные артисты под руководством режиссера П. А. Карганова. В 1926-1927 гг. в Государственном театре ДАССР работала труппа под руководством Н. Н. Синельникова, который значительно поднял уровень профессионального театрального мастерства. При театре работал драматический кружок. Правительство Дагестана готовило почву для создания национального театра, поэтому в Махачкале и Буйнакске были открыты курсы и театральная студия, позже ставшая основой Музыкально-театрального техникума. Большую профессиональную работу со студийцами проводили режиссеры и актёры Русского театра.

Ключевые слова: Порт-Петровск, Махачкала, артисты, режиссеры, А. А. Тахо-Годи, Н. Н. Синельников, студия, техникум.

Формат цитирования: Суздальцева И. А. Проблемы становления первого профессионального театра в Дагестане // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2024. Т. 18. № 4. С. 18-24. DOI: 10.31161/1995-0667-2024-18-4-18-24. EDN: GCZHQM

Issues of the Formation of the First Professional Theater in Dagestan

© 2024 Irina A. Suzdaltseva ✉

Gamzatov Dagestan State Pedagogical University
Makhachkala, Russia, s.iren.a2010@mail.ru ✉

ABSTRACT. The aim of the article is to study the issues of the formation of Gorky Dagestan Russian Drama Theater, which celebrated its 100th anniversary in the fall of 2024. The **methodological basis** of the research is the principles of scientificity and historicism, as well as a systematic approach to the study of the issues of socio-economic and cultural development in society. **Results.** The decision to establish the State Theater of Dagestan ASSR was made on June 15, 1924. The Presidium of the Dagestan Central Executive Committee supported the proposal of the People's Commissar of Education of Dagestan ASSR A. A. Takho-Godi to grant the Makhachkala City Theater the status of Dagestan ASSR state theater, which be-

came the first professional theater in Dagestan. **Conclusions.** The formation of a professional theater in Dagestan was associated with a number of problems. The first theater season began on October 9, 1925, with the play "Woe from Wit" based on the play by A. S. Griboyedov. It was preceded by a huge amount of organizational work: major repairs to the theater building, which received water heating, replacement of scenery and furniture, re-equipment of the stage, etc. Professional actors were invited to the theater under the direction of P. A. Karganov. In 1926-1927 in the State Theatre of the Dagestan ASSR, a troupe led by N. N. Sinelnikov worked, which significantly raised the level of professional theatre skills. A drama club worked at the theatre. The government of Dagestan prepared the ground for the creation of a national theatre, so courses and a theatre studio were opened in Makhachkala and Buynaksk, which later became the basis of the Musical and Theatre College. Directors and actors of the Russian Theatre carried out a great deal of professional work with the studio members.

Keywords: Port-Petrovsk, Makhachkala, actors, directors, A. A. Takho-Godi, N. N. Sinelnikov, studio, college.

For citation: Suzdaltseva IA. Issues of the Formation of the First Professional Theater in Dagestan. *Dagestan State Pedagogical University Journal. Social and Humanitarian Sciences.* 2024;18(4):18-24. (In Russ). DOI: 10.31161/1995-0667-2024-18-4-18-24. EDN: GCZHQM

Введение

Осенью 2024 г. Дагестанский русский драматический театр имени М. Горького отметил 100-летний юбилей. Он стал первым профессиональным театром в республике и оказал огромное влияние на развитие национального театрального искусства. Сегодня в Дагестане успешно работают 11 государственных театров. При этом Русский драматический театр по-прежнему играет особую роль в культурной жизни республики.

Современный театр – это сложный вид искусства, совмещающий элементы литературы и живописи, музыки и танца. Кроме того, театр имеет огромный педагогический потенциал. Он является мощным средством формирования личности: способствует нравственному воспитанию и социализации молодежи, выполняет важные общественные функции (просветительская, развивающая и т. д.).

Театральное творчество уходит корнями в народную жизнь. Элементы режиссерской работы всегда проявлялись при организации массовых гуляний. В Дагестане, к примеру, был широко распространен праздник выхода шлуга в поле, в ходе которого организовывались различные формы театрального действия: диалоги и импровизация, перевоплощение и актерская игра, использование грима, масок и реквизита. Особой формой профессиональной артистической деятельности можно считать искусство дагестанских канатоходцев. Их выступления всегда сопровождали инструментальные ансамбли и шуты-домбаи, которые развлекали пуб-

лику прибаутками, пародиями и акробатическими трюками [1, с. 51].

С середины XIX в. Дагестан вошел в орбиту развития профессиональной русской культуры, однако театр долгое время был представлен любительскими постановками и коллективами, которые не имели постоянного состава и материальной поддержки. Первое упоминание о театральном спектакле в Дагестане датируется 1846 годом, когда состоялось самодеятельное представление в военной крепости Чир-Юрт [2, с. 4]. В 1850-х гг. командир первого Дагестанского конно-иррегулярного полка Иван Романович Багратион (племянник П. И. Багратиона), который отличался музыкальными и организаторскими способностями, устраивал творческие вечера и любительские спектакли в своем доме в Темир-Хан-Шуре [3, с. 425]. В 1860-е гг. в Порт-Петровске были организованы театральные постановки под руководством П. Е. Салтыкова [1, с. 51].

В конце XIX – начале XX в. возникли музыкально-драматические кружки в городах Дагестана: Дербенте, Темир-Хан-Шуре и Порт-Петровске. В 1908-1916 гг. любительские драматические кружки появились в местных селах (Ахты, Кумух, Хунзах, слобода Хасавюрт) [4, с. 143].

В начале XX в. началось строительство театральных зданий в городах Дагестана: в 1912 г. Порт-Петровск украсило здание городского театра, а в 1916 г. промышленник и меценат Хизри Гаджиев построил и передал в дар горожанам Темир-Хан-Шуры здание театра, получившего название «Модерн» [3, с. 427].

Развитию интереса к театру способствовали общественные организации: «Общество просвещения туземцев-мусульман Дагестанской области» (1905 г.) и «Театрально-литературное общество мусульман Дагестана» (1917 г.).

Новый этап в развитии театрального дела в Дагестане начался в 1920-х гг. По инициативе Дагревкома театральная секция подотдела внешкольного образования организовала русскую драматическую труппу, мусульманскую драматическую труппу, балетный оркестр и секцию театральных переводчиков [5, с. 13]. При школах, рабочих клубах и сельских библиотеках республики начали создаваться новые самодеятельные коллективы. Дагревком неоднократно обсуждал необходимость преобразования старого и создания нового народного театра, организации рабочих театральных кружков «во главе с настоящими профессионалами» [6, с. 4]. Предпринимались попытки приглашения в Дагестан опытных театральных работников из Астрахани, Ростова и других городов [1, с. 80].

Материалы и методы исследования

В ходе исследования были использованы материалы периодической печати и документы фондов Центрального государственного архива Республики Дагестан. Методологической основой исследования стали историзм, объективный и системный подходы к изучению проблем развития общества.

Результаты и их обсуждение

Одним из центров развития театрального движения в Дагестане стал г. Порт-Петровск. Здесь работала труппа, которая нуждалась в пополнении и обновлении, а здание городского театра требовало капитального ремонта. Кроме того, при театре необходимо было создать оркестр, приобрести для него музыкальные инструменты и т. д. [7, л. 84, 92].

Летом 1920 г. в Порт-Петровск был приглашен режиссер С. Аргутинский, а труппу театра дополнили артисты А. Светланов, Н. Репетова, А. Догмарова, Н. Орлов, Л. Луценко, Т. Петухова [7, л. 94, 102, 104, 88]. Открытие сезона состоялось 9 сентября 1920 г. пьесой Л. Андреева «Савва» [1, с. 81]. Однако труппа городского театра была малочисленна и не могла составить полноценный репертуар. Сам театр испытывал материальные трудности и не имел технической оснащенности, ме-

нял адреса, выходил из ведения Наркомпроса и приглашал частного антрепренера. Его помещение часто арендовалось приезжими артистами и гастролирующими коллективами, имеющими разный профессиональный уровень. Пьесы развлекательного характера и вульгарные фарсы, низкая художественная культура некоторых заезжих коллективов оттолкнули значительную часть зрителей. К середине 1921 г. демонстрация фильмов фактически вытеснила драматические спектакли [1, с. 85].

В 1921-1923 гг. Порт-Петровск не имел постоянной театральной труппы. В осенние месяцы 1922-1923 гг. и 1923-1924 гг. в здании городского театра ставил спектакли украинский коллектив под управлением Г. И. Незнакова и И. С. Савченко-Львовского. Его репертуар включал пьесы «Пока солнце взойдет, роса очи выест», «Содом», «Катерина» и др. Спектакли шли с музыкальным сопровождением, включали сольное пение и танцы. В летние месяцы вместо театральных представлений демонстрировались фильмы, а перед началом сеанса выступали сатирики, исполнители романсов и т. д.

Еще в конце 1920 г. Наркомпрос, в ведение которого входили вопросы театральной культуры, наметил ряд мер, направленных на улучшение театрального дела в республике. В их числе планировалось укрепление русской драматической труппы, организация любительских кружков и создание пяти технических мастерских для снабжения их реквизитом [8, л. 36 об, 37]. Особое внимание было уделено репертуару – считалась необходимой постановка пьес демократического содержания по произведениям А. Островского, Н. Гоголя, Ф. Достоевского, М. Горького.

Активная театрально-кружковая работа велась в г. Порт-Петровске. Среди самодеятельных театральных коллективов города были известны драмкружки фабрики III Интернационала, клубы рыбаков и горняков завода «Красный пролетарий», водных транспортников и железнодорожников, нефтяников и т. д. Работу некоторых из них организовывали профессионалы. Так, художественно-драматическую студию рабочего клуба им. К. Маркса возглавлял профессиональный артист из Петрограда Забытый-Гурской, а объединенная театральная труппа предприятий

рыбной промышленности работала под руководством С. Орбелиани [1, с. 87-88].

В 1921 г. в Порт-Петровске была организована детская театральная студия под руководством Т. Карениной. В нее вошла группа подростков, которая в короткий срок подготовила 8 спектаклей, получивших много положительных отзывов [1, с. 86].

Указом Президиума ЦИК ДАССР от 15 декабря 1923 г. город Махачкала (до 1922 г. Порт-Петровск) стал столицей ДАССР.

7 июня 1924 г. на заседании Президиума Дагестанского Центрального Исполнительного Комитета Советов с докладом «О переименовании Махачкалинского гортатра в государственный и освобождении его от налогов и сборов» выступил народный комиссар просвещения ДАССР А. А. Тахо-Годи (протокол № 27). По итогам его выступления было решено: «1. Махач-Калинский городской театр переименовать в государственный театр ДССР. 2. Одновременно возбудить мотивированное ходатайство об утверждении постановления Президиума ДАГЦИКа от 5/1-24 г. протокольное постановление № 7 по вопросу об освобождении театра от налогов и сборов в связи с указанным в п. 1 переименованием» [9, л. 179].

Правительство поставило задачу создания в Дагестане русского профессионального театра с постоянно действующей труппой. В связи с этим была организована большая работа, направленная на улучшение театрального дела. Перед новым театральным сезоном капитально отремонтировали здание театра, заменили декорации и мебель, переоборудовали сцену. Особенно общественностью города приветствовалось то, что театральное здание получило водяное отопление. Об этом писала газета Красный Дагестан, которая отмечала, что в предшествующий сезон театр посетили около 50 тыс. зрителей, которые «...сидели в течение 4-5 часов в шубах, галошах, простуживались, заболели...» [10, с. 4].

Для подготовки театрального сезона много сделал народный комиссар просвещения А. А. Тахо-Годи. Он считал театр наиболее важным из всех видов искусств, имеющих воздействие на воспитание. Заместитель народного комиссара просвещения ДАССР Чутуев отмечал, что в 1925 г. «Наркомпрос с большими усилиями и непосильными затратами приспособил Махач-Калинский театр для работы в

нем постоянной драматической труппы. Трудовое население Дагестана, ... получило, наконец, возможность приобщиться к духовной жизни... Для поддержания единственного в Дагестане театра, признанного Дагестанским Правительством Государственным ..., необходимы значительные средства» [11, л. 35].

Правительство считало, что театр в Дагестане должен быть «показателен, доступен и дешев» [11, л. 35 об.]. В связи с этим Наркомпрос обратился в Совнарком ДАССР с ходатайством поддержать театр в Махачкале и освободить его от всех налогов, в том числе от сборов в пользу Красного Креста. Это решение было мотивировано тем, что Дагестанская республика долгое время оставалась «совершенно не приобщенной к художественно культурной жизни. Единственный в Дагестане театр в г. Махач-Кала не обслуживался ни драматическими, ни музыкальными силами, не будучи приспособлен для сего технически» [11, л. 35]. Кроме того, «Дагестан отдален от центров, где театры удовлетворяют духовные запросы трудящихся», поэтому здесь необходимо создать «образцовый театр, планомерно и систематически воспитывающий трудовое население Дагестана» [11, л. 36].

Был пересмотрен состав театральной труппы, которая пополнилась артистами, хорошо проявившими себе в других коллективах. В Махачкалу были приглашены новые творческие силы. Многие из них были представителями крупных театральных центров: Н. В. Маргаритов – режиссер русского театра в Тифлисе, А. Дарвишев – режиссер Краснозаводского рабочего театра в Харькове, Л. Д. Травин (Варшавский) – режиссер театров Ростова-на-Дону и Владикавказа, М. Врублевская и В. Сатина – театральные артистки из Тифлиса [1, с. 87]. Возглавил театр в Махачкале Павел Александрович Карганов – актер и режиссер, выпускник Одесской театральной школы, работавший во многих городах (Одесса и Кишинёв, Ростов-на-Дону, Баку и Астрахань), Народный артист РСФСР (1950 г.).

Выступления первого профессионального театра в г. Махачкале начались 9 октября 1925 г. спектаклем «Горе от ума» по пьесе А. С. Грибоедова. Премьера показала хорошие творческие способности труппы. На сцене с успехом шли лучшие произведе-

дения русской, западной и советской классики. Газета «Красный Дагестан» представила основные группы пьес, составивших основу репертуара «Наркомпросовской труппы». Так, к классической (архивной) группе произведений были отнесены «Горе от ума», «Ревизор», «Уриэль Акоста» и Шиллеровские «Разбойники»; к антирелигиозному циклу произведений – «Монастырь святой Магдалины» и «Овод»; к «солидным произведениям» своего времени – «Поджигатели» М. Фриша, «Слесарь и канцлер» А. Луначарского, «Брат наркома» Н. Лернера, «Воздушный пирог» Б. Ромашова, «Мандат» Н. Эрдмана и «Ткачи» Г. Гауптмана; к «коммерческим» пьесам – «Заговор императрицы», «Проститутка» и т. д. [12, с. 4]. В целом, репертуар русской труппы в Дагестане был ориентирован на работу столичных театров.

При Государственном театре ДАССР решено было открыть курсы по подготовке клубных работников и руководителей драматических кружков. Здесь начала работать драматическая студия под руководством Н. Т. Шатрова и Н. В. Маргаритова. Она насчитывала 35-40 человек. Наркомпрос установил небольшую плату за вступление в студию. Курс обучения был рассчитан на 6 месяцев и включал занятия по технике речи (декламация, дикция и т. д.) и коллективное чтение. Планировалось, что «драмстудия приблизительно раз в месяц будет давать отчетные спектакли по своей работе» [12, с. 4].

Первый театральный сезон длился всего 5 месяцев. В начале марта 1926 г. труппа Русского театра была расформирована. По предложению А. А. Тахо-Годи, руководство театром взял на себя режиссер, Народный артист РСФСР Николай Николаевич Синельников, которого в театральных кругах называли «провинциальным Станиславским» [13, с. 263]. До приезда в Дагестан он возглавлял драматические театры в Житомире, Одессе и Киеве, Новочеркасске и Харькове, Москве (театр Корша), Казани, Ростове-на-Дону и Орджоникидзе (Владикавказе) и т. д. Н. Н. Синельников получил известность как вдумчивый актер и ищущий режиссер. Он ставил новаторские спектакли и умел окружать себя талантливыми единомышленниками. В историю Русского театра вошли многие постановки Н. Н. Синельникова. В их числе были: «Горе от ума» А. Грибоедова и «Ревизор»

Н. Гоголя, «Лес» А. Островского и «Плоды просвещения» Л. Толстого, «Дети Ванюшина» С. Найденова и «Разлом» Б. Лавренева, «Венецианский купец» У. Шекспира и т. д. В труппу Н. Н. Синельникова в середине 1920-х гг. входили многие артисты, впоследствии ставшие признанными мастерами театра и кино. В их числе – заслуженные артисты РСФСР В. И. Флоринский и О. А. Жизнева, народные артисты СССР Г. А. Белов и М. И. Царев [1, с. 130-131].

Газета «Красный Дагестан» так сообщала о начале зимнего театрального сезона в Махачкале: «7 октября «Плодами просвещения» открывается второй сезон Дагестанского Государственного театра. На втором году жизни театр имеет такое лицо, которое обычно приобреталось раньше, да и теперь, десятилетиями работы. ... Во-первых, у нас к всеобщей радости один из лучших режиссеров Советского Союза Николай Николаевич Синельников. А это уже большое завоевание для нашего молодого театра. Во-вторых, вся труппа по своему составу настолько сильна, что её можно сравнить разве с труппами таких, как раньше называли «университетских» городов как Киев, Харьков, Саратов и др.» [10, с. 4].

«Синельниковский» сезон 1926-1927 гг. запомнился многими событиями в театральной жизни Дагестана: был подготовлен цикл блестящих постановок: «На дне» М. Горького, «Последняя жертва» А. Островского, «Женитьба» и «Ревизор» Н. Гоголя. В общей сложности театральный сезон стал для города большим приобретением, которое горожане оценили по достоинству.

Одновременно, как писала газета «Красный Дагестан», театр начал издавать «еженедельно маленький журнальчик, недорогой ценой, всего по 15 копеек, под название «Кумуз» (старинный музыкальный инструмент – авт.) [10, с. 4]. Это было иллюстрированное издание, которое выходило 1 раз в неделю на 16 страницах и рассказывало о театре, музыке и кино. В журнале печатали «обзоры театра и кино за всю неделю» и «программы всех спектаклей недели», информацию о премьерах и о работе молодежной студии, о важных событиях театрального мира и т. д. [10, с. 4].

Администрация театра, стремясь вовлечь «в сферу воздействия театра более широких групп населения», организовала

рабочее кредитование и абонентскую систему со скидкой 30 % [10, с. 4].

Правительство Дагестана, приглашая театральную труппу высокого профессионального уровня, стремилось укрепить и развить Русский театр. Одновременно ставилась задача перейти к созданию национального театра. Особую роль образцового, показательного Русского театра в этом процессе подчеркивал нарком просвещения А. А. Тахо-Годи. На открытии первого сезона Государственного русского драматического театра в 1925 г. он так определил его основную задачу: «Нам нужен театр не как роскошь, мы принимаем театр как могучего воспитателя. Дальнейший этап: переход от театра города к театру деревни – к национальному театру» [14, с. 4]. Эта программа начала реализовываться благодаря театральной студии, открытой 22 февраля 1926 г. в г. Буйнакске. Её учебный план был рассчитан на 6 месяцев.

В январе 1927 г. студия в полном составе была переведена в Махачкалу и составила театральное отделение Музыкально-театрального техникума. Его студенты участвовали в массовых сценах спектаклей Русского театра, посещали репетиции и премьеры. Режиссеры и артисты Русского театра проводили большую профессиональную работу со студийцами, передавали им свой опыт и помогали освоить актерское мастерство. Самое деятельное участие в организации работы театральной студии и открытии театрального техникума, в организации учебного процесса для подготовки артистов будущих национальных театров приняли артисты Русского театра Н. Т. Шатров и Б. П. Байков [13, с. 263].

После отъезда Н. Н. Синельникова и его артистов театр набрал новую труппу, которой в 1927-1929 гг. руководила коллегия. В нее входили основной режиссер Л. Л. Полонский, художественный руководитель – актер и режиссер А. Н. Арди, режиссеры В. Бардин и М. Смоленский. Репертуар ориентировался на московские

театры и включал в основном пьесы русской и зарубежной классики, современные советские пьесы [13, с. 263]. Русский театр стал одним из центров культурной жизни Махачкалы. Здесь проводились многочисленные диспуты и творческие встречи. Следуя опыту центральных трупп, театр выносит свои постановки на обсуждение зрительских конференций. Его деятельность привлекала большое внимание общественности и активно освещалась в прессе. Только за первый месяц нового сезона 1927-1928 гг. спектакли Русского театра посмотрели 9 146 человек [15, с. 3].

Стремясь сделать театр более доступным широкому кругу зрителей, администрация на 25 % снизила цены на билеты, перед началом каждого спектакля выступал режиссер-постановщик, артисты встречались с трудовыми коллективами, в художественный совет вошли представители общественных организаций, началась работа с детской аудиторией. К началу 1930-х гг. в театре упрочилась практика устройства ежемесячно спектаклей для детей [17, с. 28].

В августе 1936 г. был утвержден устав Дагестанского государственного театра им. М. Горького в г. Махачкале [16, л. 359].

Заключение

Таким образом, в 1924 г. в Махачкале появился профессиональный государственный театр, ставший первым учителем и воспитателем дагестанского зрителя. При поддержке наркома просвещения Дагестана А. А. Тахо-Годи в театр были приглашены известные режиссеры и актёры, которые сформировали постоянную труппу. Первый театральный сезон начался 9 октября 1925 г. За короткий срок театр смог завоевать авторитет у дагестанского зрителя. В круг работы театрального коллектива с первых лет входила не только постановка спектаклей, но и подготовка артистов для национальных театров Дагестана.

Список литературы

1. Магомедов Д. М., Султанова Г. А., Якубов М. А. Очерки истории советского искусства Дагестана 1917-19141. М.: Наука, 1987. 318 с.
2. Султанова Г. А. Театр-первенец. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1973. 80 с.
3. Суздальцева И. А. Зарождение театрально-просветительской деятельности в Дагестане второй половины XIX – начала XX века // Рос-

References

1. Magomedov DM, Sultanova GA, Yakubov MA. Essays on the History of Soviet Art in Dagestan 1917-19141. Moscow: Nauka, 1987:318. (In Russ)
2. Sultanova GA. The Firstborn Theater. Makhachkala: Dagknigoizdat, 1973:80. (In Russ)
3. Suzdaltseva IA. The emergence of theatrical and educational activities in Dagestan in the second half of the 19th – early 20th centuries. *Russia and*

сия и мир в исторической ретроспективе, к 320-летию основания Санкт-Петербурга. Материалы XXIX-й международной научной конференции: в 3 т. Т. 1. СПб., 2023. С. 424-428.

4. Каймаразов Г. Ш. Просвещение в дореволюционном Дагестане. Махачкала: Дагучпедгиз, 1989. 157 с.

5. Абдуллаева М. Г. История становления дагестанского национального театра (на материалах аварского музыкально-драматического театра им. Г. Цадасы): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Махачкала, 2007. 23 с.

6. Коммунист // Газета. 1920. 18 мая.

7. Центральный государственный архив Республики Дагестан. Ф. 34. Оп. 1. Д. 41.

8. Центральный государственный архив Республики Дагестан. Ф. 34. Оп. 6. Д. 3.

9. Центральный государственный архив Республики Дагестан. Ф. р-37. Оп. 20. Д. 40.

10. Красный Дагестан // Газета. 1924. № 130. 15 июня.

11. Центральный государственный архив Республики Дагестан. Ф. р-168. Оп. 5. Д. 20.

12. Красный Дагестан // Газета. 1925. № 231 (1046).

13. Султанова Г. А. Общедоступный, многонациональный. К 90-летию Русского драматического театра им. М. Горького // Вестник Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы. 2015. № 8. С. 262-273. EDN: WAWHQ

14. Красный Дагестан // Газета. 1925. 8 октября.

15. Красный Дагестан // Газета. 1928. 25 ноября.

16. Центральный государственный архив Республики Дагестан. Ф. р-168. Оп. 16. Д. 13.

17. Мирзабеков М. Я., Ананьева Е. С., Юнаева В. Д. Культура дагестанского города XX в. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2007. 384 с.

the World in Historical Retrospect, for the 320th Anniversary of the Foundation of St. Petersburg. Proceedings of the 29th International Scientific Conference: in 3 vols. Vol. 1. St. Petersburg, 2023:424-428. (In Russ)

4. Kaimarazov GSh. Education in pre-revolutionary Dagestan. Makhachkala: Daguchpedgiz, 1989:157. (In Russ)

5. Abdullaeva MG. History of the formation of the Dagestan national theater (based on the materials of G. Tsadasa Avar Musical and Dramatic Theater): Author's abstract of Ph.D. (History). Makhachkala, 2007:23. (In Russ)

6. Kommunist. Newspaper. 1920. May 18. (In Russ)

7. Central State Archives of the Republic of Dagestan. Fund 34. Inventory 1. File 41. (In Russ)

8. Central State Archives of the Republic of Dagestan. Fund 34. Inventory 6. File 3. (In Russ)

9. Central State Archives of the Republic of Dagestan. Fund p-37. Inventory 20. File 40. (In Russ)

10. Krasny Dagestan. Newspaper. 1924. No. 130. June 15. (In Russ)

11. Central State Archives of the Republic of Dagestan. Fund p-168. Inventory 5. File 20. (In Russ)

12. Krasny Dagestan. Newspaper. 1925. No. 231 (1046). (In Russ)

13. Sultanova GA. Public, multinational. To the 90th anniversary of the M. Gorky Russian Drama Theatre. *Bulletin of G. Tsadasa Institute of Language, Literature and Art.* 2015(8):262-273. (In Russ). EDN: WAWHQ

14. Krasny Dagestan. Newspaper. 1925. October 8. (In Russ)

15. Krasny Dagestan. Newspaper. November 25. (In Russ)

16. Central State Archives of the Republic of Dagestan. Fund p-168. Inventory 16. File 13. (In Russ)

17. Mirzabekov MYa, Ananyeva ES, Yunaeva VD. Culture of a Dagestani town in the 20th century. Makhachkala: IHAЕ DSC RAS, 2007:384. (In Russ)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Принадлежность к организации

Суздалтцева Ирина Анатольевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова, Махачкала, Россия, s.iren.a2010@mail.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 08.10.2024

Одобрена после рецензирования 14.10.2024

Принята к публикации 09.12.2024

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Affiliation

Irina A. Suzdaltseva, Ph.D. (History), Associate Professor, Department of General History, Gamzatov Dagestan State Pedagogical University, Makhachkala, Russia, s.iren.a2010@mail.ru

Conflict of interest

The author declares no conflicts of interests.

The article was submitted 08.10.2024

Approved after reviewing 14.10.2024

Accepted for publication 09.12.2024

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Литературоведение / Literature Studies
Оригинальная статья / Original Article
УДК 82.09
DOI: 10.31161/1995-0667-2024-18-4-25-29
EDN: EHPNPM

«В надежде славы и добра...»: Александр Пушкин и Николай I (к проблеме взаимоотношений)

© 2024 **Абдулмукинова Э. М.¹, Эмирова Л. А.²** ✉²

¹Дагестанский государственный технический университет
Махачкала, Россия, dgtu05@mail.ru

²Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова
Махачкала, Россия, leylla.em@mail.ru ✉

РЕЗЮМЕ. Цель данной работы – исследование отношения русского общества первой трети XIX в. в лице А. С. Пушкина к Романовым, в частности к Николаю I. **Методы.** Сравнительно-исторический, типологический. **Результаты.** Негативное отношение Пушкина и его современников к личности и политической роли Николая I складывалось из целого ряда факторов, в том числе исторического, биографического, политического характера, накопленных за десять лет правления императора. **Выводы.** Пушкинская политическая и литературная позиция есть отражение нового понимания взаимоотношений власти и подданного, власти и поэта, глубоко отличных от просветительских традиций XVIII в. и сформировавшихся как следствие развития политического сознания поэта.

Ключевые слова: творчество Пушкина, тема историческая, образ Николая I, поэма «Медный всадник», поэма «Анджело», образ Петра I, Романовы в литературе.

Формат цитирования: Абдулмукинова Э. М., Эмирова Л. А., «В надежде славы и добра...»: Александр Пушкин и Николай I (к проблеме взаимоотношений) // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2024. Т. 18. № 4. С. 25-29. DOI: 10.31161/1995-0667-2024-18-4-25-29. EDN: EHPNPM

“In the Hope of Glory and Goodness...”: Alexander Pushkin and Nicholas 1 (to the Problem of Relationships)

© 2024 **Eliza M. Abdulmukminova¹, Leyla A. Emirova²** ✉²

¹Dagestan State Technical University
Makhachkala, Russia, dgtu05@mail.ru

²Gamzatov Dagestan State Pedagogical University
Makhachkala, Russia, leylla.em@mail.ru ✉

ABSTRACT. The aim of the paper is to study the attitude of Russian society in the 19th century first third, represented by A. S. Pushkin, to the Romanovs, in particular to Nicholas 1. **Methods.** Comparative-historical, typological. **Results.** Pushkin's negative attitude and his contemporaries to the personality and political role of Nicholas 1 was formed by a number of factors, including historical, biographical, political nature, accumulated over ten years of the emperor's reign. **Conclusions.** Pushkin's political and literary position is a reflection of a new understanding of the relationship between power and subject, power and poet, deeply different from the enlightenment traditions in the 18th century and formed as a consequence of the development of the poet's political consciousness.

Keywords: Pushkin's work, historical theme, image of Nicholas 1, poem "The Bronze Horseman", poem "Angelo", image of Peter 1, Romanovs in literature.

For citation: Abdulmukminova EM, Emirova LA. "In the Hope of Glory and Goodness...": Alexander Pushkin and Nicholas 1 (to the Problem of Relationships). *Dagestan State Pedagogical University Journal. Social and Humanitarian Sciences*. 2024;18(4):25-29. (In Russ). DOI: 10.31161/1995-0667-2024-18-4-25-29. EDN: EHPNPM

Введение

Восшествие на престол Николая I ознаменовалось невиданным за сто лет кровопролитием, и впервые пролилась дворянская кровь. Предыдущие дворцовые перевороты возносили своих организаторов – дворян, последний – привел их к виселице. Общественное потрясение точно выражает Вяземский: «Для меня Россия теперь опоганена, окровавлена: мне в ней душно, нестерпимо...» [1, с. 513]. Но Николай I – один из немногих за минувшее столетие Романовых, кто ощущал свое право на карательные меры в отношении своих подданных, ведь императора обвинить было не в чем – он почти легитимен и не нарушал заповеди «не убий!». Александр I, взойдя на престол через кровь отца, неизбежно чувствовал эту «кровь» и в отношении преступивших закон был терпим: «Покойный государь (Александр I – Л.Э.) окружен был убийцами его отца. Вот причина, почему при жизни его никогда не было бы суда над молодыми заговорщиками, погибшими 14 декабря. Он услышал бы слишком жестокие истины» [2, с. 131].

С другой стороны – законы престолонаследования при восхождении Николая I все-таки были нарушены, законным наследником являлся старший брат, цесаревич Константин Павлович. Законный порядок был обойден по собственным семейным измышлениям, не совсем ясным подданным, что, в свою очередь, усугубляло напряжение в стране, ведь с точки зрения народа – «царь ненастоящий». Это же в упрек ему ставили декабристы, определив промежуток времени от кончины Александра I до официального провозглашения императором Николая I как «междоцарствие». «Ошибка наша состояла в том, что мы не знали о назначении вашего величества наследником престола», – писал декабрист А. А. Бестужев из Петропавловской крепости Николаю I. И далее: «Отрицая же право народа во время междоцарствия избирать себе правителя или правительство, приводилось бы в сомнение самое возведение царствующей династии на престол России» [3, с. 490].

Николаю I предстояла длительная борьба за восстановление репутации русского престола, погрязшего с XVIII в. в дворцовых переворотах, сменах на троне, как отмечает О. Ключевский, «в большинстве не по какому-либо закону или естественному порядку, а по обстоятельствам, мало понятным народу...» [4, с. 384]. Пять виселиц поставили точку в русском безвремении и стали символическим концом XVIII в., что отмечается в исследовании Г.А. Невелева [2], но на них завершилась и эпоха российского относительного свободомыслия. Русскому престолу предстоит последнее столетие жизни, и начало законности его обозначило начало конца: уже не претенденты на престол будут истреплять друг друга – а народ объявит бескомпромиссную карательную операцию, начавшуюся с покушений, жертвой которых становится Александр II, а закончившуюся расстрелом Николая II с семьей.

Материал и методы исследования

В статье использованы сравнительно-исторический и типологический методы. Современная декабрьским событиям литература глубоко переживала чувство «конца эпохи», находясь в поиске ответов на болезненные кризисные вопросы. Это и литература декабристская, и творчество «декабристов без декабря», включая А. С. Пушкина, в сочинениях которого в 30-е годы особое место начинают занимать темы власти и народа.

Результаты и их обсуждение

Николай I сделал невозможным открытый диалог народа с властью, свободословие и свободомыслие. Вот и декабристов, оказавшихся перед следственной комиссией, судили, в основном, не за дела, а за слова и мысли. Как писал П. А. Вяземский: «Убийственную болтовню ... ставите вы на одну доску с убийством уже совершенным» [1, с. 515]. Для предупреждения всякого инакомыслия появляются 3-е отделение и жесткая цензура. Почти сразу общественность почувствовала эту разницу. В том же письме «Об историческом ходе свободомыслия в России» А. Бестужев пишет: «...Я не раз говорил, что импера-

тор Николай с его умом и суровостью будет деспотом, тем опаснейшим, что его пронизательность грозит гонением всем умным и благонамеренным людям; что он, будучи сам просвещен, нанесет меткие удары просвещению...» [3, с. 493]. А далее – смягчает дерзость выше сказанных слов (в традиции литературы Просвещения) обобщенным идеалом: «Нам даровало в Вас другого Петра Великого..., более, чем Петра, ибо в наш век и с Вашими способностями, государь, быть им – мало» [3, с. 493]. Примечательно, что данная параллель скоро станет официальной, определившей форму поведения и личное амплу императора на долгие годы: царя-джентльмена Александра I сменяет царь-рыцарь и труженик Николай I. Вероятно, императору льстило это сравнение, и он всячески стремился его развернуть и усугубить. В одном Бестужев не ошибся: Николаю I пришлось идти след в след с Петром I в вопросе наследования политических традиций, т. е. отказе от невыгодного наследства в пользу идеи преобразования.

Образ царя-труженика неожиданно встречает поддержку у первого поэта – А. С. Пушкина, – обратившегося в том же 1826 г. к императору:

То академик, то герой,
То мореплаватель, то плотник
Он всеобъемлющей душой
На троне вечный был работник.
Семейным сходством будь же горд;
Во всем будь пращурю подобен...

«Стансы» вызвали изумление даже друзей поэта, так что Пушкин вынужден был написать известное «Друзьям», разъясняя свою политическую позицию:

Нет, я не льстец, когда царю
Хвалу свободную слагаю:
Я смело чувства выражаю,
Языком сердца говорю.

Непосредственным толчком к написанию «Стансов», вероятно, стала личная встреча поэта и царя в 8 сентября 1826 г., подробности которой до сих пор недостаточно известны. Однако у Ю. Лотмана есть интересное предположение: «Пушкин, желая направить молодого государя на путь реформ и великих преобразований, указать ему высокий исторический пример, обратил, как можно полагать, его внимание на сходство положения Николая Павловича и 1826 г. и Петра Алексеевича в 1798 г.» [5, с. 368]. В этой связи исследователь пишет о Николае I: «Он получил роль, и роль высокую, торжественную» [5,

с. 368]. В склонности к лицедейству обвиняли и старшего брата – Александра I:

Недаром лик сей двуязычен.

Таков и был сей властелин:

К противочувствиям привычен,

В лице и в жизни арлекин...

(А. Пушкин «К бюсту завоевателя»)

Посмертно о Николае I то же скажет Ф. Тютчев: «Ты был не царь, а лицедей».

«Семейное сходство» с Петром Великим использует Пушкин, представив молодому императору (между Пушкиным и Николаем I всего три года разницы) державную роль, одну из самых блестящих в роду Романовых. Не случайно после встречи с Пушкиным, вечером того же дня, император говорит Д. Н. Блудову по поводу этой встречи: «Знаешь, что я нынче долго говорил с умнейшим человеком в России?» [5, с. 367]. Больше таких оценок поэту он давать не будет.

Встреча эта вызвала, по всей вероятности, естественное желание сделать Пушкина придворным «пшитом» – роль, которой последний упорно сопротивлялся, при этом не оставляя надежды участвовать в политической жизни новой николаевской России. По-просветительски понимая свою миссию, поэт с энтузиазмом берется формировать политическое мировоззрение царя и ... сразу разочаровывается. Новой Российской империи не нужен пророк и мессия, ей достаточно «Льстеца и раба»:

Беда стране, где раб и льстец

Одни приближены к престолу,

А небом избранный певец

Молчит, потушая очи долу («Друзьям»).

Разочарование Пушкина все более нарастает, нарастает и недовольство императора. Компромиссом для обеих сторон может стать роль Пушкина-историографа, чему поэт с энтузиазмом посвящает себя, собирая исторические сведения о пугачевском восстании. В перспективе видится история Петра I, на которую обе стороны очень рассчитывают как на способ реализации общих интересов.

Николай I назначает Пушкина историографом Петра I. Императору не просто льстила эта параллель с Петром – он всячески стремился к поддержанию своего политического (петровского) амплу, включающего принципы законности, «зломудрости», суровость репрессивных мер, политический диктат и деспотизм.

В итоге, не будучи историографом эпохи Николая I, Пушкин, по сути, им ока-

зался. Но творческий гений Пушкина вырывается из этой западни. Не только содержанием «Истории Петра Великого», но, в том числе, «Медного всадника», где «кумир на бронзовом коне» – не столько символ петровской империи (распространенное мнение), сколько символ николаевской России с декабристским разгромом и казнями («избиение младенцев»), тайной полицией, преследованием инакомыслия. Этот новый Петр – воплощенный Медный истукан, кумир на бронзовом коне, с сурово воздетой в сторону народа дланью.

Да и в главном герое поэмы, Евгении, слишком много самого Пушкина. Родословная героя, чье имя

«...быть может, и блистало,

И под пером Карамзина

В родных преданьях прозвучало», – вполне согласуется с собственной поэта, потомка знатных родов, оказавшегося в 9 чине. Имя героя поэмы – Евгений (благороднорожденный) – стойко, со времен кантемировской сатиры «Филарет и Евгений», ассоциирующееся с потомственным дворянством, усиливает это сходство (Пушкин «Моя родословная»).

В 1834 г. императорским повелением Пушкин переходит из 9 чина в 5 чин придворного звания – камер-юнкерский, что только усугубляет отношения между поэтом и царем. Несмотря на значимость его (читаем у Гоголя в «Записках сумасшедшего»: «Все или камер-юнкер, или генерал. Все, что есть лучшего на свете, все достается или камер-юнкерам, или генералам» [6, с. 589]), Пушкин усматривает в этом присвоении тонкую издевку, отказывается носить камер-юнкерский мундир и участвовать в придворных мероприятиях, вызывая гнев царя. Новая роль – оскорбительна для поэта: «Теперь они смотрят на меня как на холопа, с которым можно им поступать как им угодно... Я, как Ломоносов, не хочу быть шутком ниже у господ бога» (из письма от 8 июня 1834 г. Н. Н. Пушкиной).

Вот и выходит новая битва – поэта-пророка (стихотворение «Пророк» было с Пушкиным в день аудиенции у Николая I) и железно-медного истукана николаевской России, требовавшего от подданных только покорности: «Тот (Николай I – Л.Э.) материализовал фразу, вырвавшуюся у его старшего брата Александра: «Мне нужны не умные, а послушные» [7, с. 60].

Десять лет николаевской империи – срок достаточный для формирования пер-

вых итогов и выводов. Знаменитая запись в дневнике от 21 мая 1834 г.: «В нем (Николае I – Л.Э.) много от прапорщика, и немного от Петра Великого» [2, с. 162], – развеивает все иллюзии. В свете николаевской политики и личности грехи и пороки александровской эпохи уже кажутся детскими шалостями.

Заключение

Переосмысление личных заслуг и личности Александра I на рубеже 1833-36-х гг. – примечательный эпизод пушкинской эволюции. От «плепивый щеголь...», «нечаянно увенчан славой», – к «Нап Агамемнон... как был велик, как был прекрасен он, народов друг, спаситель их свободы...», «И нет его – и Русь оставил он, Вознесенну им над миром изумленным...» («Была пора...») – такова эволюция пушкинских взглядов. А вот новый царь – «суровый и могучий... и над землей сошлись новы тучи».

Именно в этот период, почти одновременно с «Медным всадником», появляется странная в своем содержании поэма «Анджело», представляющая собой переложение драмы Шекспира «Мера за меру». У современников, да и у последующего литературоведения, вызывал недоумение особый интерес Пушкина к этому произведению, так как пьесу Шекспира многие исследователи находили откровенно слабой. Перевод Пушкина, несмотря на заверения поэта, что он «ничего лучше ... не написал» [8, с. 251], прошел почти незамеченным критикой, определившей поэму как «загадочную» (Б. С. Мейлах) и забывшую ее.

Между тем сюжет поэмы весьма примечателен: царь, слишком добрый уходит, приходит слишком суровый, дабы вернуть права законов, их карающую силу. Но новый правитель-правоутвердитель – все же человек и – грешен. В результате возвращается царь добрый и вместе с ним старое правление (с принципами прощения, милости к падшим). «Ассоциировался ли такой сюжет в начале 1830-х гг. с какими-либо современными представлениями...?» [8, с. 240] – задается вопросом Ю. М. Лотман. В свете недавних событий (поэма написана в 1833 г.), вырисовывается параллель: Александр I – Николай I. Ю. Лотман в статье «Идейная структура поэмы Пушкина «Анджело»» отмечает близость сюжета с народной легендой об Александре I, не умершем в Таганроге, а ушедшем от власти и перевоплотившемся,

в некоторых вариантах легенды, в старца Федора Кузьмича (спустя два года Пушкин вновь обратится к этой теме в стихотворении «Родрик»). Такая ассоциация сюжету поэмы придает значение политической легенды, в аспекте которой идея

сильной власти подвергается развенчанию, а миф о «царе могучем и суровом» – десакрализации, что выражает новое понимание личности и деятельности Николая I поэтом Александром Пушкиным.

Список литературы

1. Лотман Ю. М. О русской литературе: статьи и исследования (1958-1993): история русской прозы, теория литературы. СПб.: Искусство-СПБ, 1997. 845 с.
2. Невелев Г. А. «Истина сильнее царя...» (А. С. Пушкин в работе над историей декабристов). М.: Мысль, 1985. 205 с.
3. Бестужев-Марлинский А. А. Сочинения: в 2 т. Т. 2. М.: Художественная литература, 1981. 591 с.
4. Ключевский В. О. Литературные портреты. М.: Современник, 1991. 461 с.
5. Лотман Ю. М. Несколько добавочных замечаний к вопросу о разговоре Пушкина с Николаем 18 сентября 1826 года // Лотман Ю. М. Пушкин. СПб.: Искусство-СПБ, 1995. С. 366-369
6. Гоголь Н. В. Избранные сочинения в 2 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1971. 640 с.
7. Рассадин С. Б. Русская литература: от Фонвизина до Бродского. М.: Слово, 2001. 286 с.
8. Лотман Ю. М. Идеологическая структура поэмы Пушкина «Анджело» // Лотман Ю. М. Пушкин: Биография писателя; Статьи и заметки, 1960-1990; "Евгений Онегин": Комментарий. СПб.: Искусство, 1995. С. 237-253.

References

1. Lotman YuM. On Russian Literature: Articles and Research (1958-1993): History of Russian Prose, Theory of Literature. St. Petersburg: Iskusstvo-SPb, 1997:845. (Russ)
2. Nevelev GA. "Truth is Stronger than the Tsar..." (A. S. Pushkin in his Work on the History of the Decembrists). Moscow: Mysl, 1985:205. (Russ)
3. Bestuzhev-Marlinsky AA. Works: in 2 vols. Vol. 2. Moscow: *Khudozhestvennaya literatura*, 1981:591. (Russ)
4. Klyuchevsky VO. Literary portraits. Moscow: Sovremennik, 1991:461. (Russ)
5. Lotman YuM. Several additional comments on the question of Pushkin's conversation with Nikolai on September 18, 1826. *Lotman YuM. Pushkin*. St. Petersburg: Iskusstvo-SPB, 1995:366-369. (Russ)
6. Gogol NV. Selected works in 2 vols. Vol. 1. Moscow: *Khudozhestvennaya literatura*, 1971:640. (Russ)
7. Rassadin SB. Russian literature: from Fonvizin to Brodsky. Moscow: Slovo, 2001:286. (Russ)
8. Lotman YuM. Ideological structure of Pushkin's poem "Angelo". Lotman YuM. Pushkin: Biography of the Writer; Articles and Notes, 1960-1990; "Eugene Onegin": Commentary. St. Petersburg: Iskusstvo, 1995:237-253. (Russ)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Принадлежность к организации

Эмирова Лейла Абдурагимовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы, Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова, Махачкала, Россия, leylla.em@mail.ru

Абдулмукинова Элиза Мурадовна, студентка, факультет компьютерных технологий и энергетики, Дагестанский государственный технический университет, Махачкала, Россия, dgtu05@mail.ru

Критерии авторства:

Абдулмукинова Э. М. – сбор и обработка материала, подготовка библиографии; Эмирова Л.А. – общий анализ материала, выводы и заключение, перевод на английский.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 06.12.2024
Одобрена после рецензирования 11.12.2024
Принята к публикации 19.12.2024

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Affiliation

Leyla A. Emirova, Ph.D. (Philology), Associate Professor, Department of Literature, Gamzatov Dagestan State Pedagogical University, Makhachkala, Russia, leylla.em@mail.ru

Eliza M. Abdumukminova, student, Faculty of Computer Technologies and Power Engineering, Dagestan State Technical University, Makhachkala, Russia, dgtu05@mail.ru

Contribution of the authors

Abdumukminova E. M. – collection and processing of the material, preparation of the bibliography; Emirova L.A. – general analysis of the material, conclusions, translation into English.

Conflict of interest

The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 06.12.2024
Approved after reviewing 11.12.2024
Accepted for publication 19.12.2024

Литературоведение / Literary Studies
Оригинальная статья / Original Article
УДК 82-31
DOI: 10.31161/1995-0667-2024-18-4-30-37
EDN: HVVWUV

Приёмы передачи категории времени в графических романах Нила Геймана

© 2024 Ротанов А. Н. ✉

Университет Альфраганус
Ташкент, Республика Узбекистан, alexey.rotanov@gmail.com ✉

РЕЗЮМЕ. Целью данной статьи является описание художественных приемов передачи категории времени, используемых в пределах поэтики графических романов американского писателя Нила Геймана, в частности графических романов «История с кладбищем», «Американские боги» и «Sandman». **Методы.** На материале данных произведений методами сопоставления, герменевтического и визуально-стилистического анализа выявляются различные визуальные приемы, усиливающие передачу категории времени в общем повествовании романов Нила Геймана. Особому вниманию подвергаются «неклассические» для графической литературы приемы передачи категории времени, работающие на общее расширение потенциала графического повествования. **Результаты.** Выявлен ряд как традиционных приемов передачи категории времени в поэтике графического романа в творчестве Нила Геймана (передача видо-временного соотношения форм глаголов, устойчивая повествовательная плотность, прямое указание на время, смена времени через визуальную составляющую), так и новаторских подходов, например трансформация гаттера и содержания панели, сужение / расширение временного пласта для точной передачи перцептивного времени, контрастная цветопередача. **Выводы.** Несмотря на полученные результаты, данная классификация требует дальнейшего изучения с привлечением большего количества произведений, однако уже в настоящем исследовании можно говорить о тенденции автора к трансформации и расширению палитры художественных средств, представленной в поэтике графической литературы.

Ключевые слова: графический роман, Нил Гейман, категория времени, визуальное искусство, комикс, поликодовый текст, гибридность.

Формат цитирования: Ротанов А. Н. Приёмы передачи категории времени в графических романах Нила Геймана // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2024. Т. 18. № 4. С. 30-37. DOI: 10.31161/1995-0667-2024-18-4-30-37. EDN: HVVWUV

Techniques for Conveying the Category of Time in Graphic Novels by Neil Gaiman

© 2024 Aleksey N. Rotanov ✉

Alfraganus University
Tashkent, Republic of Uzbekistan, alexey.rotanov@gmail.com ✉

ABSTRACT. The aim of the article is to describe the artistic techniques for conveying the category of time used within the poetics of graphic novels by the American writer Neil Gaiman, in particular the graphic novels "The Graveyard Story", "American Gods" and "Sandman". **Methods.** Based on the material of these works, various visual techniques that enhance the transmission of the category of time in the general narrative of Neil Gaiman's novels are revealed using the methods of comparison, hermeneutic and visual-stylistic analysis. Special attention is paid to the "non-classical" techniques for conveying the category of time in graphic literature, which work to expand the overall potential of graphic narration. **Results.** A number of both traditional techniques for conveying the category of time in the poetics of the graphic novel in Neil Gaiman's works (transmission of the aspect-temporal relationship of verb forms, stable narrative density, direct indication of time, change of time through the visual component) and innovative approaches, for

example, transformation of the gutter and panel content, narrowing / expanding the time layer for accurate transmission of perceptual time, contrasting color rendering, have been identified. **Conclusions.** Despite the obtained results, this classification requires further study involving a larger number of works, but already in this study we can talk about the author's tendency to transform and expand the palette of artistic means presented in the poetics of graphic literature.

Keywords: graphic novel, Neil Gaiman, category of time, visual art, comics, polycode text, hybridity.

For citation: Rotanov AN. Techniques for Conveying the Category of Time in Graphic Novels by Neil Gaiman. *Dagestan State Pedagogical University Journal. Social and Humanitarian Sciences*. 2024;18(4):30-37. (In Russ). DOI: 10.31161/1995-0667-2024-18-4-30-37. EDN: HVVWUV

Введение

Категория времени в художественном произведении является одной из основополагающих для скрепления частей произведения в одно единое художественное целое. При помощи времени автор передает соединение всех сюжетных линий и их соотношение относительно друг друга. Следует учитывать, что восприятие времени в сознании читателя складывается на языковом уровне (соотношение глаголов, видовая передача и т. п.) и на сюжетном уровне (соотношение действий, смена диалоговых конструкций, прямая передача времени через указание на него и т. п.). То есть фактически создатель художественного текста оперирует сложным переплетением пластов реального, перцептивного и индивидуально-образного времени [1, с. 83].

В российском литературоведении изучение категории художественного времени в произведении тесно связано с деятельностью А. А. Потебни, который на фольклорном материале выявляет специфику внутритекстового времени, и Д. С. Лихачева, охарактеризовавшего наличие особого времени в произведении, отличного от реально-физической категории. В дальнейшем к вопросам художественного времени обращались такие исследователи, как А. Ф. Папина, Н. А. Николина, И. Я. Чернухина и ряд других. Однако, если с категорией времени в рамках поэтики классического, вербально-выраженного произведения присутствует достаточная ясность и систематизация художественных приемов, то относительно графической литературы такой ясности еще нет.

Вопросы рецепции временного плана графического повествования появляются в поле зрения исследователей в конце 80-х гг. прошлого столетия. В работе С. Макклауда «Understanding comics» [2, с. 80] вопрос о приемах передачи категории времени в произведениях графиче-

ской литературы рассматривается с позиции соотношения внешнего времени, затрачиваемого реципиентом на чтение, и внутрикадрового устройства течения времени. Однако теоретик графической литературы останавливается большей частью на наличии категории времени и его восприятии в корреляции формы и членении кадров. Примечательно, что в работах В. Саханова [3] эта мысль развивается экспериментальным образом и повествовательное время рассматривается в прямой взаимосвязи с длиной самого кадра, то есть его физической протяженностью относительно страницы. Несколько дальше в этом вопросе продвинулись исследователи Х. Фрей и Дж. Баетенс, которые в работе «The graphic novel: an introduction» [4, с. 56] говорят уже о внутритекстовом времени и его возможности распадаться и сливаться в зависимости от развития сюжетных линий.

В последнее десятилетие исследования в области категории времени в рамках поэтики графического произведения заметно расширились и углубились. Так, стоит отметить мысли А. Барзаха в работе «О поэтике комикса» [5], в которой предлагается концепция «интервального времени». За основу измерения повествовательного времени исследователь предлагает брать не только сам кадр, но и реализованный в нем вербальный аспект через титры или филактер. А в работах И. Гринберга и А. Сухова [6] звучат и полярные идеи, что время в графической литературе носит хромотопический характер и неразрывно от категории пространства. Авторы данной статьи в свою очередь не разделяют этой точки зрения, считая такой подход слишком радикальным, ведь для появления хромотопа нужно не только тесное слияние времени и пространства, но и подключение эмоциональной составляющей самого образа героя. Фактически М. М. Бахтин говорит о формировании

особого пространственно-временного континуума, выделяющегося в рамках движения всего повествования, для передачи эмоционального, философски или же психологически нагруженного перехода героя из одного состояния в другое (например, хронотоп дороги отражает ментальное взросление героя). В комиксах же и графических романах, несмотря на тесную взаимосвязь категории времени, привязанную к категории пространства, мы объясняем это не теорией хронотопа, а спецификой визуального повествования, в котором физически-измеримая, в силу чего и проще воспринимаемая читателем, величина – пространство выступает в качестве формы для передачи более абстрактного понятия – течение времени.

Но так или иначе почти никто из исследователей не останавливает свой взгляд на самих поэтических средствах, используемых для передачи категории времени как в общей, так и в рамках индивидуально-авторской поэтики.

Материал и методы исследования

Графические романы Нила Геймана «История с кладбищем», «Американские боги: тени», «Американские боги. Том 2: Я Ансель», «The Sandman». На материале данных произведений методами сопоставления, герменевтического и визуально-стилистического анализа выявляются различные визуальные приемы, усиливающие передачу категории времени в общем повествовании романов Нила Геймана.

Результаты и их обсуждение

Традиционно в графических романах Нила Геймана используется устойчивая повествовательная плотность в пределах 3x4 кадров с традиционным типом передачи временного плана через использование видо-временных форм глагола. Например, роман «История с кладбищем» [7] написан путем передачи приема переходов от действия к действию с вербальным внутрикадровым оформлением, через диалоговые филактеры, реализуемые внутри конкретной сцены-эпизода, и авторских титров, которые не оформляются в фигурные филактеры, а остаются без внешней рамки, что создает иллюзию основного течения авторской речи (рис. 1). Именно соединение панелей, фиксирующих этапы действий героя (верх стр. 15 и низ стр. 69) формирует восприятие реального времени внутри художественного произведения. А соединение пайллайнов (три кадра с убийцей и кадры диалога

призраков на кладбище на стр. 15) показывают параллельное развитие событий в одно и то же время, что было обусловлено сюжетом. На восприятие движения времени в данном пайллайне работает не только передача положений персонажей, но и сам диалог, реализуемый определенное физическое время. Такое расположение кадровых пайллайнов позволило автору передать течение единого времени для действий разных сюжетных линий.

Тем самым видно, что Нил Гейман зачастую прибегает к классическому повествованию для передачи категории времени. Отчасти это объясняется спецификой самого творческого пути автора – будучи, в первую очередь, писателем вербально-выраженной литературы, Нил Гейман вступает в графическое повествование первоначально через жанр комикса, что и позволило автору считать и отрефлексировать основные приемы поэтики жанра для работы с той или иной категории художественного текста.

Еще один приём для передачи разных временных пластов, который используется в графических романах Нила Геймана, – контрастная цветопередача. Так, например, в графической адаптации романа «Американские боги» [8; 9] автор неоднократно прибегает к этому приему (рис. 2). В представленном эпизоде видно, что диалог строится на воспоминаниях одного персонажа во время ответов на вопросы, которые звучат в текущий момент сцены. Именно для того чтобы показать разницу между текущим моментом (белый фон кадров) и событиями в прошлом, автор прибегает к заливке всей панели синим цветом, тем самым визуально противопоставляя время осуществления обозначенных в эпизоде действий. Помимо этого, следует отметить и различия в типе штриха между кадрами текущего момента развития сюжета и кадрами воспоминаний. Последние отличаются меньшей резкостью и детализацией, что метафорически отражает мысль, что воспоминания могут быть размытыми, нечеткими, отчего эти кадры реализуются больше условными обозначениями лица или жестов, содержат элемент заблюривания крупных объектов (одежда, волосы и т. п.), чего не наблюдается в кадрах, отражающих события в реальный момент развития сюжета.

Данный повествовательный прием уже можно отнести к авторской работе с категорией времени. Отчасти в пределах гра-

фической литературы авторы прибегают к контрастной цветопередаче, но в основном для передачи категории пространства или же вставных жанровых элементов, отличающихся от основного повествования. Например, в произведении «Ш.У.В.» Ольги Лаврентьевой [10] контрастная цветопередача используется для обозначения комикса, созданного героями графического романа, или же Алан Мур [11] в тексте романа «Хранители» фиксирует цветопередачу для обозначения вставной новеллы, публикуемой в газете, о которой идет речь в романе. Нил Гейман же расширяет границы использования подобного повествовательного приема, выводя его из предела сугубо композиционных в плоскость сюжетно-содержательных.

Еще один приём, к которому прибегает автор для передачи времени, – смена положения объекта относительно другого объекта, как представлено на внутренних

кадрах на рисунке 3. Читатель видит движение машины мимо огромного статичного объекта, объем которого несмотря на разделительный гаттер воспринимается визуально полно, а вот сама едущая машина, будучи в движении, не помещается в кадр полностью. Именно такое расположение объектов в кадре позволяет минимизировать нетекстовые графические элементы наподобие пучка горизонтальных линий около колес, показывающих движение объекта в комиксном тексте. А соединение данных кадров с соседними в один пайплайн создает ощущение протяженности длительного времени с финальным акцентом на затянувшейся остановке (кадр-вставка с красным квадратом), что в сочетании со следующим пайплайном – внутренним диалогом героя – указывает на слияние внешнего и перцептуального временных пластов повествования.

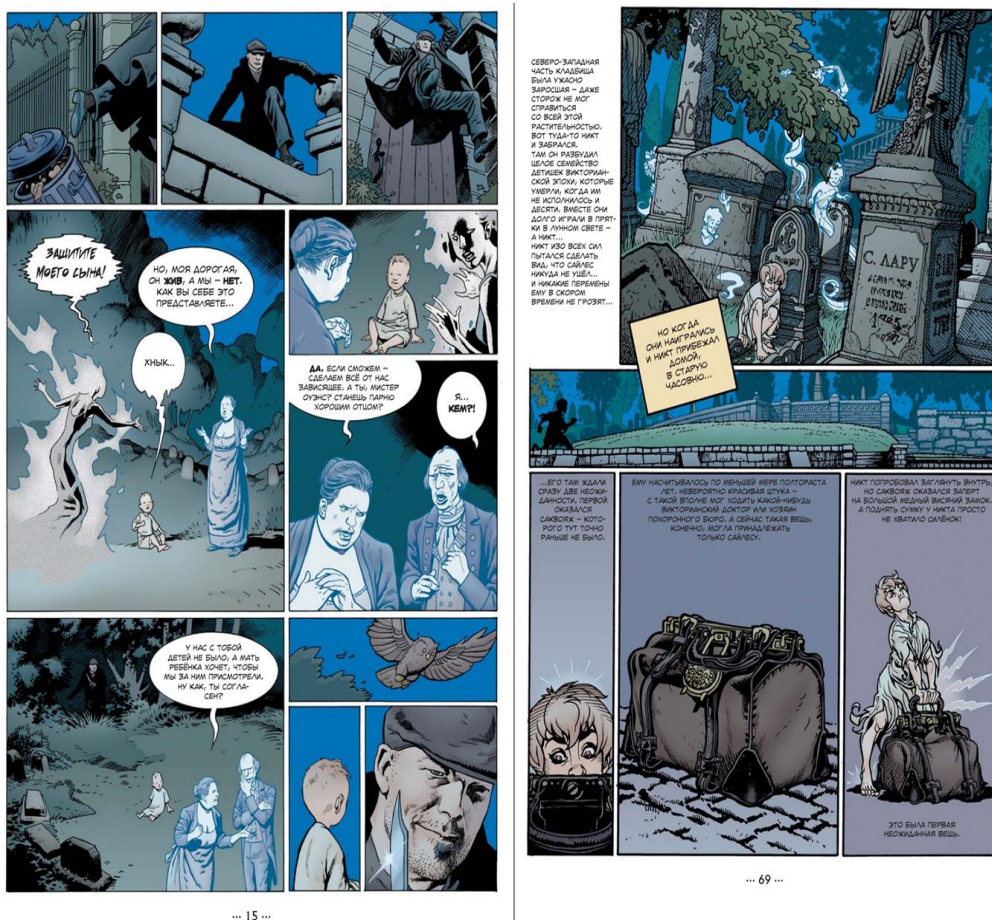

Рис. 1. Примеры реализации временного пласта графического романа Н. Геймана «История с кладбищем» (2016)
Fig. 1. Examples of the time layer implementation of the graphic novel by N. Gaiman “The Graveyard Story” (2016)

Рис. 2. Приём контрастной цветопередачи для визуальной дифференциации временного пласта действий в графическом романе «Американские боги: Тени»
Fig. 2. The use of contrasting color rendering for visual differentiation of the actions time layer in the graphic novel “American Gods: Shadows”

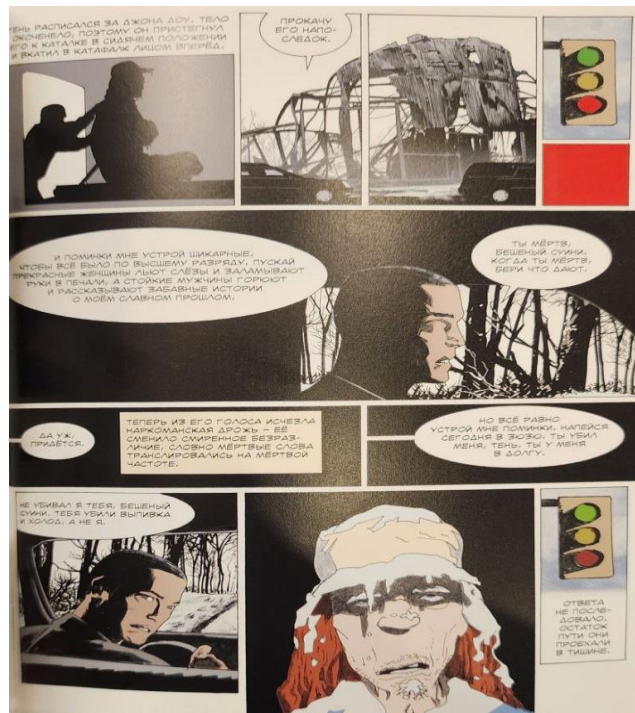

Рис. 3. Визуальное слияние внешнего и перцептуального временных пластов в графическом романе «Американские боги. Том 2: Я Ансель»
Fig. 3. Visual fusion of external and perceptual time layers in the graphic novel “American Gods. Volume 2: I Am Ansel”

Рис. 4. Приёмы передачи времени в произведении «Песочный человек» Нила Геймана
Fig. 4. Techniques for conveying time in the work “Sandman” by Neil Gaiman

Примечательно, что данный прием Нил Гейман использует по-разному. Так, например, на страницах выросшего из комикса графического романа «Sandman» [12] можно увидеть подобный прием для передачи длительного времени при игнорировании гаттера как такового. Если внимательно осмыслить пайплайн, представленный на рисунке 4 (слева), то видно, что автор использует фоном сквозной пейзаж на 4 кадра для передачи изменения положения персонажей. При этом автор усиливает ощущение длительности времени при помощи приема отдаления угла зрения читателя, и тем самым расширяя визуальный охват экспозиции без изменения внешнего размера кадра. По итогу видно, что соединение данного визуального приема с акцентом на широком пространстве позволяет автору показать большую продолжительность времени в данном эпизоде пути героя из пункта А в пункт Б.

Примечательно, что вариация одного и того же повествовательного приема в пределах творчества Нила Геймана позволяет говорить не только о расширении общей теории поэтики графического повествования, но и о авторской стилистике отбора художественных средств для передачи идейно-тематического плана произведе-

ния. Именно трансформация поэтической единицы художественного текста говорит об авторском восприятии произведения не как шаблонного набора с фиксированной нарративной структурой (что довольно часто присуще жанру комикса), а именно как художественном произведении с тесной связью формально-содержательных структур.

Еще один интересный прием, который использует Нил Гейман в произведении «Песочный человек», – сужение временного плана (рис. 4, справа). Для этого автор увеличивает повествовательную плотность до 6 кадров в пайплайне, при этом визуально кадры соединяются в одну единую композицию, и даже гаттеры между ними заполняются визуально-буквенным элементом, чтобы сузить восприятие времени еще больше. Помимо этого, автор очень точно отображает время через точки в виде строчек песни из кинофильма «The Adams Family» при передаче одной и той же сцены с разных ракурсов: перед столом и позади стола, – чтобы показать, что появление персонажа произошло мгновенно.

Заключение

Таким образом, на примере трех произведений видно, что в графических романах Нила Геймана используются не только традиционные приёмы передачи

времени, но и интересные визуальные находки для передачи различных форм времени. В качестве традиционных приемов можно выделить следующие:

- передача видо-временного соотношения форм глаголов как в авторской речи, так и в речи персонажей;
- устойчивая повествовательная плотность (количество кадров на странице) при линейном разворачивании повествования;
- прямое указание на время через титры или же смену времени через визуальную составляющую (день, ночь, зима-лето и т. п.).

Однако можно увидеть и новаторские подходы, присущие частной, индивидуально-авторской поэтике Н. Геймана. К ним, на наш взгляд, можно отнести следующие приемы визуально-вербального повествования:

- трансформация гаттера и содержания панели для передачи идеи эпизода или всего произведения;
- сужение / расширение временного пласта для точной передачи перцептивно-го времени;
- контрастная цветопередача (частная поэтика).

Список литературы

1. Тураева З. Я. Лингвистика текста: (Текст: структура и семантика): учебное пособие. М.: Просвещение, 1986. 126 с.
2. McCloud S. Understanding comics. NY: Harper Perennial, 2004:222.
3. Саханов В. Композиция комикса. URL: <https://www.comicsnews.org/articles/masterskaya/vladimir-saxnov-kompoziciya-komiksa> (дата обращения: 23.09.2024).
4. Frey H. The graphic novel: an introduction. NY: Cambridge University Press, 2015:216.
5. Барзах А. О поэтике комикса // Русский комикс: сборник статей. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 9-55.
6. Гринберг И. С., Сухов А. А. Проблема хронотопа в комиксе // Человек в мире культуры. 2013. № 3. С. 51-58. EDN: RTPJDB
7. Гейман Н. История с кладбищем. Кн. 1: (графический роман) / пер. с англ. А. Осипова. М.: АСТ, 2016. 192 с.
8. Гейман Н. Американские боги: тени (графический роман) / пер. с англ. З. Мамедьярова. М.: АСТ, 2018. 264 с.
9. Гейман Н., Расселл П. К. Американские боги. Том 2: Я Ансель (графический роман) / пер. с англ. З. Мамедьярова. М.: АСТ, 2019. 264 с.
10. Лаврентьева О. ШУВ: готический детектив: в восьми главах с прологом и эпилогом: (графический роман). 2-е изд. СПб.: Бумкнига, 2019. 244 с.
11. Мур А. Хранители: графический роман / перевод с английского М. Юнгер, И. Смирновой. СПб: Азбука, 2017. 525 с.
12. Gaiman N. The Sandman. Book one. Collecting Issues #1-20. NY.: DC Comics, 2022:612.

References

1. Turaeva ZYa. Text linguistics: (Text: structure and semantics): a textbook. Moscow: Prosveshchenie, 1986:126. (In Russ)
2. McCloud S. Understanding comics. NY: Harper Perennial, 2004:222.
3. Sakhanov V. Composition of comics. URL: <https://www.comicsnews.org/articles/masterskaya/vladimir-saxnov-kompoziciya-komiksa> (accessed 23.09.2024). (In Russ)
4. Frey H. The graphic novel: an introduction. NY: Cambridge University Press, 2015:216.
5. Barzakh A. On the poetics of comics. *Russian Comics: A Collection of Articles*. Moscow: New Literary Review, 2010:9-55. (In Russ)
6. Greenberg IS, Sukhov AA. The problem of chronotope in comics. *Chelovek v Mire Kultury*. 2013(3):51-58. (In Russ). EDN: RTPJDB
7. Gaiman N. The Graveyard Story. Book 1: (graphic novel). Transl. from English by A. Osipov. Moscow: AST, 2016:192. (In Russ)
8. Gaiman N. American Gods: Shadows (graphic novel). Transl. from English by Z. Mamedyarov. Moscow: AST, 2018:264. (In Russ)
9. Gaiman N, Russell PK. American Gods. Vol. 2: I Am Ansel (graphic novel). Transl. from English by Z. Mamedyarov. Moscow: AST, 2019:264. (In Russ)
10. Lavrentyeva O. SHUV: Gothic detective story: in eight chapters with a prologue and epilogue: (graphic novel). 2nd ed. St. Petersburg: Bumkniga, 2019:244. (In Russ)
11. Moore A. Watchmen: graphic novel. Transl. from English by M. Junger, I. Smirnova. St. Petersburg: Azbuka, 2017:525. (In Russ)
12. Gaiman N. The Sandman. Book one. Collecting Issues #1-20. NY.: DC Comics, 2022:612.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Принадлежность к организации

Ротанов Алексей Николаевич, старший преподаватель кафедры русского языка и литературы, Университет Альфраганус, Ташкент, Республика Узбекистан, alexey.rotanov@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-6984-5883

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Affiliation

Aleksey N. Rotanov, Senior Lecturer, Department of Russian Language and Literature, Alfraganus University, Tashkent, Republic of Uzbekistan, alexey.rotanov@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-6984-5883

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 28.08.2024
Одобрена после рецензирования 01.11.2024
Принята к публикации 05.11.2024

The article was submitted 28.08.2024
Approved after reviewing 01.11.2024
Accepted for publication 05.11.2024

Литературоведение / Literature Studies
Оригинальная статья / Original Article
УДК 82.09
DOI: 10.31161/1995-0667-2024-18-4-37-42
EDN: IADKDP

Человек и пространство: «русская идея» А. П. Чехова и Н. В. Гоголя

© 2024 **Эмирова Л. А.** ✉

Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова
Махачкала, Россия, leylla.em@mail.ru ✉

РЕЗЮМЕ. Цель данной работы – на основе анализа гоголевских (поэма «Мертвые души» и др.) и чеховских (драматургия, повесть «Степь» и др.) текстов попытаться определить сложности пространственной ориентации двух писателей и их связь с индивидуальной философией. **Методы.** Сравнительно-исторический, типологический. **Результаты.** Будучи последовательным в идейной реализации, Чехов устанавливает, в частности в повести «Степь», творческий диалог с Гоголем, который в последующем его выведет к новым пространственным координатам – очерк «Остров Сахалин». **Выводы.** Постигание русской географии для обоих писателей является шагом в направлении к формулированию «русской идеи», русского ментального кода на двух рубежах эпох.

Ключевые слова: творчество Гоголя, творчество Чехова, поэма «Мертвые души» Гоголя, повесть «Степь» Чехова, образ пространства, русская идея, образ дороги.

Формат цитирования: Эмирова Л. А. Человек и пространство: «русская идея» А. П. Чехова и Н. В. Гоголя // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2024. Т. 18. № 4. С. 37-42. DOI: 10.31161/1995-0667-2024-18-4-37-42. EDN: IADKDP

Man and Space: the “Russian Idea” of A. P. Chekhov and N. V. Gogol

© 2024 **Leyla A. Emirova** ✉

Gamzatov Dagestan State Pedagogical University
Makhachkala, Russia, leylla.em@mail.ru ✉

ABSTRACT. The aim of the paper is to try to determine the complexities of two writers' spatial orientation and their connection with an individual philosophy based on the analysis of Gogol's (the poem "Dead Souls", etc.) and Chekhov's (drama, the story "The Steppe", etc.) texts. **Methods.** Comparative-historical, typological. **Results.** Being consistent in the ideological implementation, Chekhov establishes, in particular in the story "The Steppe", a creative dialogue with Gogol, which will subsequently lead him to new spatial coordinates – the essay "Sakhalin Island". **Conclusions.** For both writers, the comprehension of Russian geography is a step towards formulating the "Russian idea," the Russian mental code at two epochal boundaries.

Keywords: Gogol's work, Chekhov's work, Gogol's poem "Dead Souls," Chekhov's story "The Steppe," image of space, Russian idea, image of the road.

For citation: Emirova LA. Man and Space: the "Russian Idea" of A. P. Chekhov and N. V. Gogol. *Dagestan State Pedagogical University Journal. Social and Humanitarian Sciences*. 2024;18(4):37-42. (In Russ). DOI: 10.31161/1995-0667-2024-18-4-37-42. EDN: IADKDP

Введение

Отмеченный в литературе как реалист, стремящийся преодолеть реализм [1, с. 543], испытывая к нему непреодолимое отвращение, Чехов в этом преодолении, но при том следовании, заставляет вспомнить Гоголя с его муками романтика и, несколько позже – реалиста. Писателям начала и конца XIX в. суждено было сближение во многих ориентирах творчества, фрагментах биографии, в том числе и трагедии болезненного (физически и духовно) восприятия мира. Это ощущение можно назвать надломом, вынуждающим Гоголя «шлевать в черта», а Чехова – в мировую пошлость. И в этой неуспешной борьбе – тоже духовное согласие двух гениев, хотя это и нельзя назвать творческим перерождением, подобно перерождению Гоголя в Андрее Белом, на чем последний упорно настаивал.

Чехов начинал свою деятельность с откровенного подражания Гоголю, что, кстати, и не скрывал. «Толстый и тонкий», «Лошадиная фамилия», «Хамелеон» – герои, фабулы, словесные силлогизмы были бы впору самому Николаю Васильевичу. Но это уже Чехов, со свойственным ему деликатным морализмом и тонким намеком на будущую непреодолимую ненависть к конформизму, «пошлости пошлого человека» («Крыжовник»). Если литературные права на «маленького человека» более других достались Ф. М. Достоевскому, то Чехов унаследовал двойственность гоголевского мира, свойственный ему намек на философичность, характеры, в которых отсутствует какая-то необходимая часть или, другими словами, цельность, подобно гоголевскому майору Ковалеву без носа. Неразрешенность вкупе с незавершенностью есть характерный тип

чеховских персонажей, отягощенных драмой избыточного мышления и чувствования. И в этой связи возникает главная фобия чеховского мироощущения – беспредельность или неограниченность, которая может восхищать лишь точную науку, физиков (к примеру, ломоносовское «Вечернее размышление о божьем величестве»), но не лириков. Герои и сам автор тяготеют этой беспредельностью, как и отсутствием четкого направления (дороги) в ней. Даже если сестры Прозоровы заклинательно твердят: «В Москву, в Москву, в Москву!» [2, с. 156] – это вовсе не указывает на конкретность направления и возможность движения.

Материалы и методы исследования

В статье использованы сравнительно-исторический и типологический методы. На основе анализа гоголевских (поэма «Мертвые души» и др.) и чеховских (драматургия, повесть «Степь» и др.) текстов сделана попытка определить сложности пространственной ориентации двух писателей.

Результаты и их обсуждение

Чеховские герои предпочитают жизнь и мир пережить в себе, и в этом смысле несколько опережают их либо отстают. И здесь на художественном горизонте возникает Гоголь – великий мистификатор, провидец и «абсурдист» [1, с. 334]. Давно отмечено, что гоголевская Русь – мир неведомый, загадочный и на геополитической карте мира несуществующий. Даже если речь идет о Петербурге, или Миргороде, или еще каком-нибудь ориентире российской географии – это все равно будет город NN. Перефразируя фонвизинскую госпожу Простакову, заявившую, что «география не дворянская наука», можно сказать, что география не писа-

тельская наука, поэтому и останутся загадочными пути-дороги гоголевских персонажей, словно они описывались исключительно по причине равнодушия автора к ним: «С какою бы радостью я сделался бы фельдъегерем, курьером даже на русскую перекладную и отважился бы даже в Камчатку...» [3, с. 287]. Образ дороги будет сопровождать писателя и в последние мгновения жизни, уже в виде божьей «лестницы» в небо, запомнившейся из рассказов бабушки. По наблюдению И. И. Гарина, Гоголь постоянно будет возвращаться к этому образу [4, с. 175], вплоть до предсмертного: «Лестницу! Поскорее, давай лестницу» [4, с. 163].

Отмеченная в литературоведении склонность Гоголя и Чехова к изображению дороги приведет последнего к загадочному месту – степи. Еще в начале работы над своей повестью, Чехов шутливо говорил: «Я еще посмотрю, как Гоголь к этому отнесется» [4]. Для Гоголя природа русского пространства – предмет пристального наблюдения, вследствие чего в поэме «Мертвые души» идея русского пространства – едва ли не единственная «живая душа». Географическая великость здесь должна принять историософский акцент – величия исторического, а гоголевская поэма предстать как «простор, наложившийся на простор» [5, с. 218]. Поставив «перед собой... задачу, совладать с пространством» [4], Гоголь изначально оказался подвержен очень уязвимой, так называемой «русской идее».

Загадочный мир под архаичным именем Русь возникает в поэме не только в виде неожиданных красок в панораме известной картины «человеческой комедии», – она мучительно вырвана из глубины того неведомого, что именуется русской душой. Ширь, свобода, точнее, воля, так как лишь она рифмуется с вольностью (порадищевски и по-пушкински) и волком – дико-необузданной бунтарской свободой [6, с. 161], – тоже часть неведомого. Достаточно вспомнить беглых крестьян у Гоголя: «...где, в каких местах патаешься? Занесло ли тебя на Волгу и возлюбил ты вольную жизнь..?» [7, с. 168]. Апофеоз такого пространства у Гоголя заключен в «Тарасе Бульбе».

Вопросом о природе гоголевской любви к дороге задавались многие исследователи [1, с. 386]. Ответ – в глубине гоголевского мира, основанного на «идее завоева-

ния», пути конкистадора, где пережить – значит завоевать.

Эти эмоции, свойственные человеку в юном возрасте (необходимо здесь вспомнить и «русских мальчиков» Ф. М. Достоевского, репающих проклятые вопросы русского бытия, и наблюдение Герцена: «В современной Европе нет юности и юношей» [8, с. 61]), переживаются гоголевскими героями с легким налетом ностальгии, как и всей ностальгирующей славянофильской Россией той поры (Аксаковы, Киреевские, Хомяков, Языков, Погодин, Шевырев и др.). Чехов включает их в субъективный мир маленького человека, мальчика Егорушки, находя рациональный выход из положения.

«Степь» Чехова – это трудно скрываемое, переживаемое глубоко и искренне потрясение от столкновения с гоголевской Русью. Пространство не просто лидирует в этом дуэте с человеком – оно побеждает сознание последнего, превращая его в слабого, беспомощного ребенка. Такое пространство предназначено для богатых, как заметил Гоголь («Здесь ли не быть богатых, когда есть место, где развернуться, пройти ему?» [7, с. 258-259]). «Можно, в самом деле, подумать, что на Руси еще не перевелись громадные, широко шагающие люди вроде Ильи Муромца и Соловья Разбойника и что еще не вымерли богатые кони» [2, с. 48], – вторит Чехов Гоголю. Идея творческого, а шире – идеологического диалога с Гоголем, то ли следования, то ли опровержения, заявлена в повести сразу: «Из N, уездного города Z-ой губернии, ранним июльским утром выехала и с грохотом покатила по почтовому тракту безрессорная, ошарпанная бричка, одна из тех допотопных бричек, на которых ездят теперь на Руси только купеческие приказчики, гуртовщики и небогатые священники» [2, с. 13]. Воссоздание формы зачина гоголевских «Мертвых душ» подчинено все той же задаче обсуждения так называемой «русской идеи», историософских понятий «русская пространственная великость» и «русское историческое величие». В этой сознательно созданной системе повторов не могла не возникнуть тень Гоголя. И она появляется из мрака в облике «хохла» – влюбленного и счастливого Константина, в портрете которого выдаются гоголевские черты: неловкость движений, «сутуловатость», некрасивость и главное – длинный нос.

Однако в этой параллели кричащее несоответствие: в отличие от «счастливого» Константина, «счастье и Гоголь – понятия несовместимые» [1, с. 211], как отметил И. И. Гарин. В этом контексте и «русская идея» выглядит одним из характерных «преувеличений от увлечения», а, следовательно, степной «госкливый ... призыв: певца, певца» [2, с. 46], – по всей вероятности, «безнадежный» призыв.

На размышления Лопухина («Вишневый сад») о необходимости прийти к соразмерности русского простора и русского человека, о «великанах», Раневская ответит: «Вам понадобились великаны... Они только в сказках хороши, а так они пугают» [2, с. 224], – подводя заключительную черту под гоголевской «русской идеей».

«Бездны боялся Гоголь» [1, с. 224], – скажет А. Белый о трагедии «русского Паскаля». Бездна открывшейся идеи останавливает замысел Гоголя, заставив уничтожить второй том «Мертвых душ». Почти также поступит чеховский Коврин («Черный монах»), уничтожив в безумном порыве свою рукопись, разглядев в ней «дерзость, манию величия» [2, с. 254]. Обуреваемый страхом бездны, Чехов замыкает своих героев в дома, усадьбы, дачи и т. д. Диктат пространства отравляет сознание героев Гоголя и Чехова, их безумцы (Поприщев, Коврин), прежде всего, теряют ориентиры пространства, включая в свое пространственное видение инобытия. Поэтому черный монах движется, смешивая пространство и время. Аналогичное пространственное и временное безумие можно наблюдать у гоголевского Поприщева: «Китай и Испания совершенно одна и та же земля».

Возникает характерная диспропорция между необъятной Россией и маленьким остальным миром. Отечественные (и не только) философия, психология, политология, экономика и др. указывали на необозримость России, как на ее кровное бедствие, причину непропорциональности в распространении благ цивилизации, необжитости (по-гоголевски «бесприютности») Отечества. Русское пространство, как воплощение «бесформенного, безличного, бездушного», [8, с. 173] нашло выражение в «Философических письмах» П. Я. Чаадаева, где и обозначается в подтексте древнее родство Руси со степью. Только гоголевский «бес» Чичиков мог этим восторгаться: «Чичиков... сказал, что

даже самая древняя римская монархия не была так велика...» [7, с.127]. Позиция Чехова категорична: «В Западной Европе люди погибают оттого, что жить тесно и душно, у нас же оттого, что жить просторно...» [8, с. 172]. Чехов фактически возвращается к метафоре Чаадаева, превращающей русского человека в вечного странника. По-чаадаевски у Чехова категория времени принимает характеристики пространства, трехмерность. В этом свете предпринятая Чеховым поездка на Сахалин выглядит не только как попытка преодолеть свою робость перед необузданностью русской шири или на практике реализовать национальную потребность в движении, но – почти медицинским способом нащупать эту русскую «пространственную аритмию».

Мотив дороги, связавший Гоголя и Чехова, есть альтернатива безграничному пространству, его разрешение. Потому Гоголь, наряду с дураками, предметом своей нетерпимости избирает дороги – единственный способ преодоления диктата географии, лекарство от страха.

По-своему дороги ищут все чеховские герои, заблудившись в пространстве самосознания (государство уже теряет в литературе привилегию быть тираном человека, эту функцию наследовало самосознание). У чеховского персонажа самосознание почти всегда устраивает перевороты и бунты. В этом смысле оно часто становится синонимом пространства, в результате чего, убегая от себя, персонажи рвутся куда-то подальше: в Москву, в Петербург, в иное духовное измерение. Но этот же внутренний голос с убийственным хладнокровием доказывает невозможность спасения в пути, что есть существенное отличие от Гоголя, где герои и автор исцеляются дорогой. Искать спасения в перемене мест для героев Чехова – бесполезное занятие; ничего не меняется, герои остаются русским страдальцами, а все их маршруты направляются, по-прежнему, «на деревню дедушке». «Спасение надо искать только в себе самом» [2, с. 438], – к такому выводу приходит герой «Дуэли», пережив целый ряд идейных разочарований, душевных потрясений, которые стали синонимом просветления, катарсиса. Именно чеховским героям предназначено предупреждение Гоголя: «Какие искривленные, глухие, узкие, непроходимые, заносащие далеко в сторону, дороги избирало чело-

вечество, стремясь достигнуть вечной истины...» [5, с. 248].

Заключение

Как отмечали современники, Чехов описывал реальность «невероятно правдоподобно», и в этой «правдоподобности» многие усматривали «конец реализма». «Вы убиваете реализм» [9, с. 456], – скажет Горький о Чехове. Не это ли правдоподобие в качестве элемента огромного эсхатологического полотна вынес Гоголь в «Портрете», где «искусство, приближенное к реальности, становится частью мирового зла» [1, с. 274]. Очевидно, что Чехов более своих современников переживает ощущение распада эпохи, конца великого, классического столетия и, вполне оправданную тревогу последнего «классика» России.

Гоголь, «Мир переживавший только в человеке» [1, с. 312], как заметил А. Белый, людей не знал. У Чехова человеческое существо оказывается незавершенным в своей сути («недотепы»). Вглядываясь в будущее, Чехов и Гоголь не столько видят «небо в алмазах», сколько терзаются мрачными опасениями за будущее «маленького человека» на беспредельном пространстве России. Невыразимая тоска Гоголя по человеку («Я хочу видеть человека...» («Записки сумасшедшего»)) у Чехо-

ва складывается в убеждение, что «в человеке должно быть все прекрасно...» и, в конечном итоге, вызвана у обоих страхом «забыть человека», потерять его в пространственном хаосе. В известном письме к Григоровичу, раскрывая замысел своей «Степи», Чехов писал: «Русская жизнь бьет русского человека так, что мокрого места не останется, бьет на манер тысящепудового камня» [9, с. 96].

Вновь возникнув в горьковском: «Человек – это звучит гордо», – эта жажда человека останется лишь приметой уходящей эпохи. Сопровождающая речь Сатина («На дне») странная фигура, очерченная рукой в воздухе (есть у Горького такая ремарка), станет символическим обозначением человека новой эпохи, человека в пустоте, которая является, возможно, синонимом той, пугавшей классическую литературу бездны. А XX в. заявит новые стандарты человеколюбия, материализовав фразу, приписываемую императору Александру I: «Мне нужны не умные, а послушные» [10, с. 60]. При наличии такой логики времени, рассуждения шулера и мошеника о величии человека звучат горько и иронично, приобретая характер ходячей фразы. Уходит красота по-классически, а на смену грядет целесообразность.

Список литературы

1. Гарин И. И. Загадочный Гоголь. М.: Терра-Книжный клуб, 2002. 638 с.
2. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в т. 12 / Акад. Наук СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М.: Наука, 1974-1983. URL: <https://feb-web.ru/feb/chekhov/default.asp?feb/chekhov/texts/sp0/pi0.html> (дата обращения: 14.10.2024)
3. Чехов А. П.: А. П.: диалог с традицией / Сост., вступ. ст., коммент. Н. В. Капустина. М.: Высш. шк., 2007. 542 с.
4. Гоголь Н. В. Мертвые души. М.: Детская литература, 1968. 416 с.
5. Балдин А. Путешествие русского слова // Независимая газета. URL: https://www.ng.ru/person/2009-08-06/2_Baldin.html?ysclid=lw7ojgt636415619063 (дата обращения: 14.10.2024)
6. Бердников Г. П. А. П. Чехов: Идеи и творческие искания. 2-е изд., доп. Л.: Худож. лит. Ленингр. отд-ние, 1970. 591 с.
7. Золотусский И. П. Гоголь. М.: Молодая гвардия, 2007. 485 с.
8. Рассадин С. Б. Русская литература: от Фон-

References

1. Garin I. The Mysterious Gogol. Moscow: Terra-Book Club, 2002:638 (In Russ)
2. Chekhov AP. Complete Works and Letters: in 30 vols. Letters: vol. 12 / Academy of Sciences of the USSR. A. M. Gorky Institute of World Literature. Moscow: Nauka, 1974-1983. URL: <https://feb-web.ru/feb/chekhov/default.asp?feb/chekhov/texts/sp0/pi0.html> (accessed 14.10.2024). (In Russ)
3. Chekhov AP: A. P.: Dialogue with Tradition / Comp., introduction, commentary by N. V. Kapustin. Moscow: Vysshaya shkola, 2007:542. (In Russ)
4. Gogol NV. Dead souls. Moscow: Detskaya literatura, 1968:416. (In Russ)
5. Baldin A. The Journey of the Russian Word. *Nezavisimaya Gazeta*. URL: https://www.ng.ru/person/2009-08-06/2_Baldin.html?ysclid=lw7ojgt636415619063 (accessed 14.10.2024). (In Russ)
6. Berdnikov GP. A. P. Chekhov: Ideological and creative quests. 2nd ed., enlarged. Leningrad: Artist. lit. Leningrad department, 1970:591. (In Russ)
7. Zolotusky IP. Gogol. Moscow, Molodaya gvardiya, 2007:485. (In Russ)
8. Rassadin SB. Russian Literature: from Fonvi-

визина до Бродского. М.: Слово, 2001. 286 с.

9. Терц А. В тени Гоголя. М.: Аграф, 2003. 416 с.

10. Шайтанов И. О. Географические трудности русской истории: Чаадаев и Пушкин в споре о всемирности // Вопросы литературы. 2006. № 6. С. 160-202.

zin to Brodsky. Moscow: Slovo, 2001:286. (In Russ)

9. Tertz A. In the Shadow of Gogol. Moscow: Agraf, 2003:416. (In Russ)

10. Shaitanov I. O. Geographical difficulties of Russian History: Chaadayev and Pushkin in the dispute over universality. *Voprosy Literatury*. 2006(6):160-202. (In Russ)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Принадлежность к организации

Эмирова Лейла Абдурагимовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы, Дагестанский государственный педагогический университет им. П. Гамзатова, Махачкала, Россия, leylla.em@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Affiliation

Leyla A. Emirova, Ph.D. (Philology), Associate Professor, Department of Literature, Gamzatov Dagestan State Pedagogical University, Makhachkala, Russia, leylla.em@mail.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 24.09.2024

Одобрена после рецензирования 14.10.2024

Принята к публикации 09.12.2024

The article was submitted 24.09.2024

Approved after reviewing 14.10.2024

Accepted for publication 09.12.2024

Литературоведение / Literary Studies

Оригинальная статья / Original Article

УДК 82-21

DOI: 10.31161/1995-0667-2024-18-4-42-50

EDN: LGFBAK

Русская драма и судьбы русского купечества в творчестве А. Н. Островского

© 2024 Юсупова П. Дж., Пахрудтинова Р. У., Кукуева А. А. ✉

Дагестанский государственный педагогический университет им. П. Гамзатова
Махачкала, Россия, yusupova@yandex.ru; ragimat07@yandex.ru; zhazigalka@yandex.ru ✉

РЕЗЮМЕ. Цель данной работы – исследование отношения современного читателя к русской драме, в частности, к творчеству А.Н. Островского. **Методы.** Сравнительно-исторический, текстологический. **Результаты.** Отношение к творчеству Островского на современном этапе развития гуманитарного образования складывается из целого ряда факторов, в том числе и исторического, политического, социально-экономического характера. **Выводы.** Конкретный общественно-политический период не выступает статично, как и следовало бы в драме, в творчестве Островского он выступает как симбиоз сложных действий и взаимоотношений, которые в прошлой эпохе находят свои предпосылки и открываются новым литературам в тенденциях и ее определенных явлениях.

Ключевые слова: театр Островского, русская драма, «самодур», обновленное славянофильство, категория «воли-неволи».

Формат цитирования: Юсупова П. Дж., Пахрудтинова Р. У., Кукуева А. А. Русская драма и судьбы русского купечества в творчестве А. Н. Островского // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2024. Т. 18. № 4. С. 42-50. DOI: 10.31161/1995-0667-2024-18-4-42-50. EDN: LGFBAK

Russian Drama and the Fate of Russian Merchants in A. N. Ostrovsky's Works

© 2024 Patimat Dzh. Yusupova, Ragimat U. Pakhrudtinova, Asiyat A. Kukueva✉
Gamzatov Dagestan State Pedagogical University
Makhachkala, Russia, yusupova@yandex.ru; ragimat07@yandex.ru; zhazigal-
ka@yandex.ru✉

ABSTRACT. The aim of the paper is to study the attitude of the modern reader to Russian drama, in particular to Ostrovsky's works. **Methods.** Comparative-historical, textual. **Results.** The attitude to Ostrovsky's works at the present stage of the humanitarian education development is made up of a number of factors, including historical, political, socio-economic nature. **Conclusions.** A specific socio-political period does not act statically, as it should in drama, in Ostrovsky's works it acts as a symbiosis of complex actions and relationships that find their prerequisites in the past era and open up to the future in trends and its specific phenomena.

Keywords: Ostrovsky's theater, Russian drama, "tyrant", renewed Slavophilism, the category of "will-unwill".

For citation: Yusupova PD, Pakhrudtinova RU, Kukueva AA. Russian Drama and the Fate of Russian Merchants in A. N. Ostrovsky's Works. *Dagestan State Pedagogical University Journal. Social and Humanitarian Sciences*. 2024;18(4):42-50 (In Russ). DOI: 10.31161/1995-0667-2024-18-4-42-50. EDN: LGFBAK

Введение

А. Н. Островский вошел в русскую литературу как создатель русской реалистической драматургии. До Островского, по сути дела, русский репертуар читатели не знали: в России ставились лишь иностранные переводные драмы, оперы.

За исключением «Недоросля», «Горе от ума», «Ревизор» (комедии), собственной драмы театр не знал, и только после появления пьесы «Свои люди – сочтемся» А. Н. Островского всё поменялось. Уже появились гиганты реалистического романа, опубликованы «Накануне», «Обломов» и др., а русской драмы всё ещё не было.

Островский является также автором теоретического труда: цикла статей о театре, о необходимости создания общедоступного театра. Театры в ту пору были лишь императорские (н.р, Александринка). Существовал и второй тип театров, который был основан на спонсорстве.

Островский резко выступал против обеих форм: он считал, что театры должны быть государственными, общенародными. За воплощение своей теории Островский боролся долго, и лишь за два года до смерти был открыт общедоступный театр (малый театр «Дом Островского»).

Островский вошел в русскую литературу с новой темой, которая до него не

исследовалась: тема изображения нового сословия, купечества.

Начав с очерков, характерных для натуральной школы, в 1847 г. он пишет прозаическое произведение, оставшееся незаконченным: «Записки замоскворецкого жителя» (впервые опубликовано: "Московский городской листок", №№ 119, 120, 121, 1847 г.), – это произведение имеет много общего с натуральной школой.

Автор говорит, что опишет быт и нравы Замоскворечья, где, в основном, жили купцы. «– Эка невидаль, Замоскворечье!» – начинается повествование в форме обращения, здесь ощущается влияние Гоголя. Замоскворечье изображается как страна, которая имеет свои нравы, свои обычаи. Невежество, спокойствие, неподвижность – вот, что характерно для жителей Замоскворечья. Для них дни делятся на тяжелые и легкие, им свойственна боязнь нового, страшный консерватизм, в быту выполняются все обряды, чтутся все праздники, причем, «горькую пьют без меры», но в жителях также подчеркивается радушие и доброта.

Никто не описывает Замоскворечья, сетует автор «...так опишите меня, запойцу несчастного». Эти записки свидетельствовали о рождении нового большого таланта (сам Островский родился в Замоскворечье, в купеческой семье).

Материал и методы исследования

Обращаясь к изучению русской драмы вообще, и драме Островского, в частности, мы апеллируем к известным трудам теоретиков и историков русской литературы: Л. Р. Когана «Летопись жизни и творчества А. Н. Островского», А. И. Дубинской «А. Н. Островский. Очерк жизни и творчества», А. И. Ревякина «А. Н. Островский. Жизнь и творчество». Однако современное прочтение текстов русской классической литературы полезно изучить в контексте современной культурно-исторической парадигмы, полагаясь на труды известных литературоведов – В. В. Кожина, В. И. Шульженко, З. Н. Акавова, раскрывающих потенциальные поля исследований литературы XIX в.

Результаты и их обсуждение

В 1847 г. Островский начинает работать над своей первой комедией «Свои люди – сочтёмся», которая через год вышла в свет. Первоначально она называлась «Банкрут».

В 1847 г. в «Московском городском листке» Островский публикует первый набросок будущей комедии «Свои люди – сочтёмся» под названием «Несостоятельный должник», затем комедию – «Картина семейного счастья» (впоследствии «Семейная картина») и очерк в прозе «Записки замоскворецкого жителя». «Самый памятный для меня день в моей жизни, – вспоминал Островский, – 14 февраля 1847 года. С этого дня я стал считать себя русским писателем и уже без сомнений и колебаний поверил в свое призвание».

Признание Островскому приносит комедия «Свои люди – сочтёмся» (первоначальное название – «Банкрут»). Ещё до публикации она стала популярной (в чтении автора и П. М. Садовского), вызвала одобрительные отклики Н. В. Гоголя, И. А. Гончарова, Т. Н. Грановского и др.

«Он начал необыкновенно...» – свидетельствует И. С. Тургенев. Его первая же большая пьеса «Свои люди – сочтёмся» произвела громадное впечатление. Ее называли русским «Тартюфом», «Бригадиром» XIX столетия, купеческим «Горем от ума», сравнивали с «Ревизором»; вчера еще никому неизвестное имя Островского ставилось рядом с именами величайших комедиографов – Мольера, Фонвизина, Грибоедова, Гоголя.

Впоследствии Островский многие свои произведения называет пословицами.

«Свои люди – сочтёмся» свидетельствуют об очень сильной струе сатирического, реалистического направления, драматург усилил социальную струю в реализме.

В комедии ставятся две важные проблемы: проблема самодурства и проблема «пошлости пошлого человека». Его творчество стало предметом напряженного спора в русской критике.

Революционно-демократическая критика в лице Добролюбова утверждала: «Островский вошел в русскую литературу с новым словом – самодурством». Этим словом Добролюбов подчёркивал ведущее направление – «критика самодурства» [1].

Добролюбов пишет две статьи: «Темное царство» и «Луч света в темном царстве». Конфликт всех пьес, по мнению Добролюбова, – «конфликт между самодурами и забитыми людьми».

Этот конфликт может показаться узким и частным, так как берутся изображения, в основном, купеческой семьи. По мнению Добролюбова – это конфликт, характерный для всех форм жизни нашего общества. Это широкий конфликт, характерный для русской жизни, «это пьесы жизни».

Добролюбов считает, что этот конфликт определяется тем, что самодуры всеильны из-за своего денежного мешка. Это характерная и ведущая черта всего творчества Островского (и безответность забитых людей – новое слово в драматургии). Добролюбов подходит к анализу произведений Островского с социальной точки зрения.

В полемику с Добролюбовым вступает Аполлон Григорьев, который замечает, что новое слово, которое сказал Островский, это не «самодурство», это «народность».

Изменения коснулись и формы выражения в пьесах Островского. По своему содержанию все произведения Островского пронизаны народной формой – это русская народная речь. Островский воспроизводит психологию, характеры, мимосозерцание русского человека.

Аполлон Григорьев был прав, хотя не отрицает значительности тех находок, которые сделал Добролюбов. Не во всех пьесах этот конфликт присутствует. Истина, по мысли критика, – в середине, это синтез и гармония.

В ряде первых произведений господствует прямой социальный конфликт между самодурами и забитыми людьми, образцом которого является пьеса «Свои люди – сочтемся». В пьесе акцент делался на нравственном содержании.

Здесь также выделяются две важные проблемы: самодурства и «пошлости пошлого человека». В центре группы семья Самсона Силыча Большова (значащая фамилия) – богатый, умелый, изворотливый купец, начиная с мелочей. Он нажил много, но с помощью обмана, изворотливости («не обманешь – не продашь»).

Так он нажил много денег и ворочал большими финансовыми делами. Деньги для него – всё, они для него не пахнут, дома он также абсолютный тиран, не терпит возражений. В доме и на работе царят домоостроевские порядки. Но Большову рост денег кажется медленным, и он идет на грязную аферу, решает переписать все имущество на приказчика Подхалюзина, но прежде женить его на дочери и объявить себя банкротом.

Говорит, что дочь должна выйти за Лазаря Подхалюзина, а Липочка мечтает об офицере, дворянине. Она эгоистична, мечтает о хорошей жизни, в ней сочетается внешнее подражание благородности (во время бала говорит «– что вы сентиментальничаете, спустя рукава. У меня меланхолия в глазах рябит. Да как же за кушца! «Все подружки с мужьями давно, а я словно сирота какая! Слышите, найдите мне жениха, беспременно найдите! Я уж и так, как муха какая, капляю! (Плачет.)» – пускаясь в плач и истерию, заявляет героиня. «– Мое дитя, что хочу, то и делаю. Захочу так съем, а захочу масло спахтаю. Знай, сверчок, свой шесток» – так образно выражается и Самсон Силыч) [2]. Договор заключен: «Нужно объявить всем кредиторам, что я банкрот. Они начнут требовать банкноты, а ты дай 10 копеек за каждую» – подытоживает Большов. Но дело Подхалюзин прекрасно обдeldывает. Он уговаривает сваху повлиять на решение дочери хозяина (традиционный русский образ), пообещал ей подарок – богатую шаль, дабы она расхвалила его Липочке. Сысой Рисположенский в свою очередь ловко обдeldывает все документы.

Кредиторы не согласны на 10 копеек с рубля, требуют 20. И как следствие – Большова сажают в долговую яму.

Липочка остаётся с Подхалюзиним, у нее большое количество ситцевых платьев, её мечты сбылись. Комический, сатиристический образ Большова приобретает черты трагизма, он тяжело переживает.

Большов просит свиданья с зятем, приезжает в дом, видит преуспевающего Подхалюзина, – теперь это полуевропеец. Большов просит заплатить 20 копеек, как и требуют кредиторы. «Но вы же сами сказали больше 10 копеек не давать». Липочка говорит, что ей необходимы изысканные туалеты, новые платья. «Нет, батенька, мы не в состоянии дать вам денег».

«– Эх, Лазарь, Лазарь, не думал, что так кончится»

«– Ничего, свои люди, сочтемся» [2].

Хоть и происходит бесчеловечный конфликт, но все равно, это свои люди, и будь Большов на месте Лазаря, он поступил бы точно так же.

Эта комедия вызвала восторг у революционно-демократического лагеря. В начале 1850 гг. происходят некоторые изменения в симпатиях Островского. Островский был знаком с редактором «Москвитянина» Погодиным, с ним сотрудничала группа молодых актеров и критиков, среди которых был и Аполлон Григорьев.

Островский сближается с ними; в этом кружке царило обновленное славянофильство. Эта группа признавала плодотворное ядро русской национальной культуры, в отличие от демократов, которые были против всего старого. Эта молодая редакция признает принципы народности – изображение положительных сторон жизни народа.

Влияние молодых славянофилов испытал на себе и Островский в период сближения с молодой редакцией. Островский пишет пьесы: «Бедность – не порок», «Не в свои сани не садись», «В чужом пиру похмелье» – в них выразился новый взгляд на изображение народа, вместе с изображением положительной стороны народной культуры.

В пьесе «Бедность – не порок» Островский вновь обращается к изображению купеческой семьи. Гордей Торцов отличается от Большова, это грамотный купец, который не только думает о барышах, но хочет сблизиться с состоятельным фабрикантом. Это более развитый тип кушца, впервые изображенный в литературе.

Гордей знакомится с фабрикантом Африканом Савичем Коршуновым, он образован, но развратен и сладострастен, он даже завел гарем. В пьесе появляется еще одна особа – сестра Торцова – помешанная на всем европейском, мечтающая о французском муже. Островский резко высмеивает внешнее подражание всему европейскому. У Торцова есть секретарь Митя, который любит его дочь Любоньку, и чувства их взаимны.

Пьеса начинается с народного праздника (святки) – изображается ряжение, песни, веселье – в доме кушца придерживаются старых праздников, царит веселье, радость, счастье.

Островский широко вводит русское народное творчество – обычаи, обряды, устои. Торцов разгоняет всех ряженных, ему неловко перед образованным Коршуновым: в нем борются с одной стороны – почитание старого и дань новому – с другой. Гордей Карпыч грубо прогоняет ряженных девушек («Это что за сволочь!»), лебезит перед Коршуновым, извиняется за «необразованную» жену, устроившую вечер «не по всей форме». Но Коршунову, старому сластолюбцу, напротив, нравится компания молодых девушек.

Гордей Торцов представляет дочери её жениха. Любовь Гордеевна бросается к отцу и умоляет его передумать: «Я из твоей воли ни на шаг не выйду. Что хочешь меня заставь, только не принуждай ты меня против сердца замуж идти за немилого!» Гордей Карпыч неумолим: «Ты, дура, сама не понимаешь своего счастья. В Москве будешь побарски жить, в каретах будешь ездить... я так приказываю!». И Любовь Гордеевна смиренно отвечает: «Твоя воля батюшка!», кланяется и отходит к матери.

Казалось бы, семейный конфликт снят, но тут появляется новое лицо, которое меняет резко ход действия. Коршунов гневается, но появляется брат Гордея – Любим Торцов, часть состояния которого прибрал брат, фактически обобравший его. Когда он увидел Коршунова, он раскрыл всю его низость, развратность. «Я не Коршунов: я бедных не грабил, чужого веку не заедал, жены ревностию не замучил... Меня гонят, а он первый гость, его в передний угол сажают. Что ж, ничего, ему другую жену дадут» [3]. Гордей Торцов говорит, что выдаст и

сам дочь за бедного и честного, ведь бедность – не порок. Гордей Карпыч расчувствованно утирает слезу – «Ну, брат, спасибо, что на ум наставил, а то было свихнулся совсем», обнимает и благословляет Митю и Любовь Гордеевну. Смысл комедии выражается в народной мудрости – «бедность не порок».

Опять всё заканчивается народным весельем, эта комедия производит сильное впечатление на современников драматурга.

Революционеры-демократы быстро откликнулись на эту пьесу. Чернышевский заявил: «Комедия пронизана сплошь ложным пафосом, переполнена народными пословицами, поговорками, все это сентиментально и ложно, мы не понимаем, куда делась сатира, правда жизни купеческой семьи отстывает, он обвиняет Островского в отклонении от реализма, куда делась критика? «Изменение политических взглядов привело к снижению таланта».

Однако в пьесах Островского была не только идеализация национального характера, не только дидактизм, но сильна и критическая струя, социальная составляющая.

В 1859 г. А. Н. Островский получает премию за драматические успехи и совершает путешествие по Волге, в родной Симбирск. В результате путешествия создается лучшая пьеса в жизни Островского «Гроза».

Островский вновь обращается к изображению купеческого мира. Вновь перед нами встают знакомые образы, как в произведениях «Бедность – не порок», «Не в свои сани садись». Добролюбов высоко оценил эти произведения: в знаменитых статьях «Темное царство», «Луч света в темном царстве» критик утверждает, что главный конфликт драмы – столкновение богачей с забытыми людьми. Сила самодуров заключается в денежном мешке и безответности забытых людей.

В пьесе «Гроза» представлен социальный конфликт: столкновение между Борисом, судьба которого целиком зависит от дядюшки Дикого, заключающаяся в морали: «если хорошо будешь вести себя – получишь наследство», Борис вынужден пресмыкаться.

Этот конфликт наличествует и в отношениях Дикого и Кулигина. Дикой – почитаемый человек, но он действует обманом и воровством, и когда городничий

говорит, что все на него жалуются, он отвечает: «стоит ли нам об этом говорить, – у каждого по копейке возьму, а мне – состояние» [4]. Дикой – самодур, не признающий никаких авторитетов, он дик по нравам, требует беспрекословного подчинения. Он невежественен и это проявляется в его беседе с Кулигиным. Начинает крапывать дождь, и на галерею входят Дикой и Кулигин, который принимается уговаривать Дикого дать денег на установку солнечных часов на бульваре. В ответ Дикой его всячески бранит и даже грозит объявить разбойником. Стерпев брань, Кулигин начинает просить денег на громоотвод. Тут уж Дикой уверенно заявляет, что от посланной в наказание грозы «шестами да рожнами какими-то, прости Господи, обороняться. Молния, гроза – божье наказание за наши грехи». Кулигин отвечает: «Я телом в прахе изнываю, умом громом повелеваю» (Из оды Державина «Водопад»). Островский показывает невежество, косность, грубость нрава Дикого.

«Гроза» – пьеса не о Диком, эта пьеса о судьбе Катерины. Главный сюжет пьесы – история Судьбы Катерины. Социальный Конфликт – это основа пьесы, но не главный сюжет.

Катерина вступает в конфликт с Кабанихой. Она тоже купчиха, из обеспеченной семьи, героиня часто говорит – «коли мне все опостылет, не буду молчать».

«Коли не захочу покоряться обычаям и нравам, не буду». Она независима от Кабанихи социально, не подчиняется всем её требованиям. Кабаниха требует, чтобы она вышла за мужем, согласно Домостроевской книге – сборнику нравственно-бытовых законов). «– Не буду я выть, да и нечего людей смешить» [4], отвечает Катерина.

Она не выполняет беспрекословно всех ее приказаний. Все здесь по приказу, из-под палки (до замужества поливала цветы, ходила в церковь, занималась рукоделием). Варя говорит, что и у них в доме то же самое, «– Да, то же все, но будто из-под палки».

Катерина рассказывает Варваре о счастливом детстве в родительском доме, о своих горячих молитвах, о том, что она переживала в храме, воображая ангелов в солнечном луче, падающем из купола, мечтает раскинуть руки и полететь и,

наконец, признается, что с ней происходит «неладное что-то».

О том, что Катерина «незабитая» говорит ее независимость, свободолюбие, она не терпит обид и унижения. В ней живет естественное стремление к свободе.

Кабаниха говорит: «– Ох уж эти новые люди, ничего не знают; что будет, когда старики умрут». Требования Кабанихи – требования устаревших нравов, обычаев. В Катерине живёт стремление к новым семейным отношениям. Это конфликт нравственный: конфликт старых нравов и новых взглядов на семью, на воспитание детей, на любовь.

Главный конфликт пьесы – нравственно-психологический, любовный. Этот конфликт является отражением социального конфликта 1959 г., но здесь конфликт опосредован. Это опосредованное изображение острых социальных конфликтов эпохи. Завязка конфликта ступенчатая и в этом отношении – напоминает романное творчество.

Пьеса имеет до завязки экспозицию. Экспозиция раскрывает место, где Кулигин сидит на берегу реки и напевает песню. Действие происходит в городе Калинове.

Но экспозиция открывает широкую панораму великой реки. О городе Калинове говорится, что дома здесь огорожены огромными заборами и дома стерегут злые собаки.

Противопоставление уже задано в экспозиции – это свободное открытое пространство, но сюда вклинивается песня о широте и красоте природы, песня трагическая (по содержанию: об измене жены мужу). Экспозиция постепенно наполняется нравственным смыслом и настораживает. По этому бульвару проходит парад, галерея действующих лиц. Купцы как правило гулять не ходят. «Жестокие нравы царят в нашей стороне». Нравы города Калинова раскрываются в экспозиции, в беседе между Кудряшом и Кулигиным.

В действие вступают остальные Кабановы. Катерина с ужасом ждёт, что её, не покаявшуюся в грехе, убьет молнией, действие нагнетается и тем, что появляется сумасшедшая барыня, грозящая адским пламенем, Катерина не может более крепиться и прилюдно признается мужу и свекрови в том, что «гуляла» с Борисом. Кабаниха злорадно заявляет: «Что, сынок!

Куда воля-то ведет; Вот и дождался!» [4] – через галерею проходят Кабаниха, Катерина с Варварой и Тихон.

В это время надвигается гроза (ключевое слово в пьесе), начинается дождь. В экспозиции уже даются элементы последующего развития сюжета. В экспозиции даны важнейшие образы: Волги – широкой, величественной реки и грозы, которая пока прошла стороной.

Завязка произведения – это прощание Тихона, которого мать по делам отправляет в Москву, он страшно рад избавиться от тирании матери, ведь он живет в неволе. Чтобы избежать трагизма, который она предчувствует, Катерина бросается ему на шею.

«– Типа, возьми меня с собой».

«– Без вас на воле проживу» [4]. Сталкиваются две силы! Важнейшие категории – воля и неволя.

Заслуга Островского заключается в том, что он показывает те преимущества воли, о которых мечтает Тихон, Кудряш, Катерина, и в то же время антиномичные стороны воли. И Катерина хочет пожить по своей вольной волюшке, по этой воле живет и Дикой.

Проблема свободы, воли показывает их трагизм, она может привести к своеволию, деспотизму (как воля Дикого, Кабановой), но и вообще воля, неосвященная божескими и нравственными законами, приводит к трагедии, к теории вседозволенности, к совершению преступлений.

Заключение

Главный конфликт в завязке пьесы – нравственный, он разрабатывается в философских категориях воли и свободы; вторая ступень завязки – сцена с ключами – это и начало развития действия в пьесе.

В трагедии Островского действие тоже развивается как столкновение воли с нравственным законом долга.

В развитие действия входят следующие сцены. Варвара заметила любовь Катерины к Борису, она крадет ключи от калитки, дабы устроить свидание.

Кудряш и Варвара – одна сюжетная линия, Борис и Катерина – другая. От этой калитки дорога идет к оврагу – вглубь (ближе к аду) – топос резко меняется.

«Греховница, да что ты делаешь со мною». В ее душе борются чувства долга и страсти. Она швыряет ключи, но быстро их хватает. «– Да кого я обманываю, сама себя обманываю. – Ах, кабы ночь скорее» [4].

В этой завязке показано столкновение страсти и долга, воли и нравственности.

Наступает ночь: свидание предваряется сценой, в которой Кудряш играет на гитаре и поет песню о неверной жене (как муж возвращается и узнает, жена просит наказать ее ночью, когда дети уснут). Эта песня настораживает, как и первая: вот тот путь, по которому идет Катерина. Случай, через который проявляется рок, судьба

Катерина приходит на свидание, она терзается, плачет, а Борис говорит: «Чай, по своей воле пришла», «– Да кабы я по своей воле пришла, я б никогда не пришла. – Нет моей воли». «– Да живи, лишь бы шито-крыто было». «Коли я суда божьего не испугалась, не испугаюсь и позора людского» [4]. Первая завязка – сцена прощания, вторая – сцена с ключами.

Кульминация, как и весь сюжет, идет вариантно. Особенность этой драмы – ее многосюжетность. В кульминации проявляется слабость Бориса, у него нет воли. Одной из важнейших проблем является проблема воли – неволи, свободы – несвободы.

Островский показывает, как вмешивается в жизнь героини потусторонний мир: воля часто превращается в неволю.

Совершенно иное развертывание сюжета у другой пары: Вари и Кудряша. Их свидание предваряется песней – Кудряш тоже поёт о неверной жене, в повествование вводится комедийное начало – они дерутся. Их свидание обыденно для них. Эта любовь обычная, привычная, но она в свою очередь подчёркивает глубину чувств Катерины и легкомысленность Вари.

Почему Писарев неправ, когда в статье «Мотивы русской драмы», противопоставляя Варю и Катерину говорит, что Варя – слабая натура, а сильная – Катерина. Ведь убегая, они используют ложь, лицемерие, характерные для старой морали.

Катерина понимает, что ее судьба решается независимо от ее воли. Кульминация тоже имеет ступенчатый характер. Настоящая трагедия – сцена публичного признания Катерины в своей любви. Как в трагедию вмешивается случай (муж вернулся неожиданно) – случай в пьесе выступает орудием судьбы.

Присутствует в драме и узнавание согласно канонам классической трагедии. Вся сцена развивается по линии «крещен-

до», действие стремительно развивается по законам трагедийного жанра.

Образ грозы выступает на первый план. Надвигается дождь. Все окружено трагическими деталями. Феклуша говорит, что «за грехи наши» «время в умаление приходить стало», рассказывает о железной дороге («змия огненного стали запрягать»), о суете московской жизни как дьявольском наваждении.

Все выходят из церкви. Сумасшедшая барышня говорит: «Все в огне гореть будете, геенне огненной. Кто чист, тот грозы не боится».

В этот момент Борис Григорьевич здорывается с ними и скоро скрывается на террасе, где все покрыто живописью из сцены «Страшного суда». Катерина с ужасом ждёт, что её, не покаявшуюся в грехе, уберёт молнией, вновь появляется сумасшедшая барышня, грозящая адским пламенем, Катерина не может более крепиться и прилюдно признается мужу и свекрови в содеянном.

Вся душа Катерины находится в смятении. Она при всех признается мужу, что все эти десять дней изменяла ему. Тихон и здесь боится гнева матери: «– молчи, при маменьке не говори».

Безволие его подчеркивается в пьесе неоднократно. Кабаниха отрезала коротко – «Молчи, пусть говорит при всех».

После этой сцены следует многоступенчатая развязка. Муж «побил» Катерину, не выпуская на волю – это одна развязка.

Катерина мучается, узнав, что Дикой отправляет Бориса в Сибирь. Она убегает из дому. Ещё одна важнейшая особенность пьесы – она вся пронизана мотивами устного народного творчества.

Здесь Островский вводит минорное начало. В пьесе природа занимает огромное место, героиня обращается к буйным ветрам; Борис и Катерина встречаются в последний раз, где проявляется нравственная сила, решительность Катерины, которая готова ехать с ним в Сибирь. Но, как и Тихон, он отталкивает ее, со словами: «не по своей же воле я еду», он слишком слабый и безвольный, не способен постоять за свои чувства и любовь.

Когда Катерина остается одна, отданной в руки Кабанихи, она размышляет, куда деваться: «идти домой – значит поко-

ряться кабановским нравам «– нет, лучше в могилу, чем покориться».

Добролюбов прав: самоубийство Катерины – шаг, доказывающий ее силу, стремление к новым порядкам и взглядам на семью и любовь. Она понимает, что есть свободная форма семьи, где царит взаимопонимание.

Добролюбов считает, что самоубийство Катерины – шаг, свидетельствующий о протесте против Кабановских нравов. Самоубийство – протест, провозглашенный под домашними пытками Кабанихи и над бездной, куда бросилась Катерина.

Происходит катарсис, ибо утверждает истину – так жить нельзя, о чем провозглашала натура Катерины.

В пьесе есть еще один важный символ – которым пронизано всё произведение – образ вольной птицы. «– В доме, где не было тирании, я жила как птичка небесная, а взаперти так бы и полетела свободной птицей над землей». В этом произведении разрабатываются важнейшие темы и образы: гроза, свободная птица, вариация ключевых слов – «воля» и «свобода» – они вносят освежительную тональность.

Добролюбов отмечал страшную силу «темного царства». Однако Островский ощущал уже появление новой силы, поэтому показывает, что в самом темном царстве появляется ощущение непрочно-сти, оно не всесильно.

Но и Кабаниха тоже ощущает конец своего властвования. – Она в дом, где нет стариков, ногой не ступит, «все идет вверх тормашками – да ладно уж, лишь бы на мой век хватило» [4].

Так всегда происходит смена старого новым. Конфликт драмы заключается в столкновении старого с новой зарождающейся моралью.

Устами Феклуши говорится об измене, «Желтый дьявол» – символ денег». Темное царство довольствуется этими объяснениями.

«Литва с неба свалилась» и подобные нелепости, так же как и требование следованию старинных порядков хотя бы на свой век, говорят, что наступают новые времена, поэтому драма носит название «Гроза» – это символ свежести чистоты и освобождения, предвещающий новые времена.

Таким образом, конкретный общественно-политический период не высту-

пает статично, как и следовало бы в драме, в творчестве Островского он выступает как симбиоз сложных действий и взаимоотношений, которые в прошлой эпохе

находят свои предпосылки и открываются будущей литературе в тенденциях и уже установившихся явлениях.

Список литературы

1. Коган Л. Р. Летопись жизни и творчества А. Н. Островского. М.: Госкультросветиздат, 1953. 407 с.
2. Островский А. Н. Свои люди – сочтемся. URL: <https://www.erudity.ru/calculators/ostrovskii-a-n-svoi-lyudi-socht-msya/> (дата обращения: 13.09.2024)
3. Островский А. Н. Бедность – не порок. URL: <http://ilibrary.ru/text/2400/p.1/index.html> (дата обращения: 13.09.2024)
4. Островский А. Н. Гроза. URL: <http://ilibrary.ru/text/994/p.1/index/html> (дата обращения: 13.09.2024)

References

1. Kogan LR. Chronicle of A. N. Ostrovsky's life and work. Moscow: Goskultrosvetizdat, 1953:407. (In Russ)
2. Ostrovsky AN. Our people – let's settle accounts. URL: <https://www.erudity.ru/calculators/ostrovskii-a-n-svoi-lyudi-socht-msya/> (accessed 13.09.2024). (In Russ)
3. Ostrovsky AN. Poverty is not a vice. URL: <http://ilibrary.ru/text/2400/p.1/index.html> (accessed 13.09.2024). (In Russ)
4. Ostrovsky AN. The Storm. URL: <http://ilibrary.ru/text/994/p.1/index/html> (accessed: 13.09.2024). (In Russ)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Принадлежность к организации

Юсупова Патимат Джамалудиновна, кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы, Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова, Махачкала, Россия, yusupova@yandex.ru

Пахрудтинова Рагимат Умакаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы, Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова, Махачкала, Россия, ragimat07@yandex.ru

Кукуева Асият Абдулаевна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой литературы, Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова, Махачкала, zhazigalka@yandex.ru

Критерии авторства

Все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 23.10.2024
Одобрена после рецензирования 04.12.2024
Принята к публикации 09.12.2024

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Affiliation

Patimat Dzh. Yusupova, Ph.D. (Philology), Associate Professor, Department of Literature, Gamzatov Dagestan State Pedagogical University, Makhachkala, Russia, yusupova@yandex.ru

Ragimat U. Pakhrudtinova, Ph.D. (Philology), Associate Professor, Department of Literature, Gamzatov Dagestan State Pedagogical University, Makhachkala, Russia, ragimat07@yandex.ru

Asiyat A. Kukueva, Ph.D. (Philology), Associate Professor, Head of the Department of Literature, Gamzatov Dagestan State Pedagogical University, Makhachkala, Russia, zhazigalka@yandex.ru

Contribution of the authors

All authors contributed equally to the preparation of the publication.

Conflict of interest

The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 23.10.2024
Approved after reviewing 04.12.2024
Accepted for publication 09.12.2024

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Языкознание / Linguistics
Оригинальная статья / Original Article
УДК 811.351.32
DOI: 10.31161/1995-0667-2024-18-4-51-57
EDN: MBGHNQ

Семантическая классификация местоимений в лезгинском языке

© 2024 Бабаев В. А.✉

Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова
Махачкала, Россия, nauka_dgpu@mail.ru✉

РЕЗЮМЕ. Целью данного исследования послужило изучение семантических особенностей местоимений лезгинского языка, по которым они дифференцируются на целый ряд разрядов. **Методы.** В исследовании использован метод лингвистического описания, который предполагает анализ фактов языка, их систематизацию и классификацию. **Результаты.** В работе проведена семантическая дифференциация местоимений современного лезгинского языка на разряды, описаны их характерные особенности. **Выводы.** По своему значению местоимения в лезгинском языке группируются в следующие разряды: личные местоимения, возвратные местоимения, вопросительные местоимения, относительные местоимения, отрицательные местоимения, указательные местоимения, определительные местоимения, неопределенные местоимения.

Ключевые слова: лезгинский язык, местоимение, разряды местоимений по значению, личные местоимения, указательные местоимения.

Формат цитирования: Бабаев В. А. Семантическая классификация местоимений в лезгинском языке // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. *Общественные и гуманитарные науки.* 2024. Т. 18. № 4. С. 51-57. DOI: 10.31161/1995-0667-2024-18-4-51-57. EDN: MBGHNQ

Semantic Classification of Pronouns in the Lezgin language

© 2024 Vladimir A. Babaev✉

Gamzatov Dagestan State Pedagogical University
Makhachkala, Russia, nauka_dgpu@mail.ru✉

ABSTRACT. The aim of the research is to examine the semantic features of Lezgin pronouns, by which they are differentiated into a number of categories. **Methods.** The author used the method of linguistic description, which involves the analysis of language facts, their systematization and classification. **Results.** The paper presents a semantic differentiation of modern Lezgin pronouns into categories and describes their characteristic features. **Conclusions.** According to their meaning, pronouns in the Lezgin language are grouped into the following categories: personal pronouns, reflexive pronouns, interrogative pronouns, relative pronouns, negative pronouns, demonstrative pronouns, definitive pronouns, indefinite pronouns.

Keywords: the Lezgin language, pronoun, categories of pronouns by meaning, personal pronouns, demonstrative pronouns.

For citation: Babaev VA. Semantic Classification of Pronouns in the Lezgin language. *Dagestan State Pedagogical University Journal. Social and Humanitarian Sciences.* 2024;18(4):51-57. (In Russ). DOI: 10.31161/1995-0667-2024-18-4-51-57. EDN: MBGHNQ

Введение

Актуальность исследования местоимения объясняется целями изучения современного лезгинского языка как научной дисциплины в школе и вузе. Необходимость детального исследования местоимения продиктована и тем, что многие аспекты его до настоящего времени в достаточной степени не изучены.

В настоящей работе подробно рассматриваются все семантические разряды местоимений, теоретические положения подтверждаются многочисленными практическими примерами.

Материал и методы исследования

Для лингвистического анализа местоимения лезгинского языка языковой материал извлечен из самых различных источников: произведений устного народного творчества, художественной литературы, периодической печати и живой разговорной речи.

Приемы и методы, используемые в данной работе, обусловлены спецификой исследуемого материала. Всестороннее освещение лексико-семантических разрядов местоимений предполагает комплексное использование описательного и классификационного методов.

Результаты и их обсуждение

Общие сведения о местоимении. Местоимение – это часть речи, указывающая на предмет и выражающая значение указания в морфологических категориях числа (непоследовательно) и падежа [1, с. 73].

По мнению отдельных исследователей [2, с. 149] в лезгинском языке местоимения как часть речи включают в себя 14 слов, которые в зависимости от выполняемой семантической функции делятся на следующие группы: 1) личные: *зун* «я», *вун* «ты», *ам* «он», *чун* «мы», *куьн* «вы», *абур* «они»; 2) возвратные: *жув* «я сам», «ты сам», *вич* «он сам», *чеб* «они сами»; 3) вопросительные: *вуж* «кто», *вуч* «что»; 4) отрицательные: *касни* «никто» *затІни* «ничто», *садни* «ни один, никто»; 5) указательные: *и* «этот», *гьа* «тот, о котором шла речь», *агьа* «нижний», *вини* «верхний», *атІа* «тот, который находится в стороне».

Разряды местоимений по значению. По своему значению, а также по синтаксической роли местоимения делятся на следующие разряды: 1) личные местоимения; 2) возвратные местоимения; 3) вопросительные местоимения; 4) относительные местоимения; 5) отрицательные место-

имения; 6) указательные местоимения; 7) определительные местоимения; 8) неопределенные местоимения.

Личные местоимения. Личными местоимениями принято считать слова, обозначающие лица – участников акта речи: говорящий – первое лицо, слушающий – второе лицо. Некоторые исследователи разряд личных местоимений ограничивают местоимениями 1-го и 2-го лица, а другие считают, что «вопрос о личном местоимении третьего лица остается до конца не решенным ввиду того, что ... в языке нет специальной формы для его выражения» [3, с. 47].

К личным местоимениям лезгинского языка относятся: *зун* «я», *вун* «ты», *ам* «он», *чун* «мы», *куьн* «вы», *абур* «они».

Согласно мнению исследователей, «личные местоимения в лезгинском языке можно разделить в две группы: а) собственно личные местоимения: *зун* «я», *вун* «ты», *чун* «мы», *куьн* «вы» и б) функционально личные местоимения: *ам* «он», *абур* «они». Последние, будучи местоименными прилагательными, окончательно еще не утратили с ними связи, особенно в морфологическом и словоизменительном отношениях» [2, с. 149].

Фразовые примеры: 1. *Завай кІел жезвач, паб, вуна кІел ая, зани гуда яб.* «Я не могу читать, жена, ты читай, я тоже послушаю». 2. *Гьужумда чна илимдал, кІелда чна кІвалахни ийиз.* «Наступим мы на науку, работая, будем мы учиться». 3. *Дербентдай зани Малигьата адаз хьсан акур, бегенмиши хьайи парталарни кьачуна гьазурнавай.* «В дербенте я и Маликат купили вещи (одежду), которые ей понравились». 4. *Са тІимил вахтарилай Малигьатахь галаз жедай хушбахт уьмуьр фикирдиз атайла, зун ашкьилу тахьана гьикІ амуьрай мегер?* «Когда думал о скорой счастливой жизни с Маликат, как я мог не вдохновляться?». 5. *Гатфарин каникулрилай гьугьуниз, школайра тарсар баишламиши хьувуна хейлин вахтар алатнавайла, за яваши-яваши мехьериз гьазурвилерни акуна куьтягьзавай* «После весенних каникул, когда прошло много времени после начала занятий в школах, я, не торопясь, заканчивал приготовления к свадьбе».

6. *Дамахзава за зи чІалал,
Лезги тІварцІел бубади гай.*

*Дамахзава за зи чІалал
Заз савкьат яз худади гай*

*«Я горжусь своим языком,
Лезгинским именем, что дал отец.*

Я горжусь своим языком,
Данным мне Всевышним в подарок».

«Личное местоимение 3-го лица *ам* «он» отличается от соответствующего указательного (и «этот») наличием в номинативе форманта -м» (ср. и «этот» – *ам* «он» [4, с. 45]).

В описываемом языке встречается употребление местоимения *куьн* «вы» вместо *вун* «ты» при вежливом и официальном обращении к одному лицу под влиянием русского языка: *Куьне ихтияр гайитла, чаз хуьрелай яргъа авай гуйнейрин кланера узьмлухар кутаз кланзава*. «Если Вы разрешите, мы хотим у низовьев вовышпенностей, находящихся вдали от села, посадить виноградники». *Мад яргъи авуна вучда къван, белки Куьн зи гъавурда акъан, зун Куь патав Куь дуст Селима ракъурнавайди я*. «Зачем тянуть, может быть, Вы поймете меня, меня к Вам послал Ваш друг Селим».

Возвратные местоимения. В лезгинском языке к возвратным местоимениям относятся слова *жув* «я сам», «ты сам» (для 1-го и 2-го лица ед. числа), *вич* «он сам» (для 3-го лица ед. числа), *чеб* «они сами» (относится только к 3-му лицу мн. числа): *Къурбан садани хвейиди туш, ада вичи вич хвейиди я*. «Курбана никто не растил, он сам себя растил». *Жува жуван тариф ийимир, ви тариф масада авурай*. «Сам себя не хвали, пусть тебя другой похвалит». *Абуру чпин къайгъу авурай*. «Они пусть позаботятся о себе». *Яшлу итимри ихтилатар ийизвай, жегъилри чпин клвалах давамарзавай*. «Пожилые люди беседовали, молодые продолжали работать». *Са тИмил вахтар идалай вилик лацу жибедин кланик къаткай дар чухуррин арайрай авахъзавай кламар, ву-у-у къачуна, пехъи кулакрин жибедин цIверекIар руг хъиз цава къекъуьрай, чан алай махлукъдикай хабар-тер амачир, чпин къилел гъамиша чулав цифери лепе гузвай дагълар ачух хъанвай*. «Ущелья, что еще недавно лежали под белым снегом, горы, которые со звуками ву-у-у заставляли хлопья снега лютых морозов как пыль двигаться в воздухе, не помнили ни о чем живом, над своими вершинами которых всегда плыли черные облака, прояснились». *Чими уьлквейрай хтайла, къушари чпиз цIийи мукар ийидай чкаяр жагъурда*. «По возвращении с теплых краев, птицы ищут места для своих новых гнезд». *Гьикъван жув туьнт хъайитIа, гъакъван жуваз пис я*. «Чем больше буду резок, тем хуже для себя же».

Нередко возвратные местоимения *жув*, *вич*, *чеб* употребляются также для усиления и в этой своей функции они более соответствуют словам «сам, сами» [2, с. 152]. Например: *Чинебан сирер чарабуруз сифтедай гъар сада вичи ахъайзавайди я*. «Сокровенные тайны сначала каждый сам раскрывает». *Собранидиз космонавтар че батана акъатна*. «На собрание космонавты неожиданно сами пришли». *Хъин клвалахар Асалиди вичи туькIуьрда*. «Дела сына Асали сам уладит».

Вопросительные и относительные местоимения. Согласно специальной литературе в лезгинском языке четыре вопросительных местоимения: *вуж?* «кто?», *вуч?* «что?», *гъи?* «который?», *шумуд?* «сколько?» [4, с. 46]. Такие вопросительные слова, как *гъи?* «который?», *гъикъван?* «сколько?», *гъихътин* «какой?», *шумуд?* «сколько?», *шумуд-шумуд?* «по сколько?», *шумудра?* «сколько раз?» в эту группу не включают [5, с. 121].

Вопросительные местоимения *вуж* «кто», *вуч* «что» обозначают соответственно вопрос о человеке, личности и предмете. Вопрос *вуж* «кто» ставится по отношению к человеку, а вопрос *вуч* «что?» – по отношению и к одушевленным, и неодушевленным предметам, кроме человека. Примеры: *Эй, Сулейман, на и ванер низ хъуй лугъуз гъалчда къванер?*. «Эй, Сулейман, ты эти голоса и камни на кого бросаешь?» *Ни хъивегърай адал яргъан алаатай?*. «Кто поправит на нем сползшее одеяло?» *АкI хуш рахаз ни чирна ваз?* «Кто научил тебя так приятно разговаривать». *Низ гъахъ авайди тир барабар? Нин рикIел алайди тир папар?* «У кого права были равные, кто думал о жейтебе?» – *Вуна ина вуч ийизва? Вун мус хтана? Гъинай хтанва?* – *галаз-галаз жузуна бегъем гъавурда авачир Айнади*. «Ты что делаешь? Ты когда вернулся? Откуда вернулся? – несколько раз спросила Айна, которая ничего не была осведомлена». – *Я Аслан, ам вуж я ви патав гвайди, газетра вуч хабарар аватIа клела кван, – лагъана Мисриди*. «Аслан, кто около тебя, почитай-ка, что нового в газетах».

Нередко вопросительное местоимение *вуч* «что» употребляется в качестве вопросительного слова и для формирования вопроса вместе с интонацией в вопросительном предложении. Например: *ЦIи чи чкайриз чубарукар вуч фад хтана?* «Как рано прилетели ласточки в этом году в наши места?» *Абурун суд вуч яргъал фена?* «Как

долго затянулся их судебный процесс?» *Чи кьунши Эмиралидикай гила вуч хьанва?* «Наш сосед Эмиралди кем теперь стал?» *Куь хзанар вуч гьал я?* «Как там вапша семья?» *А чуру квайди вуч кас я?* «Что это за бородач?» *Абур вуч гафар я вуна лугьузвайбур?* «Что за (какие) слова ты говоришь?» *Ви стха вуч туьнт инсан тушни?* «Твой брат какой вспыльчивый человек?» *Ам вуч пул я вав гвайди?* «Что за деньги у тебя?» и т. д.

Следует отметить, что слово *вуч* «что» употребляется и в качестве возгласа при несогласии со словами собеседника, их неожиданности или же когда слушающий просто не уловил их смысл и содержание. Например: *Заз ван хьана, Керимхан алакунар авай устIар я лугьуз.* – *Вуч, на вуч лагьанай?* Жеч. «Я слышал, что Керимхан – талантливый мастер. – Что, что ты сказал? Не может быть».

В лезгинском языке, как и в других родственных языках дагестанской группы, вопросительные местоимения употребляются в качестве так называемых относительных местоимений для выражения связи между частями сложноподчиненного предложения: *Халуди заз вуч ая лагьайтIа, за гьам ийида.* «Дядя мне что скажет, то я буду делать». *Вуч цайитIа, гьам экьечIа.* «Что посеешь, то и пожнешь». *Вичивай вуч жедатIа, гьам авурай.* «Что сможет, то пусть и делает». *Вуна шумуд кьачуртIа, вавайни гьакьван кьачуда.* «Сколько ты возьмешь, столько и с тебя возьмут». *Жуванив вуганатIа, гьадавай тIалаб хьия.* «Кому сам дал, с того и потребуй». *Накь гьихьтин вечер хьанатIа, ваз акунач, ахьтин шад межлис мукьвара хьанвачир.* «Ты не увидел, какой вечер получился вчера, такого веселого мероприятия в последнее время не было». *Кьел гьи касди неда, гьада яд хьвади, сирке туьнт хьай кьапуниз зарар жеди.* «Кто соль покушает, тот воду пьет, еда страдает, если добавлять много уксуса». *Ни кIвалахдач, гьада недач.* «Кто не работает, тот не ест». *Вуна гьинал кIвач эцигайтIа, за гьанал кьил эцигда, диде.* «Куда ты ноги положишь, туда я голову положу, мама».

*Гьар гьи касди чIугвад жафа,
Гьа гьадаз дад гуда ф(y)а.*

«Кто будет много трудиться,
Тот почувствует вкус хлеба».

Отрицательные местоимения. В корпус отрицательных местоимений входят слова *касни* «никто», *затIни* «ничто», *садни* «ни один, никто».

«К отрицательным местоимениям в лезгинском языке относятся формы с усилительной частицей *-ни* (*сад-ни, кас-ни* «никто», *затI-ни* «ничто») [4, с. 46].

Примеры: *Гьич са касни бахтикьара тахьуй, гьей!* «Пусть никто не будет несчастлив, ей!» *Гатфари чIурац цуькверив безетмишна, Садуллагь вичин куьнуьяр гваз багьлариз куьч хьанва, адан патав мад касни гвач.* «Весна украсила поляны цветами. Садуллах со своими ульями поселился в саду, около него больше никого нет». *Кефер патан вилик гила са затIни туш женнетни: базар чпин, багьни чпин – пуд манат я кьиметни.* «На северной стороне теперь и рай ничто: свой базар, сад тоже свой – и цена – три рубля». *Адан чIуру ниятрикай гьич садазни хабар авачир.* «О его плохих намерениях никто не знал». *Ягьа, уьтквем, гужлу гьилер; садни, са касни, бейкар кIарасни чи жемиятдин кьене тамукьрай ийгьи.* «Бейте, смелые, могучие руки; пусть в нашем народе ни один, никто не останется чужой». *Са бетондиз элкъурна чан, хьана вири тек са хзан, кIир тийидай садазни чан.* «Обратив тело в бетон, все стали как единая семья, которая никому не подсинится». *Зи мидадда касни акьадач, зун мягьтел, серсер я, Зуьгьре.* «Никто не поймет меня, я удивлен, расстроган, Зухра». *Такунмаз, садни чIалахь жедач, вилелди.* «Пока глазами не увидит, никто не поверит». *Зегьмет галачир илим, азиз дустар, затIни туш.* «Наука без труда, дорогие друзья, – ничто». *Чун хтайла, ана касни амачир.* «Когда мы приехали, никого там не было». *Кьведра кьавалай аватна, адаз са затIни хьанач.* «Хотя он дважды упал с крыши, с ним ничего не случилось». *Кьадираз чидай затIни авайди туш «Ничего Кадыр не знает».* *Абур садни заз чидай ксар туш.* «Из них я никого не знаю (Никто из них мне не знаком). *Алидивай хьтин кьуьл мад гьич садавайни жедач.* «Так танцевать, как Али, больше никто не сможет. *Жуваз такунмаз садан чIалахьни жемир* «Пока не увидишь, никому не верь».

Указательные местоимения. Указательные местоимения: *и* «этот», *а* «тот (близкий)», *гьа* «тот, о котором шла речь», *агьа* «нижний», *вини* «верхний», *атIа* «тот, который находится в стороне».

«Разряд указательных местоимений составляют слова *и, гьа, агьа, атIа, вини*, которые имеют общее значение «этот» или «тот» [2, с. 156].

По мнению М. Е. Алексеева и Э. М. Шейхова в лезгинском языке функционируют следующие пять указательных местоимений: *и* «этот», *а* «тот (близкий)», *атIа* «тот (дальний)», *гъа* «тот (упомянутый раньше)», *агъа* «тот (нижний)», *вини* «тот (верхний)» [4, с. 46].

Примеры: *Агъмедован мискъивал адаз чизвай, амма и чкадал къведа лагъана, ада фикир авуунвачир.* «О скупости Ахмедова он знал, но что дело до этого дойдет, он не подумал». *Килиг садра атIа женжел набататдиз!* «Посмотри на то шаловливое растение». *Агъа хуьре фу чрайла, вини хуьруьз ни агакъдай.* «Когда в нижнем селении пекли хлеб, запах достигал до верхнего села». *А патал алай инсан вичин фикиррин пай чунъухна рахадайла, чун а касдихъ бегъем инанмиши жедач, чна а касдиз ихтибар ийидач. Инсанрик квай и усал хесетди кIвалера, хуьрера дуствал къакъудзава, ада чун сад-садал гъалдарзава.* «Когда рядом человек говорил, скрывая часть своих мыслей, мы такому человеку не совсем верим, мы такому человеку не будем доверять». *Ахътинбурун гуьгъуьна твамир на ви гада, хуьруьнви.* «Не позволяй своему сыну следовать за такими, земляк». *Виликдай чи дагълара гатуз акъван лапагар жедай хъи, дагълар чинар лацу хъана аквадай.* «Раньше в наших горах летом бывало столько овец, горные склоны казались белыми».

Приведем примеры на употребление указательных местоимений и «этот», *гъа* «тот», *атIа* «тот», *агъа* «нижний»: *Сабир буба гъа и юкъузни, Лукъман станциядилаи вуч хабарар гъаз хкъедатIа лугъуз, гуьзлемишиз ацукъна.* «Дед Сабир и в этот день продолжал ждать, с какими новостями вернется Лукман со станции». *Мад яргъи авуникай вучда къван. Белки вун зи гъавурда акъан. Гъа ваз чидай тракторист Кабач Селимов вуч я? Зун гъада векилвал гана гъа и ви патав ракъурнава.* «Ну зачем еще тянуть, может быть, ты поймешь меня, помнишь твоего знакомого Кабач Селимова, тот послал меня как своего представителя к тебе». *Ингъе и багъдин мукъвал са куь пост жеда. Куь везифа ихътинди я: куьне багъдай пIинияр чунъухзавайди къада.* «Вблизи вот этого сада будет только ваш пост. Ваша обязанность такая: поймать вора, крадущего из сада черешню». *Эгер зун инсан тиртIа, за гъа хазинадалди пачагъвал ийидай.* «Если бы я был челове-

ком, я с тем богатством правил бы как царь». *Чи хуьруьз мукъва атIа дагъда гатуз гъаф гуьзел цуьквер, къайи булахрин ятар жеда.* «В тех горах, что близко к нашему селу, летом бывают очень красивые цветы и холодные родниковые воды». *Им тар я, атIам и таран бегъер.* «Это дерево, то плоды этого дерева». *Вини циферикай ракъини вичин нурлу чин къалурна ва гуьзелдиз хъверна.* «Из-за верхних облаков солнце показало свое сияющее лицо и красиво улыбнулось».

Отдельные указательные местоимения по своим морфологическим признакам стоят ближе к прилагательным, чем к собственно местоимениям или же местоимениям-существительным [2, с. 155]. Это слова *им* «этот», *ам* «тот (близкий)», *гъам* «тот, о котором шла речь», *агъам* «нижний», *вини* «верхний», *атIам* «тот, который находится в стороне», они имеют общее значение «тот».

Определительные местоимения. Определительными местоимениями в лезгинском языке являются слова: *михъиз* «все, полностью», *вири* «все, весь», *гъар* «каждый, всякий», *гъар са* «каждый», *маса* «другой», *муькуь* «другой, иной», *гъейри* «другой, иной», *башкъа* «особый», *бязи* «некоторый».

Например: *Али хъиле, къепIербан хъиз, къугъурзавай. Ада гъар декъикъадилаи пIапIрус чIугъазвай.* «Злоба враждала Али как волчок. Он через каждую минуту курил сигарету». *Къацу векъерал къекъведайла, кIвачериз хабарни жедач. Гъар жуьредин цуьквери вири инсанрин рикIерик шадвал кутада.* «Когда ходишь по зеленой траве, ноги не устают. Разные цветы радуют сердца всех людей». *Гъар са пад пара секин тир. Бязи чкайрилай къакъан хъана хкаж хъанвай дагъдин тепейри ва шим квай чархари, вацран экуьнин вилик пад къуна, дугъен тIулариз серин хъен гузвай. Чи суьруь ацукъна, вирида «жирикъ» ванцелди гирнагъзавай* «Во все стороны было спокойно. С некоторых мест холмы высоко поднимающихся гор и скалы дресвы, заслонив путь лунному свету, давали холодную тень ровным долинам».

Среди определительных местоимений лезгинского языка, как видно из приведенных выше примеров, имеются архаические лексемы, например, *гъейри* «другой, иной», *башкъа* «особый».

В монографии М. Е. Алексеева и Э. М. Шейхова «Лезгинский язык» приводятся только два определительных местоимения: *вири* «все, весь», *гьар* «каждый, всякий» [4, с. 46].

Фразовые примеры: *Элкъурна балкІан кьулухъди гьал хъувуна за, белки рехъ квяхънавай чкадал агакъ хъувуна, муькуь патахъди финиф мумкин жен.* «Я повернул лошадь и поскакал обратно назад, может быть, доберусь до того места, где дорога потерялась, и нужно будет идти в другую сторону». *Зун чуьлдин итим я. Чуьлдин итимдиз гзаф къариб-къариб крар аквада. Заз бязи инсанар лап чуьлдин гъайванрилайни писбур яз жагъана.* «Я человек полей. Мужчина полей видит много печальных дел. Я нашел, что некоторые люди хуже диких животных». *Инсанар пис жезва. За акІ лагъай гаф туш хъи, вири инсанар пис я* «Люди портятся. Я не хочу утверждать, что все люди плохи». *Са йифиз зурба марф къвана, чун михъиз къежена. Хуьр яргъал алай, хъфиз жедачир, я цІай хъийидай кІарасарни жагъурун мумкин тушир. Маса чара авачир, чун тарак акъвазна.* «В одну ночь пошел сильный дождь, мы полностью промокли. Село было далеко, вернуться туда не удастся, и невозможно было найти дрова для костра. Другого выхода не было, мы расположились под деревом». *Ватандин Чехи дяве баишлайишайла, Валентин Эмиров Орджоникидзе шегъерда авиациядин кьилдин эскадрилиядин командир тир. Ана ада вич хътин къегъал летчикриз чирвилер гузвай. Вири абур, дяведин сифте йикъарилай баишлайишна, женгерин иштиракчияр хъана.* «Когда началась Великая Отечественная война, Валентин Эмиров был командиром отдельной эскадрильи в городе Орджоникидзе. Там он обучал таких же отважных летчиков, как сам. Начиная с первых дней войны, все они стали участниками боев».

Неопределенные местоимения. В состав неопределенных местоимений включаются слова: *бязи* «некоторый, некий», *са вуж ятІани* «кто-то», *са вуч ятІани* «что-то», *са* «один, некто, некий», *шумудни сад/шумудни са* «несколько», *гьар са* «каждый, всякий», *са къадар* «несколько», *са гъина ятІани* «где-то», *са гыхътин ятІани* «какой-то», *флан* «какой-то, некий». Как видно из приведенных слов, некоторые неопределенные местоимения имеют аналитические формы, например:

Бязи ксар, кесиб акваз, шад жеда. Бязибурун рикІ, къене шез, над жеда. Бязи ксар кІвачин кыилел кьурада, уьмуьр гъатна япарив къван къарада. «Некоторые, увидев бедного, радуются. У некоторых сердце, плача внутри, разрывается. Некоторые сохнут на ногах, застряв до ушей в грязи». *Багъларин юкъва авай хуьруьн секинвал ара-бир са гъина ятІани элукъзавай кицІери чІурзавай.* «Покой в саду нарушали собаки, которые где-то лаяли».

Согласно некоторым источникам [4, с. 46], в лезгинском языке «к неопределенным местоимениям относятся лексемы *маса* «другой, иной», *муькуь* «другой», *флан* «такой-то, некий», *са* «один, некто, некий», *бязи* «некоторый, некий». Напомним, что по другим классификациям слова *маса* «другой, иной», *муькуь* «другой», *бязи* «некоторый, некий» причисляются к определительным местоимениям.

Приведем фразовые примеры: *Бязибурун уьмуьрдикай халкъ патал дерейрилай фидай гьаркъуь муьгъ жеда.* «Чья-то (некоторых людей) жизнь становится для народа соединяющим долины мостом». *Бязибуруз я вун гъамни хажалат, бязибуруз я вун девран, дунья гъей!* «Для некоторых ты являешься горем и скорбью, для других ты обеспеченная жизнь, о мир!» *Шумудни са нагъма кІелда ви назди, гьар са тегъер рахаз гьар са авазди.* «Много (несколько песен поет твое кокетство, каждая мелодия (напев) говорит по-разному». *Са ни ятІани ам (Шахмарданов) къуьн кьуна юзурзавай.* «Кто-то его (Шахмарданова) тряс, держа за плечо». *Са вуж ятІани, са гыхътинди ятІани вилик акъатна.* «Кто-то, какой-то опередил (впереди оказался)». *Атанвай са шумудакай са ни ятІани са квекай ятІани ихтилатнай.* «Кто-то из нескольких пришедших о чем-то рассказал». *Машиндин къавал са вуч ятІани аватна* «На крышу машины что-то упало». *Накъ Къурбана чаз са вуч ятІани лагъанай, адаз вуч хабар къаз кІанзавайди тир, зун гъавурда гъатнач.* «Вчера Курбан что-то говорил, я не понял, о чем он хотел спросить». *Гьар са кас вичин къисметдин иеси я, гьардан уьмуьр адалай вичелай аслу я.* «Каждый человек творец своей судьбы, жизнь каждого зависит от него самого».

По мнению Р. И. Гаайдарова, к неопределенным местоимениям не относятся такие устойчивые образования, как *са вуж*

ятлани «кто-то», *са вуч ятлани* «что-то», *иумудни сад* «многие», *са гыхьтин ятлани* «какой-то», *са бязи* «некоторые, иные» [2, с. 149].

Для местоимений характерно изменение по числам:

и «этот» > *и-бур*

а «тот» > *а-бур*

вири «все, весь» > *вири-бур*

маса «другой» > *масабур*.

Отдельные местоимения число выражают лексически: *зун* «я» > *чун* «мы», *вун* «ты» > *куьн* «вы» и др.

Для местоимений, подобно именам существительным, прилагательным и числительным, характерно склонение, однако в их склонении есть особенности, отличающие их от других слов.

Заключение

В лезгинском языке местоимения по семантике группируются в следующие разряды: 1) личные: *зун* «я», *вун* «ты», *ам* «он», *чун* «мы», *куьн* «вы», *абур* «они»; 2) возвратные: *жув* «я сам», «ты сам», *вич* «он сам», *чеб* «они сами»; 3) вопросительные: *вуж* «кто», *вуч* «что»; 4) отрицательные: *касни* «никто» *зат1ни* «ничто», *садни* «ни один, никто»; 5) указательные: *и* «этот», *гьа* «тот, о котором шла речь», *агьа* «нижний», *вини* «верхний», *ат1а* «тот, который находится в стороне».

В лезгинском языке для подавляющего большинства местоимений, подобно другим именам, характерно изменение по числам и склонение, однако в их склонении есть особенности, отличающие их от других лексем.

Список литературы

1. Гайдаров Р. И. Морфология лезгинского языка: учебное пособие. Махачкала: Дагучпедгиз, 1987. 159 с.
2. Гайдаров Р.И., Гюльмагомедов А. Г., Мейланова У. А., Талибов Б. Б. Современный лезгинский язык. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2009. 482 с.
3. Мейланова У. А. Гюнейский диалект – основа лезгинского литературного языка. Махачкала, 1970. 192 с.
4. Алексеев М. Е., Шейхов Э. М. Лезгинский язык. М.: Академия, 1997. 136 с.
5. Гайдаров Р. И., Магомедов Г. И., Эседулаева Н. Б. Лезгинский язык: учебник для педучилищ. Махачкала: Дагучпедгиз, 1994. 254 с.

References

1. Gaydarov RI. Morphology of the Lezgin language: textbook. Makhachkala: Daguchpedgiz, 1987:159. (In Russ)
2. Gaydarov RI, Gyulmagomedov AG, Meylanova UA, Talibov BB. Modern Lezgin language. Makhachkala: IYALI DSC RAS, 2009:482. (In Russ)
3. Meylanova UA. The Gyunei dialect is the basis of the Lezgin literary language. Makhachkala, 1970:192. (In Russ)
4. Alekseev ME, Sheikhov EM. Lezgin language. Moscow: Academy, 1997:136. (In Russ)
5. Gaydarov RI, Magomedov GI, Esedullaeva NB. Lezgin language: textbook for pedagogical schools. Makhachkala: Daguchpedgiz, 1994:254. (In Russ)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Принадлежность к организации

Бабаев Владимир Абдурахманович, кандидат филологических наук, доцент кафедры дагестанских языков, Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова, Махачкала, Россия, nauka_dgpu@mail.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 28.08.2024

Одобрена после рецензирования 01.11.2024

Принята к публикации 05.11.2024

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Affiliation

Vladimir A. Babaev, Ph.D. (Philology), Associate Professor, Department of Dagestan Languages, Gamzatov Dagestan State Pedagogical University, Makhachkala, Russia, nauka_dgpu@mail.ru

Conflict of interest

The author declares no conflicts of interests.

The article was submitted 28.08.2024

Approved after reviewing 01.11.2024

Accepted for publication 05.11.2024

Языкознание / Linguistics

Оригинальная статья / Original Article

УДК 811.35

DOI: 10.31161/1995-0667-2024-18-4-58-64

EDN: NKBPVL

Анализ стилистических и структурно-семантических особенностей фразеологических единиц в произведениях Хабиба Алиева

© 2024 Габибуллаева П. М. ✉

Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова
Махачкала, Россия, 79patimat79@mail.ru ✉

РЕЗЮМЕ. Целью данной статьи является выявление стилистических и структурно-семантических особенностей функционирования фразеологизмов в авторских текстах Хабиба Алиева. **Методы.** Из многочисленных лингвистических методов исследования в работе использовались методы сплошной выборки и элементы метода структурно-семантического анализа. **Результаты.** Рассмотрены фразеологические единицы (ФЕ), встречающиеся в произведениях Хабиба Алиева. Данные ФЕ распределены на именные ФЕ и глагольные ФЕ. **Вывод.** В работе делается вывод о том, что в прозе писателя преобладают фразеологизмы, являющиеся родными для даргинского народа. Активным компонентом данных ФЕ являются соматонимы. Наиболее часто писателем привлекаются глагольные ФЕ, так как они отличаются от именных по своему семантическому и структурному разнообразию. Такие выражения позволяют определить особенности языка и стиля повестей и романов писателя, выявить, как он обращается к общенародному даргинскому языку, как эти средства придают эмоциональность, экспрессивность и образность художественной речи.

Ключевые слова: фразеологические единицы, авторское повествование, язык художественных произведений, именные фразеологизмы, глагольные фразеологизмы, структура и семантика фразеологизмов.

Формат цитирования: Габибуллаева П. М. Анализ стилистических и структурно-семантических особенностей фразеологических единиц в произведениях Хабиба Алиева // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2024. Т. 18. № 4. С. 58-64. DOI: 10.31161/1995-0667-2024-18-4-58-64. EDN: NKBPVL

Analysis of Stylistic and Structural-Semantic Features of Phraseological Units in Khabib Aliyev's Writings

© 2024 Patimat M. Gabibullayeva ✉

Gamzatov Dagestan State Pedagogical University
Makhachkala, Russia, 79patimat79@mail.ru ✉

ABSTRACT. The aim of the paper is to identify the stylistic and structural-semantic features of the phraseological units functioning in the author's texts of Khabib Aliyev. **Methods.** Of the numerous linguistic research methods, the work used the methods of continuous sampling and elements of the structural-semantic analysis. **Results.** The paper examines the phraseological units found in the works of Khabib Aliyev. These phraseological units are divided into nominal phraseological units and verbal phraseological units. **Conclusion.** The paper concludes that phraseological units native to the Dargin people predominate in the writer's prose. The active component of these phraseological units are somatonyms. The writer most often uses verbal phraseological units, since they differ from nominal ones in their semantic and structural diversity. Such expressions make it possible to determine the features the language and style of the writer's stories and novels, to identify how he refers to the national Dargin language, how these means add emotionality, expressiveness and imagery to artistic speech.

Keywords: phraseological units, author's narration, language of art works, nominal phraseological units, verbal phraseological units, structure and semantics of phraseological units.

For citation: Gabibullayeva PM. Analysis of Stylistic and Structural-Semantic Features of Phraseological Units in Khabib Aliyev's Writings. *Dagestan State Pedagogical University Journal. Social and Humanitarian Sciences*. 2024;18(4):58-64. (In Russ). DOI: 10.31161/1995-0667-2024-18-4-58-64. EDN: NKBPVL

Введение

Язык художественных произведений даргинского писателя Хабиба Алиева еще мало изучен. По его творчеству на сегодняшний день имеются только работы литературоведческого характера. Специальных лингвистических работ, анализирующих языковое своеобразие данного писателя, в даргинском языке на сегодняшний день нет.

Выпешказанным обуславливается актуальность данного исследования, так как проблемы современной фразеологической стилистики даргинского языка в целом не изучены.

ФЕ состоят из сочетания двух или более слов. Они состоят из различных частей речи. Грамматические средства в их формальной структуре играют ключевую роль. В ряде исследовательских работ ФЕ классифицируются в грамматическом плане. На основании этого мы решили провести анализ стилистических и семантических особенностей ФЕ в произведениях Хабиба Алиева по частям речи. Следовательно, фразеологические обороты легко классифицируются по частям речи.

В ФЕ находят свое отражение все лексические особенности отдельного слова. Все фразеологические единицы, независимо от количества составляющих, воспринимаются как отдельные лексические единицы. Это обусловлено тем, что фразеологические единицы выражают одно понятие и по своему лексико-семантическому значению относятся к той или иной части речи. Как утверждает Н. А. Кирсанова, «фразеологические единицы в отличие от нейтральных номинативных слов, служат более мощной, более выпуклой передаче различных процессов чувства» [1]. Поэтому в лингвистической литературе ФЕ «квалифицируются как яркое стилистическое средство, которое придает речи экспрессивность, разнообразие и убедительность» [1].

Безусловно, существуют определенные различия между словом и фразеологической единицей. Одно из таких различий

заключается в том, что фразеологическим единицам характерны образность и эмоциональность.

Материал и методы исследования

В работе использован материал, извлеченный из таких художественных произведений Хабиба Алиева, как роман «Червоточина» [2], повести «Стонущие тени», «Пора листопада», «Ургубада» [3].

В работе использовался метод сплошной выборки, метод компонентного анализа и описательный метод. Данные методы целесообразны при работе с такими объемными текстами, как текст художественного произведения.

Результаты и их обсуждение

Фразеологические единицы, встречающиеся в произведениях Хабиба Алиева, мы распределили таким образом: 1) именные ФЕ; 2) глагольные ФЕ.

1. *Именные ФЕ.* Значительная часть именных фразеологических единиц, встречающихся в языке произведений Хабиба Алиева, известна в даргинском языке с давних времен, употребляется в живой разговорной речи даргинцев; отдельная, небольшая часть представляет собой новую языковую единицу. Она связана с индивидуальным стилем писателя, с тематикой повестей и романов Хабиба Алиева, с миропониманием образов и их психологией. Приведем модели именных фразеологических единиц:

Имя существительное + имя существительное с аффиксом –ван/-цад/-гъуна: *лутIира чебхьлараван* «разные» (букв. «как крышка и дно»), *мучилизи чякниван* «много» (букв. «словно птички на просо»), *къаркъара къазанраван* «очень крепкий, здоровый» (букв. «как камень и чугунок»), *цIала ламигъуна* «очень красивая» (букв. «как огненный язык») и т. д.

Имя прилагательное + имя существительное: *цIудара бугътантIи* «сплетни, клевета» (черная клевета), *цIудара къунби* «клевета» (букв. «черная ложь»), *бяргIибси анкъи* «сиротливо пустой дом» (букв. «остывший очаг»), *марайси хъали* «одио-

кий опустевший дом» (букв. «печальный дом»), *гIяxIci дев* «красное словцо» и т. д.

Имя прилаг. + имя сущ. с аффиксом – ван/-цад/-гъуна: *цункъа цураван* «одинокый» (букв. «как одинокий кабан»).

Имя существительное + имя существительное: *бурбалала тIелицадалра* «мало» (букв. «с кончика иголки»), *xIули липIла манзиллис* «стремительно, очень быстро» (букв. «пока глаз моргнет») и т. д.

Имя числительное + имя существительное: *верхIел балагъ* «все беды» (букв. семь бед), *xIябал гъуни* «три варианта, выхода» (букв. «три пути»).

Значительная часть из приведенных фразеологизмов взята из романа «Червоточина» [2]. В этом романе писатель показывает недостатки общественной жизни. Поведение главного героя достойно гордости и преклонения. Но то, что происходит в наше время, вызывает полнейшее неприятие, потому что заправлять делами в ней стали «иные», у которых облик ягненка, а хватка – волчья.

Сочетания *цIудара бугътантIи* «сплетни, клевета» (черная клевета), *цIудара къунби* «клевета» (букв. «черная ложь») созданы писателем в связи с создавшейся ситуацией в обществе. Подобные выражения характеризуются не только образностью, но тем, что они лаконично обобщают состояние общества.

Помимо этого, в языке произведений писателя встречаются и такие стилистические и поэтические фразеологические единицы, как *бежать как от прокаженного*, *как ласковый теленок к матери*, *мир еще целенький*, *как свежий сыр*, *веселье старых глаз*, *сердце наливалось радостью*, *как кувшин с родниковой водой*, *с головой, вытянутой как баклажан*, *заботливо как ребенка*, *старый затейник*, *рухънала къумкъумъала* «воркотня старухи», *гIямрула ризкъи* «зерно жизни, хлеб насущный», *лутIира чебхIлараван* «разные» (букв. «как крышка и дно»). Компоненты приведенных фразеологических единиц семантически далеки друг от друга и на первый взгляд они не могут сочетаться. Хабиб Алиев употребил их вместе, придавая отдельным компонентам дополнительный метафорический оттенок значения, и с помощью таких оригинальных сочетаний выразил свое отношение к отдельным персонажам в повестях и романах. Приведем фразовые примеры: «*Ургубада раскрыл ворота, выкатил из них арбу, потом взва-*

лил на плечи соху, заботливо как ребенка, уложил ее на дно арбы, тщательно проверил каждую мелочь. Быки спокойно жевали жвачку, в их лиловых выпуклых глазах – ни дать, ни взять, автомобильные фары – смешно отразилась фигура Ургубады с головой, вытянутой как баклажан» [3].

Хабиб Алиев уделяет большое внимание употреблению таких ФЕ, которые состоят из сочетания имен существительных и прилагательных. Из общенародной живой устной речи он заимствовал следующие фразеологизмы: *цункъа цураван* «одинокый», *цIала ламигъуна* «очень красивая», *мучилизи чякниван* «много», *къаркъара къазанраван* «очень крепкий, здоровый», *верхIел балагъ* «все беды», *берхIибси гъай* «гнилое слово», *берхIибси уркIи* «гнилая душа», *вайси xIули* «плохой глаз» и т. д.

Большой интерес представляют по своим стилистическим особенностям и такие фразеологические сочетания, как *стон тени*, *тень суровых и страшных лет*, *словно куст осенней полыни*, *всем на зависть*.

Фразовые примеры: «*Кариаба называет стоном тени свое горе. Вечные страдания и горе матери, потерявшей сыновей. А тень стона? Аслимат умолкла, размышляя, как бы понятнее объяснить сыновьям. А потом легким движением руки стянула со своей головы косынку, открыв посеребренные, словно покрытые инеем косы. Вот эта седина, которой не было в моих косах три года назад, и является тенью стонов. И вот это, – мать приложила ладонь ко лбу и разгладила слегка волнистые три небольшие морицинки на нем, – тоже следы стонов..., тени стонов. Все сделаю, чтобы хоть дети не знали стонущих теней»* [2]. *Вон какой пышный хлеб пекут даргинки – всем на зависть* [3].

Подобные единицы с точки зрения их стилистического статуса, экспрессивности, эмоциональности и образности вызывают особый интерес. «Фразеология как часть ментальности является одним из ярчайших примеров широкого ареала картины мира» [4]. Они связаны с индивидуальным стилем Хабиба Алиева, с его творческой манерой. Они обогащают язык его произведений.

«Для выработки оптимального мета-языка описания фразеологизмов важно учесть семантические характеристики различных видов ФЕ» [5].

Такие выражения позволяют определить особенности языка и стиля повестей и романов писателя, выявить, как он обращается к общенародному даргинскому языку, как эти средства придают эмоциональность, экспрессивность и образность художественной речи. В то же время они относятся к тем лексическим единицам, с помощью которых писатель дает характеристику конкретного исторического периода времени. Эти сочетания определяют мировоззрение отдельных слоев общества.

2. *Глагольные ФЕ.* Глагольные ФЕ в языке произведений Хабиба Алиева выгодно отличаются от именных по своему семантическому разнообразию. Ведь в глагольных ФЕ ведущая роль принадлежит глаголу, поэтому полисемия глагола, его лексическое разнообразие и грамматическое богатство создают соответствующие объективные условия для образования разнообразных типов глагольных ФЕ. Общеизвестно, что глагол относится к наиболее богатым частям речи. Среди глаголов даргинского языка мало заимствованных слов. Посредством глаголов в даргинском языке образуются множество устойчивых глагольных ФЕ и других устойчивых единиц, в которых глагольный компонент выполняет формально грамматическую функцию, а лексико-семантический центр находится в именной части.

А. М. Абдулкадырова отмечает, что «статистика соотношения собранных нами глагольных компаративных ФЕ показывает, что глагольные ФЕ количественно превосходят адъективные, что является следствием высокой речевой употребительности» [6].

Мы обратили внимание, что среди ФЕ, использованных писателем в своих произведениях, наблюдается преобладание глаголов с нейтральным значением. Во фразеологизмах с глаголами отрицательной и положительной оценкой второй компонент лишь усиливает значение. И. И. Чернышева подчеркивает, что «в образовании ФЕ огромную роль играет человеческий фактор, и подавляющее большинство ФЕ связано с человеком, с разнообразными сферами его деятельности. Здесь чаще встречается наделение человеческими свойствами предметов и явлений неживой природы и мифологических существ» [7].

Словарный состав даргинского языка богат устойчивыми сочетаниями, которые

созданы народом в соответствии с его мироощущением, психологией, отношением к жизни и окружающей природе, обычаями и традициями, а также жизненным укладом. Все эти аспекты находят свое зеркальное отражение в глагольных ФЕ. Большая часть глагольных ФЕ, созданных в глубокой древности, переходили от поколения к поколению и так дошли до наших дней.

Глагольные ФЕ в произведениях Хабиба Алиева взяты из общенародного даргинского языка, они тесно связаны с творческой манерой писателя, с идейно-тематическим направлением его произведений. Такие фразеологические единицы придают повестям и романам писателя эмоционально-экспрессивную окраску и приобретают дополнительные лексико-семантические оттенки и стилистическую окраску.

В составе ФЕ даргинского языка не все глаголы одинаково продуктивны. Наибольшее разнообразие показывают те ФЕ, в составе которых имеются имя и глагол. Приведем примеры: *аллай-баллайван пиияхъилри* «довольный, радостный» (букв. «светился словно подсолнух»); *к1урк1урван вемдурли* «обиженно» (букв. «как индюк надутый»); *тлакья бигъи ва шахъес* «выгнать» (букв. «пустить, привязав пустую коробку»); *т1улби ахъдуцили* «единогласно» (букв. «подняв пальцы»); *ц1аличиб къазан руркъес* «начинать» (букв. «ставить кастрюлю на огонь»); *ч1умара кайубси* «крепкий, здоровый» (букв. «окрепший»); *урк1ила бут1а къяббарибси* «что-то неприятное» (букв. «оторвавший кусочек сердца»); *сагали кабахъибси г1улудван* «верно, точно» (букв. «словно новый кол»); *мучиличи къаршикадиубти чякниван* «много» (букв. «словно на просо налетевшие птицы»); *дец1личи г1янд ч1умакабирили* «задушив в себе боль» (букв. «завязав горе узлом»); *хъибхъяли бяхъибсиван* «измученный» (букв. «словно градом побитый»); *х1улбани вергес* «не отрывая глаз» (букв. «съесть глазами»); *лезмуни хъарсдирули* «языками чешут»; *бурли къяйда* «как говорится» (букв. «как принято говорить») и т. д.

В произведениях Хабиба Алиева нами зафиксировано более 100 глагольных ФЕ. Фразовые примеры: *Хъярли гьалар-гьаларти къяч1аргала дурадушибх1ели, Хангишини пяхъ имцабарибну, мучиличи къаршикадиубти чякниван галгала уц1ли*

тлашагарли урцесдяхлиб. «Когда груша стала издавать скрежет, Хангиши ускорил удары топором, и тогда стали из ствола вылетать щепки, словно на просо налетевшие птицы» [2]. *Раньше бывало уснет старик, как воды в рот набрал – дыхания не слышно. Такая ночь незадачливая вышла: спала, словно курица на насесте и поднялась с петухами. Ты и мертвого поднимешь! Дала тебе эта кошка, столько лет ты ее воспитываешь! Выгнать пора давно или в ручье утопить!* [3].

Выступают в составе глагольных ФЕ и вспомогательные или модальные глаголы: *биэс, барес, сай, саби, сари, ахлен, леб*. Приведем примеры: *бек1 лебли биалли* «если с головой дружит»; *къярдаван тлашили сай* «стоит словно кол»; *ахара виэс* «впасть в детство» (букв. «стать забывчивым»); *ахир баргес* «выяснить, что к чему» (букв. «найти конец»); *ахир вайси биэс* «опозориться» (букв. «кончить плохо»).

Приведенные примеры показывают, что в значительной части глагольных фразеологизмов первыми компонентами являются имена существительные. Ряд глаголов даргинского языка сочетается с именем так, что их дистантное употребление почти невозможно. Это те фразеологизмы, именной компонент которых – слова-соматонимы. В таких ФЕ глагол употребляется в непосредственном контакте с именным компонентом, при этом последний никаких грамматических аффиксов не принимает. Как отмечает Н. А. Кирсанова «прилагательное в составе фразеологических выражений теряет не только значение цвета, но и все признаки свои, присутствие имени прилагательному» [1].

Большинству фразеологических единиц характерна метафоричность. «Метафорические глагольные композиты по своему неповторимы, индивидуальны, порою на другие языки непередаваемы, так как чаще всего безэквивалентны и несопоставимы с иноязычными лексическими понятиями» [4].

Как писал Б. А. Серебренников, «одной из главных причин образования полисемии является метафоризация и при сохранении внешней звуковой формы слово становится полисемантическим» [8].

Другой характерной чертой глагольных ФЕ является то, что невозможна замена их компонентов каким-либо другим словом. «Члены глагольного словосочетания качественно отличаются друг от друга тем, что одни из них являются обязательными для

существования конструкции, а другие выступают их распространителями. Сочетание обязательных компонентов образует базовую структуру словосочетания. Глагольный компонент, который обуславливает наличие в составе конструкций тех или других членов, оказывается стержневым компонентом и является структурообразующим центром любых глагольных словосочетаний и фразеологических единиц» [4].

Глагольные ФЕ в произведениях Хабиба Алиева, в зависимости от принадлежности первого компонента к той или иной части речи могут быть распределены следующим образом:

а) Глагольные ФЕ, которые состоят из сочетания существительного с глаголом. В таких ФЕ именной компонент чаще всего выражен словом-соматонимом, может употребляться в различных падежных формах: *урк1ула буца* «не забудь; заруби себе на носу» (букв. «держи в сердце»); *бек1 агара* «ума не хватает» (букв. «голова нет»); *бек1 ахъх1ебуцахъиб* «не дали возможности жить как хотел» (букв. «не дали поднять голову»); *бек1 баргудули* «о сильной головной боли»/«о больших проблемах» (букв. «голова лопается»); *бек1 бячес* «разбиться насмерть» (букв. «сломать голову»); *бек1 бемдур* «утратить способность что-либо соображать» (букв. «голова опухла»); *бек1 къух1буциб* «голову повесил, опечалился» (букв. «голову опустил»); *някъби дигъес* «лишать возможности действовать, поступать свободно, независимо» (букв. «руки связать»); *някъби дяхъес* «связаться с недостойным» (букв. «марать руки»); *сурс бурицу* «заставят что-либо сделать» (букв. «за горло схватят»); *тлул къячх1эс* «не притронуться» (букв. «пальцем не трогать»); *уркли бярг1ули* «охладиться, разонравиться» (букв. «сердцем охладев»); *уркли бурес* «отвести душу» (букв. «рассказать душу»); *уркли кабилзес* «очень нравится» (букв. «по душе»).

Фразовые примеры: *Гъала-гъала Сайдини илала сурс бурицу или гъанбекиб.* «Сначала думал, что Сайди возьмет его за горло». *Пистли уркли бярг1ули, Амануллагъла шайчи хлеррик1есалра дигули ахленри.* «Писти настолько охладела к Аманулаху, что даже не хотела смотреть в его сторону». *Умалатли гумаилар дурибти гъайли илизи бек1 ахъбуцахъес валтули ахленри.*

«Слова Умалат, сказанные на годекане, ему не давали голову поднять» [3].

В произведениях Хабиба Алиева нами зафиксировано множество глагольных ФЕ. В повести «Ургубада» мы насчитали более 100 глагольных ФЕ. Здесь активно встречаются такие именные компоненты, как *бекI* «голова», *уркIи* «сердце, душа», *нIякъби* «руки», *тIул* «палец» и другие. Наиболее активен компонент *уркIи* «сердце, душа».

Наш анализ показал, что в повести «Ургубада» автором использовано более 27 глагольных ФЕ с компонентом *уркIи* «сердце, душа», более 30 ФЕ – с компонентом *бекI* «голова». В остальных повестях и романах писателя примерно такое же количество случаев использования данных компонентов. Мы обратили внимание, что в произведениях Хабиба Алиева компоненты *бекI* «голова» и *уркIи* «сердце/душа» чаще составляют основу глагольных ФЕ, чем именных.

Глагольные фразеологические единицы со стержневым словом *бекI* «голова» в произведениях писателя подчеркивают образность. Выразительность таких устойчивых сочетаний связана с аллегорическими представлениями о голове как физическом вместилище мыслей, идей. Использование таких ФЕ в художественной речи способствует раскрытию темы, наличию или отсутствию умственной способности героя.

Исследователи отмечают, что с компонентом «сердце» в разных языках мира связано большое количество устойчивых выражений. Такие фразеологические сочетания содержат в себе такие мотивы эмоциональной жизни человека, как любовь, радость, печаль, волнение, страх.

А. С. Чикобава утверждает, что «сердце представляется центром мыслительных процессов, источников чувств, определителем темперамента и характера, а также поглотителем органических чувств: одним словом, ему вменяется выполнение функций мозга, сердца, желудка и, частично периферийной нервной системы» [9].

С. М. Хайдаков пишет: «Слово «сердце» восходит к нахско-дагестанскому хронологическому уровню. Подобно древним народам античности, прадагестанцы и пранахцы центром духовной деятельности, интеллекта считали не мозг, а сердце. Поэтому слово «сердце» в этих языках, естественно, является смысловым центром ряда словосочетаний и фразеологических

единиц, выражающих такие важные понятия, как «запомнить», «забыть», «выучить» [10].

Для передачи таких моментов в жизни человека, как рефлекторное реагирование сердца на различные эмоциональные переживания, волнения и служат фразеологизмы со стержневым словом *уркIи* «сердце, душа» в произведениях Хабиба Алиева.

Такие соматонимы, как *хIулби* «глаза», *лезми* «язык», *някъби* «руки», *кьяшми* «ноги» в текстах произведений писателя встречаются в единичных случаях.

б). Глагольные ФЕ, состоящие из одних глаголов:

Бурес хIейрусIи «невозможный ни словами рассказать, ни пером описать» (букв. «нельзя сказать»); *бурес хIядурли* «на языке вертится» (букв. «готов сказать»); *вабгили сай* «уже приступил» (букв. «Впрягся»); *вацIили арякьун* «резко заболел умер» (букв. «растаял, похудел»).

Фразовые примеры: *ДурхIни, бетаурсилчила бурес хIядурли, къанула гьалаб тIашлири*. «Дети готовые рассказать о случившемся, стояли у ворот». *Сунела бунагь хатIаличивад Аллагь чевверх, Бигишикамси заманала ухIнав вацIили арякьун*. «Пусть Аллах простит ему его грехи, Бигиши за короткий период времени растаял» [2].

Заключение

Как видно из вышеизложенного, преобладающее большинство ФЕ, встречающихся в произведениях Хабиба Алиева составляют глагольные ФЕ. Большая часть из них представлена структурой «имя существительное + глагол». Первая часть таких выражений в основном составляют соматонимы. Наиболее часто среди соматонимов используются компоненты *бекI* «голова» и *уркIи* «сердце». Такие фразеологические единицы в сжатой и лаконичной форме выражают философское отношение, точку зрения старшего поколения на ряд важных вопросов в жизни общества. Порою в них содержится ответ на те или иные события. Все даргинские писатели активно использовали в своих произведениях устойчивые сочетания. Писатели и поэты употребляют такие единицы в различных стилистических целях. В произведениях даргинских поэтов и писателей Омарла Батырая, Ахмедхана Абу-Бакара, Магомед-Расула, Рашида Рашидова, Ильяса Гасанова, Хабиба Алиева употребление таких ярких и метких сочетаний заставляет читателя с трепетом отно-

сится к прочитанному. Это связано с тем, что в их произведениях преобладают выражения, являющиеся родными для даргинского народа. Народность поэта или писателя заключается в том, что язык его

произведений соответствует духу и психологии народа, они берут за душу, заставляют сопереживать, вместе с героями огорчаться и радоваться.

Список источников

1. Кирсанова Н. А. Значение и структура фразеологической единицы. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1979. 65 с.
2. Алиев Х. М. Червоточина. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1988. 240 с.
3. Алиев Х. М. Пора листопада. М.: Советская Россия, 1989. 367 с.
4. Исаев М-Ш. А. Структурная организация и семантика фразеологических единиц даргинского языка: дисс. ... д-ра филол. наук. Махачкала, 1996. 323 с.
5. Агавова З. Ш. К вопросу о функционировании междометных, модальных и дискурсивных фразеологических единиц // Вестник филологических наук. 2023. Т. 3. № 11. С. 129-132.
6. Абдулкадырова П. М. Компаративные ФЕ даргинского языка в сопоставлении с английским языком: на материале хайдакского диалекта: автореф. дис. ... филол. наук. Махачкала, 2010. 18 с.
7. Чернышева И. И. Фразеология современного немецкого языка. М.: Высш. шк., 1970. 199 с.
8. Серебренников Б. А. Роль человеческого фактора в языке. Язык и мышление. М.: Наука, 1988. 244 с.
9. Чикобава А. С. Проблемы родства иберийско-кавказских языков // Материалы первой сессии по сравнительно-историческому изучению иберийско-кавказских языков. Махачкала, 1969. 202 с.
10. Хайдаков С. М. Сравнительно-сопоставительный словарь дагестанских языков. М.: Наука, 1973. 179 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Принадлежность к организации

Габидуллаева Патимат Магомедовна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой дагестанских языков, Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова, Махачкала, Россия, 79patimat79@mail.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 23.07.2024
Одобрена после рецензирования 05.09.2024
Принята к публикации 09.12.2024

References

1. Kirsanova NA. Meaning and structure of phraseological units. Saratov: Saratov University, 1979:65. (In Russ)
2. Aliev KhM. Wormhole. Makhachkala: Dagestan Book, 1988:240. (In Russ)
3. Aliev KhM. Time of leaf fall. Moscow: Sovetskaya Rossiya, 1989:367. (In Russ)
4. Isaev M-ShA. Structural organization and semantics of phraseological units in the Dargin language: Dr. Sci. (Philology) diss. Makhachkala, 1996:323. (In Russ)
5. Agavova ZSh. On the functioning of interjectional, modal and discursive phraseological units. *Vestnik Filologicheskikh Nauk*. 2023;3(11)129-132. (In Russ)
6. Abdulkadyrova PM. Comparative phraseological units of the Dargin language in comparison with the English language: based on the material of the Khaidak dialect: Author's abstract of Ph.D. (Filology). Makhachkala, 2010:18. (In Russ)
7. Chernysheva II. Phraseology of the modern German language. Moscow: Vysshaya shkola, 1970:199. (In Russ)
8. Serebrennikov BA. The role of the human factor in language. *Language and thinking*. Moscow: Nauka, 1988:244. (In Russ)
9. Chikobava AS. Problems of the Iberian-Caucasian languages relationship. *Proceedings of the first session on the comparative-historical study of the Iberian-Caucasian languages*. Makhachkala, 1969:202. (In Russ)
10. Khaidakov SM. Comparative-contrastive dictionary of the Dagestan languages. Moscow: Nauka, 1973:179. (In Russ)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Affiliation

Patimat M. Gabibullayeva, Ph.D. (Philology), Associate Professor, Head of the Department of Dagestan Languages, Gamzatov Dagestan State Pedagogical University, Makhachkala, Russia, 79patimat79@mail.ru

Conflict of interest

The author declares no conflicts of interests.

The article was submitted 23.07.2024
Approved after reviewing 05.09.2024
Accepted for publication 09.12.2024

Языкознание / Linguistics
Оригинальная статья / Original Article
УДК 811.351.2
DOI: 10.31161/1995-0667-2024-18-4-65-69
EDN: NSHSKL

Английские времена группы Indefinite в сопоставлении с группой постоянных времен в лакском языке

© 2024 Гаджиева Л. Г. ✉, Алисултанов А. С., Алиева Л. А.

Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова
Махачкала, Россия, louise9229@mail.ru ✉; alisultanov.as@mail.ru; laalieva@mail.ru

РЕЗЮМЕ. Целью данной статьи является сопоставительный анализ образования и употребления времен группы Indefinite английского языка и группы постоянных времен лакского языка. **Методы.** Сравнительно-сопоставительный анализ рассматриваемых групп времен. **Результаты.** Рассмотрены способы образования настоящего, прошедшего и будущего времен в сопоставляемых языках и особенности их употребления на материале рассказов художественной литературы. **Выводы.** Английский и лакский языки, не имея генетического сходства, проявляют схожие типологические свойства как в плане образования, так и в плане употребления времен сопоставляемых групп.

Ключевые слова: глагол, группа Indefinite, группа постоянных времен, сопоставительный анализ, повторяющиеся действия, достоверные формы.

Формат цитирования: Гаджиева Л. Г., Алисултанов А. С., Алиева Л. А. Английские времена группы Indefinite в сопоставлении с группой постоянных времен в лакском языке // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2024. Т. 18. № 4. С. 65-69. DOI: 10.31161/1995-0667-2024-18-4-65-69. EDN: NSHSKL

English Indefinite Tenses in Comparison with the Group of Constant Tenses in the Lak Language

© 2024 Luiza G. Gadzhieva ✉, Alisultan S. Alisultanov, Liza A. Alieva

Gamzatov Dagestan State Pedagogical University
Makhachkala, Russia, louise9229@mail.ru ✉; alisultanov.as@mail.ru; laalieva@mail.ru

ABSTRACT. The aim of the paper is to compare the formation and the use of English Indefinite tenses to the constant tenses of the Lak language. **Methods.** Comparative analysis of the tense groups under consideration. **Results.** The formation of the present, past and future tenses in the two languages has been compared and peculiarities of their use have been considered using authentic examples. **Conclusions.** The English and Lak languages, which have no genetic similarity, show similar typological properties both in the formation and in the use of the tenses of the compared groups.

Keywords: verb, Indefinite tenses, constant tense group, comparative analysis, repeated actions, valid forms.

For citation: Gadzhieva LG, Alisultanov AS, Alieva LA. English Indefinite Tenses in Comparison with the Group of Constant Tenses in the Lak Language. *Dagestan State Pedagogical University Journal. Social and Humanitarian Sciences*. 2024;18(4):65-69. (In Russ). DOI: 10.31161/1995-0667-2024-18-4-65-69. EDN: NSHSKL

Введение

Общие структурные признаки обнаруживаются в языках, не имеющих генетического родства. Сопоставительный ана-

лиз разносистемных языков позволяет выявить типологические сходства и различия в этих языках и значительно расширить границы лингвистических иссле-

дований. Глагол является одной из важнейших частей речи любого языка, характерными для глагола являются видовременные и модальные значения, которые в разных языках проявляются по-разному. В данной работе обобщены результаты сопоставительного анализа времен английского и лакского языков. В английской грамматике исследователи рассматривают четыре группы времен: Indefinite, Continuous, Perfect, Perfect Continuous [1, с. 81]. В лакском языке выделяют три основные группы времен: продолженные, постоянные и перфектные [2, с. 47]. Поскольку в обоих языках представлены группы времен, основным значением которых является выражение обычных, повторяющихся действий, целесообразным представляется сопоставление их функционирования в указанных языках. Способы выражения и случаи употребления времен данных групп в английском и лакском языках сопоставлены на примерах из произведений художественной литературы и разговорной речи.

Целью данной статьи является сопоставительный анализ способов образования и употребления времен группы Indefinite английского языка и группы постоянных времен лакского языка.

Материал и методы исследования

Материалом исследования послужили примеры использования времен в произведениях на сопоставляемых (английском и лакском) языках. Методы исследования – сопоставительный анализ образования и употребления рассматриваемых групп времен, описание, обобщение.

Результаты и их обсуждение

В сопоставляемых языках каждая группа различает формы настоящего, прошедшего и будущего времен. Сопоставительный анализ глагольных форм Present Indefinite английского языка и настоящего постоянного времени лакского языка в плане их выражения обнаруживает типологическое сходство их составляющих: в обоих языках данные глагольные формы образованы от формы инфинитива с помощью аффиксов. В английском языке аффиксы служат для разграничения формы 3-го лица единственного числа: *I often come here* «Я часто прихожу сюда» – *He often comes here* «Он часто приходит сюда», а в лакском языке глагольные формы различаются по лицам и числам. Особенно-

стью лакского глагола является использование в препозиции показателя грамматического класса: *Га чIявуну шиккун учIай/ учIайссар* «Он часто приходит сюда» – *Га чIявуну шиккун бучIай/ бучIайссар* «Она часто приходит сюда».

Глагольные формы Past Indefinite и прошедшего постоянного времени проявляют как сходства, так и различия. Расхождения обусловлены, главным образом, делением английских глаголов на правильные и неправильные. Правильные глаголы английского языка, как и все лакские глаголы, образуют форму прошедшего времени от инфинитива с помощью аффиксов прошедшего времени (*called, овчайва/овчайссия* «звал»). Неправильные английские глаголы имеют свои собственные формы прошедшего времени (*to go – went; to do – did*): *He often came here; Га чIявуну шиккун учIайва/ учIайссия* «Он часто приходил сюда».

Наряду с рассмотренными формами, которые называются очевидными и категоричными, соответственно, в лакском языке широко используются достоверные формы настоящего и прошедшего постоянного времени, которые являются аналитическими и состоят из глагола-связки и причастия: *Га чIявуну шиккун учIайсса ур* «Оказывается, он часто приходит сюда»; *Га чIявуну шиккун учIайсса ивкIун ур* «Оказывается, он часто приходил сюда». В английском языке соответствующее значение передается посредством лексических средств: *It turns out that ...* «Оказывается, что ...»

Различными в плане выражения являются формы будущего времени в рассматриваемых языках. В лакском языке данная форма образована от инфинитива с помощью аффиксов, в отличие от аналитической формы Future Indefinite в английском языке: *На чIявуну шиккун учIаванна (учIавантIуссара); I will often come here* «Я буду часто приходиться сюда».

Как было отмечено выше, времена сопоставляемых групп, главным образом, употребляются для выражения обычных, повторяющихся действий. При этом выявлено значительное сходство в употреблении Present Indefinite и настоящего постоянного времени: *You always speak as though you grudged me the few years that I can expect to live* [3, с. 41] «Вы всегда говорите

так, как будто вам жаль тех нескольких лет, которые я могу еще прожить»; *Зуциялмахъ бусайсса инсантал бивкӀун буру* [4, с. 247] «Вы, оказывается, люди, которые говорят неправду». Обе глагольные формы выражают настоящие повторяющиеся действия. Кроме того, в обоих языках эти времена выражают действия, характерные для определенного человека: *I never eat anything for luncheon* [3, с. 15] «Я никогда ничего не ем на обед»; *Ца-ца чӀумал нагу мукун учайссап* [5, с. 31] «Иногда и я это говорю». Однако, характерное для английского языка употребление Present Indefinite в придаточных предложениях условия и времени для выражения будущего действия не имеет аналогов в лакском языке: *We'll give you three months and if at the end of that time you cannot read and write I'm afraid you'll have to go* [3, с. 78] «Мы дадим вам три месяца, и, если к этому времени вы не сможете читать и писать, вам придется уйти». В качестве отличительной особенности можно отметить употребление глаголов чувственного восприятия, умственной деятельности, глаголов, выражающих чувства, желания, эмоции в Present Indefinite для выражения длительного действия. В английском языке, в отличие от лакского, они не употребляются в продолженном времени: *I know nobody cares for me* [3, с. 43] «Я знаю, меня никто не любит»; *I don't want to take any risks* [3, с. 80] «Я не хочу рисковать»; *Шарипат Мухтардунгу чай бусса бур* [6, с. 7] «Говорят, что Мухтар влюблен в Шарипат».

Сопоставительный анализ употребления прошедших времен рассматриваемых групп позволил выявить как сходства, так и различия. Принципиальным различием можно считать тот факт, что, несмотря на принадлежность к группе Indefinite, основным значением Past Indefinite является выражение однократного, а не обычного действия в прошлом: *At eight in the morning Holmes came into my room* [7, с. 12] «В восемь часов утра Холмс вошел в мою комнату». В лакском языке прошедшее постоянное время выражает только обычные повторяющиеся действия в прошлом и не имеет других значений. Для выражения однократного действия в прошлом форме Past Indefinite соответствуют в лакском языке прошедшее перфектное время: *Шарипат лавгуна, хъириб ялугълай Анваргу*

ливчӀуна [6, с. 20] «Шарипат ушла, а Анвар стоял и смотрел ей вслед» и давнопрошедшее перфектное время: *Абрайн къауцинишиврул, щарнил зуманивсса къатраву лаивкӀун ивкӀун ур* [5, с. 148] «Чтобы его не взяли в армию, оказывается, он спрятался в доме на краю села». Поскольку значение повторяемости в английском языке выражено также глагольной формой Past Indefinite, определить значение формы глагола при отсутствии структуры *used to* в каждом конкретном случае можно только по контексту: *He often came here* «Он часто приходил сюда» – *He came yesterday* «Он пришел вчера». Наличие в предложении структуры *used to* всегда указывает на значение повторяемости: *He used to come into the Palace Hotel every day and tried to sell lottery tickets* [3, с. 3] «Он каждый день приходил в отель Палас и пытался продать лотерейные билеты». В лакском языке значение повторяемости действия выражено формой прошедшего постоянного или давнопрошедшего постоянного времени независимо от контекста: *Цала ссу Асиятлухунгума дяъван икӀайва*, «Вин цичӀав къакулли» – *тӀий* [5, с. 9] «Он даже свою сестру Асият ругал, говоря: «Ты ничего не знаешь»; *Мусил ххалляту гулаватилул пасругу байсса бивкӀун бур* [8, с. 65] «Оказывается, она вышивала золотыми нитками». Кроме того, форма Past Indefinite может выражать значение последовательности действий в прошлом: *I shook hands with the skipper and he wished me luck* [3, с. 62] «Я пожал руку капитану, и он пожелал мне удачи». Для выражения последовательности действий в прошлом в лакском языке употребляется прошедшее перфектное время: *КӀюрххил ччяни ивзун чартӀи бувна чӀири, ларххуна ца ххуйну багъну чӀалачӀимур хӀажак* [6, с. 53] «Утром он рано встал, побрился и надел хорошо выглаженные брюки». Таким образом, очевидно, что значение Past Indefinite в английском языке шире значения двух прошедших времен соответствующей группы в лакском языке: прошедшего и давнопрошедшего постоянного времени.

Наибольшее различие проявляется при сопоставлении случаев употребления английского Future Indefinite и будущего постоянного времени в лакском языке. Основным грамматическим значением Future Indefinite является значение однократного, результативного действия в бу-

дущем: *I shall tell Mr. Soames what happened, and you listen and correct me where I am wrong* [7, с. 14] «Я расскажу мистеру Сомсу что произошло, а вы поправьте меня, если я не прав». В некоторых случаях Future Indefinite может выражать цепь последовательных действий, планируемых на будущее: *I shall come early tomorrow morning and we shall talk the matter over* [7, с. 11] «Я приду завтра рано утром и мы поговорим об этом деле». В зависимости от контекста глагольная форма Future Indefinite может иметь значение повторяемости действий в будущем: *I will water your flowers every day* «Я буду поливать цветы каждый день». Глагольная форма будущего постоянного времени в лакском языке выражает значение повторяемости действий в будущем независимо от контекста и не имеет других значений: *На вих ургаванна* [5, с. 196] «Я буду за тобой ухаживать»; *Агар на аьркин хьурча, оьлуча мугьлат бакъа вил амру бартбигьин учлаванна* [5, с. 53] «Если я буду тебе нужен, зови меня, и я буду приходить исполнять твои приказы». В обоих языках формы будущего времени могут приобретать модальный оттенок категорической решимости выполнить действие. Однако отличительной особенностью является то, что в английском языке данное значение передает форма Future Indefinite: *I will be as silent as the grave* [3, с. 105] «Я

буду нем, как рыба», а в лакском языке – форма будущего продолженного времени: *Дуккаву кьурталхьукун на шярав зунна* «Когда я закончу учиться, я буду работать в селе». Формы будущего времени в лакском языке по своей модальности близки к наклонениям гипотетической модальности и образуются от инфинитива, при этом личные окончания совпадают с окончаниями настоящего времени [9, с. 12].

Заключение

В результате сопоставительного анализа образования и употребления времен группы Indefinite английского языка и группы постоянных времен лакского языка можно сделать следующие выводы. Определенные сходства и различия обнаружены как в образовании глагольных форм, так и в их употреблении. В плане выражения наибольшее сходство проявляют формы настоящего времени, а образование форм будущего времени различно в сопоставляемых языках. В плане употребления времен выявлено, что значение времен группы Indefinite шире, чем значение соответствующих времен лакского языка, поскольку помимо обычных, повторяющихся действий, английские формы могут выражать как однократные, так и последовательные действия.

Список литературы

1. Каушанская В. Л., Ковнер Р. Л., Кожевникова О. Н., Прокофьева Е. В., Райнес З. М., Сквирская С. Е., Цырлина Ф. Я. A Grammar of the English Language. Грамматика английского языка. М.: Айрис Пресс, 2004. 384 с.
2. Эльдарова Р. Г. Лакский глагол (система глагольного словоизменения). Махачкала: ДГУ, 2000. 121 с.
3. Maugham W. S. The man with a scar and other stories. М.: Айрис Пресс, 2004. 134 с.
4. Кажлаева К.М. Корни (Лакский фольклор) (на лакском языке). Махачкала: Даг. кн. изд-во, 2012. 360 с.
5. Алиев М. А. В родном ауле (на лакском языке). Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1983. 222 с.
6. Мудунов А. А. Зеленое поле (на лакском языке). Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1978. 216 с.
7. The stolen bacillus and other adventure stories. М.: Айрис Пресс, 2004. 160 с.
8. Омаров М. Г. Рассказы и сказания (на лакском языке). Махачкала: Дагучпедгиз, 1992. 83 с.
9. Какваева С.Б. Семантико-синтаксическая парадигма глагола и глагольных конструкций в лакском языке: автореф. дис. ... доктора филол. наук. Нальчик, 2022. 43 с.

References

1. Kaushanskaya VL, Kovner RL, Kozhevnikova ON, Prokofieva EV, et al. A Grammar of the English Language. Moscow: Iris Press, 2004:384.
2. Eldarova RG. Lak verb (system of verb inflection). Makhachkala: DSU, 2000:121. (In Russ)
3. Maugham WS. The man with a scar and other stories. Moscow: Iris Press, 2004:134.
4. Kazhlaeva KM. Roots (Lak Folklore). Makhachkala: Dagestan Book Publ., 2012:360. (In Lak)
5. Aliev MA. In my native village. Makhachkala: Dagestan Book Publ., 1983:222. (In Lak)
6. Mudunov AA. Green field. Makhachkala: Dagestan Book Publ., 1978:216. (In Lak)
7. The stolen bacillus and other adventure stories. Moscow: Iris Press, 2004:160.
8. Omarov MG. Stories and tales. Makhachkala: Daguchpedgiz, 1992:83. (In Lak)
9. Kakvaeva SB. Semantic and syntactic paradigm of the verb and verb constructions in the Lak language: author's abstract of Doctor of Science (Philology). Nalchik, 2022:43. (In Russ)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Принадлежность к организации

Гаджиева Луиза Гаджиевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка, Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова, Махачкала, Россия, louise9229@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0003-3479-9105>

Алисультанов Алисултан Султанмурадович, доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка, Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова, Махачкала, Россия, alisultanov.as@mail.ru

Алиева Лиза Абумислимовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка, Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова, Махачкала, Россия, laalieva@mail.ru

Критерии авторства

Гаджиева Л. Г. – сбор и обработка языкового материала, подготовка библиографии; Алисултанов А. С. – общий анализ материала, выводы и заключение, корректирование рукописи до подачи в редакцию; Алиева Л.А. – постановка цели, перевод и редактирование статьи.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 24.09.2024
Одобрена после рецензирования 24.10.2024
Принята к публикации 09.12.2024

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Affiliations

Luiza G. Gadzhieva, Ph.D. (Philology), Associate Professor, the English Language Department, Gamzatov Dagestan State Pedagogical University, Makhachkala, Russia, louise9229@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0003-3479-9105>

Alisultan S. Alisultanov, Doctor of Science (Philology), Professor, the English Language Department, Gamzatov Dagestan State Pedagogical University, Makhachkala, Russia, alisultanov.as@mail.ru

Liza A. Alieva, Ph.D. (Philology), Associate Professor, the English Language Department, Gamzatov Dagestan State Pedagogical University, Makhachkala, Russia, laalieva@mail.ru

Contribution of the authors

Gadzhieva L. G. – collection and processing of the language material, preparation of the references; Alisultanov A. S. – general analysis of the material, summary and conclusions, correction of the manuscript before submission to the editorial office; Alieva L.A. – setting aims, translation, editing the article.

Conflict of interest

The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 24.09.2024
Approved after reviewing 24.10.2024
Accepted for publication 09.12.2024

Языкознание / Linguistics

Оригинальная статья / Original Article

УДК 811.1

DOI: 10.31161/1995-0667-2024-18-4-70-74

EDN: RFQYGP

Аспекты литературной ономастики

© 2024 Гасанова С. Х., Джаватова Г. А. ✉

Дагестанский государственный педагогический университет им Р. Гамзатова
Махачкала, Россия, sapiyat@bk.ru; anna.georg22@mail.ru ✉

РЕЗЮМЕ. *Цель* – изучить особенности и раскрыть аспекты литературной ономастики. *Методы.* В статье использованы описательный метод, метод компонентного анализа. *Результаты.* Авторами охарактеризовано понятие делового дискурса, выявлены особенности и имена персонажей, отражающие их характер. Топонимы в литературе используются для обозначения мест действия произведений и передачи атмосферы местности. Названия организаций и учреждений могут служить для передачи социальной и культурной среды, в которой происходят действия в произведениях. В литературе нередко используются названия и описания различных событий и явлений – войн, революций, катастроф, которые помогают передать атмосферу времени и места действия. Исследование литературных псевдонимов может помочь понять мотивы авторов при выборе определенного имени для своей творческой личности. *Вывод.* Названия произведений в литературе являются одним из важнейших элементов, которые помогают читателю понять, о чем идет речь. Исследование названий раскрывает, как автор использует имена собственные, чтобы обозначить тему и атмосферу в произведении. Литературная ономастика является важным направлением в исследовании, которое помогает понять, как имена собственные используются для создания художественных образов и передачи определенных значений и ассоциаций. Она также может использоваться для исследования культурных и исторических аспектов литературы и раскрытия скрытых символических смыслов в произведениях. В данной статье приведены примеры из некоторых художественных произведений дагестанских писателей.

Ключевые слова: литературная ономастика, художественное произведение, имена собственные, онимы, топонимы, псевдонимы, символы, нисба, образ местности, колорит.

Формат цитирования: Гасанова С. Х., Джаватова Г. А. Аспекты литературной ономастики // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2024. Т. 18. № 4. С. 70-74. DOI: 10.31161/1995-0667-2024-18-4-70-74. EDN: RFQYGP

Aspects of Literary Onomastics

© 2024 Sapiyat Kh. Gasanova, Gigili A. Dzhavatova ✉,

Gamzatov Dagestan State Pedagogical University
Makhachkala, Russia, sapiyat@bk.ru; anna.georg22@mail.ru ✉

ABSTRACT. *The purpose* is to study the features and reveal aspects of literary onomastics. *Methods.* The paper uses a descriptive method and a component analysis method. *Results.* The authors characterized the concept of business discourse, identified the features and names of characters that reflect their character. Toponyms in literature are used to designate the places where works take place and convey the atmosphere of the area. The names of organizations and institutions can serve to convey the social and cultural environment in which the actions in the works take place. Literature often uses names and descriptions of various events and phenomena – wars, revolutions, disasters, which help to convey the atmosphere of the time and action place. The study of literary pseudonyms can help to understand the authors' motives when choosing a certain name for their creative personality. *Conclusion.* The titles of works in literature are one of the most important elements that help the reader understand what is being discussed. The study of titles reveals how the author uses proper names to designate the theme and atmosphere in the work. Literary onomastics is an important area of research that helps to understand how proper names are used to create artistic images and convey certain meanings and associations. It can also be used to study

the cultural and historical aspects of literature and reveal hidden symbolic meanings in works. This paper provides examples from some works of art by Dagestan writers.

Keywords: literary onomastics, work of art, proper names, onyms, toponyms, pseudonyms, symbols, nisba, image of a place, color.

For citation: Gasanova SH, Javatova GA. Aspects of Literary Onomastics. *Dagestan State Pedagogical University Journal. Social and Humanitarian Sciences*. 2024;18(4):70-74. (In Russ). DOI: 10.31161/1995-0667-2024-18-4-70-74. EDN: RFQYGP

Введение

Литературная ономастика – это раздел ономастики, который изучает имена собственные, используемые в литературе. Она является важной областью исследований, поскольку имена собственные в литературе играют важную роль в создании художественного образа, передаче характеристик персонажей и создании атмосферы произведения.

Материал и методы исследования

В статье исследуются имена персонажей, например, некоторые персонажи из романа Марьям Ибрагимовой «Имам Шамиль», топонимы и др. В статье использованы описательный метод, метод компонентного анализа.

Работая над литературным произведением, писатели используют специфические наименования, которые имеют значение в контексте текста, наполняя их особой значимостью и разъясняя их происхождение. При этом могут включать имена персонажей, имея в виду, почему именно таким именем персонаж наделен. Имена персонажей часто несут в себе символическое значение, отражая их характер, судьбу или социальный статус. Например, имя «Грета» в произведениях может ассоциироваться с определённой культурной или исторической традицией. В литературе имена могут выполнять различные функции, такие как создание атмосферы, развитие сюжета или углубление характеристик персонажей.

Результаты и их обсуждение

Остановимся на следующих аспектах литературной ономастики.

1) Начнем с имен персонажей. В литературе имена персонажей могут иметь глубокий символический смысл, отражать их характер, социальный статус, этническую принадлежность и другие аспекты. Исследование имен персонажей в литературе позволяет понять, как автор использует имена собственные для создания художественного образа. Имена героев в ли-

тературе могут быть символическими и отражать их характер и роль в произведении. Исследование имен героев может помочь понять, как автор создает образы своих героев и использует имена собственные для передачи определенной информации о них.

Так, например, остановимся на некоторых персонажах из романа Марьям Ибрагимовой «Имам Шамиль».

Имя Аглар, принадлежащее персонажу романа Марьям Ибрагимовой «Имам Шамиль», представляет интерес с точки зрения литературной ономастики. Рассмотрим его особенности и возможные значения. Имя Аглар может иметь тюркские корни, где "аглар" может указывать на молодость и силу персонажа, а также на его потенциальные качества и роль в повествовании. Данное имя принадлежит будущему лакскому хану и относится к искусственно сконструированному комплиментарному прозвищу, а подлинным его именем было Шахимардан. Возможно, в контексте романа имя Аглар может символизировать надежду, силу и стремление к свободе. Персонажи с такими именами часто ассоциируются с активной позицией, борьбой за свои идеалы и ценности.

Имя Аргут является прозвищем генерала русской армии Моисея Захаровича Аргутинского и играет важную роль в развитии сюжета, а также взаимодействии с другими персонажами. Негативное представление о хитром и опасном генерале, чье имя может подчеркивать его характерные черты, мотивацию и внутренние конфликты. Ведь не зря горцы прозывали его *донгузом* «свиньей» за его тучность и неуклюжесть.

Прозвище Нисба Яраги, принадлежавшее шейху Магомеду Ярагскому, было присвоено ему по территориальному признаку, а именно – соответствует его родному аулу *Яраг*, воспринималось дагестанцами как самостоятельное личное имя.

Продолжая тему имен, например, можно выделить известного поэта – Увайсова Сугури Давдиевича, которого прозвали Сугури. При этом Сугури функционирует как личное имя. В дагестанской антропонимической системе встречаются мужские имена аналогичного происхождения: Араби, Багдади, Бухари, Гилани, Ширвани, Яраги. Кроме того, существует антропонимическая система, заимствованная из арабской модели – «нисба». Согласно нисбе личностные имена закрепляются по месту рождения, жительству, роду трудовой деятельности.

Дагестанская нисба арабского происхождения оформлена морфологическим показателем арабского относительного прилагательного – суффиксом – «и»: Ширвани, Хучуги, Хайдаки.

Исследование имен персонажей может помочь понять, как автор создает образы героев и использует имена собственные для передачи определенной информации о них.

2) Использование топонимов, названий мест. В литературе также часто употребляются названия географических объектов – городов, деревень, рек, гор, равнин и т. д. Топонимы в литературе используются для обозначения мест действия произведений и передачи атмосферы местности.

Дагестан фигурально называют Страной гор. Термин *даг* выступает в составе оронимов в значении апеллятива «гора», а суффиксоид *-стан-* в названиях стран. К примеру, Гуржистан (структура слова становится прозрачной, т. к. дагестанцы называют грузин «*гурджи*») в значении «страна» позволяет нам квалифицировать топоним *Дагестан* как производный и выделить суффиксоид *стан*.

В дагестанских литературных произведениях можно встретить хоронимы – Лезгиния, Кумыкия, Авария, Андия, Лакия, которые позволяют нам как читателям познакомиться с самыми труднодоступными уголками Дагестана.

Говоря о столице Дагестана – Махачкале, мы можем выделить ойконим, обозначающий географическое название и связанный с конкретным населённым пунктом. Это Петровское укрепление, основанное в 1844 г. С 1857 г. называется Порт-Петровск. В 1922 г. город переименован в память Махача (Магомедали) Дахадаева. В данном контексте – «*Махач*» – сокращен-

ная форма имени Магомедали, *кала* – «город, крепость» [1]. Мы полагаем, что название населённого пункта связано с местной культурой, традициями, природой и историей, что делает его важным для изучения этнографии и социологии.

Также на побережье Каспийского моря был основан город (крепость) Дербент. Иранское дер-, *дар-* «дверь, ворота, теснина, проход» и *бэнд* «преграда». Там, где Главный Кавказский хребет подходит близко к Каспийскому морю, расположился великий город Дербент. Его турецкое значение – «главные ворота»; грузинское – «морские ворота»; армянское – «ворота Джора»; древнерусское – «железные ворота».

Исследование *топонимов* может помочь понять, как авторы используют имена собственные для создания образа местности, а также как место действия влияет на сюжет и персонажей.

3) Названия организаций и учреждений. В литературе часто используются названия организаций и учреждений – школ, университетов, музеев и т. д. Эти названия могут служить для передачи социальной и культурной среды, в которой происходят действия в произведениях.

4) Названия объектов и предметов. В литературе также используются названия объектов и предметов – зданий, машин, оружия, орденов, товаров и т. д. Эти названия могут иметь символическое значение и помогать передать характеристику персонажей.

В современной науке процесс номинации товаров, услуг или компаний получил название *нейминга*, который в свою очередь является важнейшим компонентом *бренда*. В *нейминге* соединяются усилия маркетологов, лингвистов, психологов, юристов. Название товара или услуги – это результат комбинации приемов и технологий, фонетического и семантического анализа, результат мониторинга рынка и тестирования имени. Имя – это наиболее сильный и запоминающийся идентификатор товара, основа любой рекламной кампании, лицо руководителя данного заведения [2].

В произведениях Ахмедхана Абубакара встречаются топонимы, которые становятся именем объекта и, как правило, представляют собой имя самого хозяина или хозяйки объекта, сына или дочери,

отца или матери, внука или внучки кафе, магазина и др. Так, например, «З&М» (аббревиатура имен жены и мужа – Зумруд и Магомед), «АС – престиж» (Алиев Сефер). Однако в отличие от русских антропонимов, дагестанские часто по своему происхождению являются именами нарицательными, поэтому мотивировка субъективная может «подкрепляться» объективной: парикмахерская «Юлдуз» («звезда»), кафе «Фируза» («драгоценный камень»), магазин шуб «Бриллиант», ювелирный магазин «Коралл». Вот пример подобной мотивации: Кафе назвали в честь внучки «Шатлык». Имя означает «радость», чтобы посетителям всегда было весело. Антропонимический характер названий, таким образом, является яркой особенностью современного социолингвистического пространства.

5) Названия событий и явлений. В литературе нередко используются названия и описание различных событий и явлений – войн, революций, катастроф и т. д. Эти названия помогают передать атмосферу времени и места действия.

6) Использование литературных псевдонимов. Литературные псевдонимы являются особым видом имен собственных, которые используются писателями для обозначения своего творческого псевдонима. Исследование литературных псевдонимов может помочь понять мотивы авторов при выборе определенного имени для своей творческой личности.

7) Использование названий в заголовках произведений. Названия произведений в литературе являются одним из важнейших элементов, которые помогают читателю понять, о чем идет речь в произведении. Исследование названий произведений раскрывает, как автор использует имена собственные, чтобы обозначить тему и атмосферу описанного.

8) Использование имен собственных в метафорах и символах. Имена собственные могут использоваться в литературе в качестве метафор и символов, которые

передают определенные значения и ассоциации.

В. А. Никонов различает три типа значений имен: до-антропонимное (этимологическое), антропонимное (указательное) и от-антропонимное [3]. Всякое имя собственное может иметь бесконечное количество значений, то есть превратиться в символ. Исследуя развитие значение имен героев художественных произведений, В. А. Кухаренко отмечает: «Если литературный персонаж переступает рамки своего литературного произведения, его имя перестает служить обозначением одной конкретной личности и приобретает значение всеобщности, начинает жить своей независимой жизнью, именуется тип (психологический, эмоциональный, социальный)» [4, с. 111]. Так имя вступает в третью фазу своего функционирования – от-антропонимную.

Употребление онимов позволяет учитывать то образное, что позволяет употребить общее название для собственных имен, которые используются для обозначения уникальных объектов, людей, мест и других сущностей [5, с. 115-116].

Исследование использования имен собственных в метафорах и символах может помочь понять, как авторы создают сложные образы и передают глубокий смысл в своих произведениях.

Заключение

Таким образом, литературная ономастика является важным направлением в исследовании, которое помогает понять, как имена собственные используются для создания художественных образов и передачи определенных значений и ассоциаций, атмосферы.

Она также может использоваться для исследования культурных и исторических аспектов литературы и раскрытия скрытых символических смыслов в произведениях. Литературная ономастика имеет большое значение для исследования и понимания творческой работы писателей.

Список литературы

1. Краткий топонимический словарь (1966). URL: https://archive.org/stream/1966_20221026/Никонов%20В.А.%20-%20Краткий%20топонимический%20словарь%20-%201966_djvu.txt (дата обращения: 12.09.2024)
2. Гасанова С. Х. Об ономастических названиях в современном социокультурном пространстве

References

1. Brief Toponymic Dictionary (1966). URL: https://archive.org/stream/1966_20221026/Никонов%20В.А.%20-%20Краткий%20топонимический%20словарь%20-%201966_djvu.txt (accessed 12.09.2024). (In Russ)
2. Gasanova SKh. Onomastic Names in the Modern Sociocultural Space. *Issues of General and*

// Проблемы общей и региональной ономастики: материалы X Международной научной конференции, посвященной юбилею профессора Р. Ю. Намитоковой (Майкоп, 19-21 мая 2016 г.). Майкоп: Адыгейский государственный университет, 2016. С. 68-70. EDN: WVRIN

3. Никонов В. А. Имя и общество. М.: Наука, 1974. 278 с.

4. Кухаренко В. А. Интерпретация текста. 4-е изд., перераб. М.: ФЛИНТА, 2019. 312 с.

5. Куличенко Д. С. Специфика ономастики в художественной литературе (на примере произведений Н. В. Гоголя и А. С. Грибоедова) // Молодой ученый. 2021. № 50(392). С. 611-614. EDN: UYBOUN

Regional Onomastics: Proceedings of the 10th International Scientific Conference Dedicated to the Anniversary of Professor R. Yu. Namitokova (Maykop, May 19-21, 2016). Maykop: Adyghe State University, 2016:68-70. (In Russ). EDN: WVRIN

3. Nikonov V. A. Name and Society. Moscow: Nauka, 1974:278. (In Russ)

4. Kukharenskiy V. A. Interpretation of the Text. 4th ed., revised. Moscow: FLINTA, 2019:312. (In Russ)

5. Kulichenko D. S. Specifics of Onomastics in Fiction (Based on the Works of N. V. Gogol and A. S. Griboyedov). *Young Scientist*. 2021(50(392)):611-614. (In Russ). EDN: UYBOUN

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Принадлежность к организации

Гасанова Сапийат Хайбулаевна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой начального филологического образования, факультет начальных классов, Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова, Махачкала, Россия, sapiyat@bk.ru

Джаватова Гигили Абдулжаватовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры начального филологического образования, факультет начальных классов, Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова, Махачкала, Россия, anna.georg22@mail.ru

Критерии авторства

Гасанова С. Х. – общий анализ материала, постановка цели, выводы; Джаватова Г. А. – редактирование статьи, подготовка библиографии, перевод.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 24.09.2024
Одобрена после рецензирования 24.10.2024
Принята к публикации 09.12.2024

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Affiliations

Sapiyat Kh. Gasanova, Ph.D. (Philology), Associate Professor, Head of the Department of Primary Philological Education, Faculty of Primary Schools, Gamzatov Dagestan State Pedagogical University, Makhachkala, Russia, sapiyat@bk.ru

Gigili A. Dzhavatova, Ph.D. (Philology), Associate Professor, Department of Primary Philological Education, Faculty of Primary Schools, Gamzatov Dagestan State Pedagogical University, Makhachkala, Russia, anna.georg22@mail.ru

Contribution of the authors

Gasanova S. Kh. – general analysis of the material, setting the aim, conclusions; Dzhavatova G. A. – editing the paper, preparing the bibliography, translation.

Conflict of interest

The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 24.09.2024
Approved after reviewing 24.10.2024
Accepted for publication 09.12.2024

Языкознание / Linguistics
Оригинальная статья / Original Article
УДК 811.13
DOI: 10.31161/1995-0667-2024-18-4-75-80
EDN: SFCWPL

Особенности функционирования фразеологических единиц в художественном французском языке

© 2024 Казбеков А. К., Мурадханова Т. И. ✉

Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова
Махачкала, Россия, santex80@mail.ru; tellikhanum@mail.ru ✉

РЕЗЮМЕ. Цель исследования – выявить некоторые особенности функционирования фразеологических единиц в художественной речи, а именно: взаимодействие лексического окружения с компонентами фразеологических единиц и ее совокупным фразеологическим значением; зависимость актуализации фразеологических единиц от ее семантической специфики. В работе были использованы следующие **методы:** трансформационный метод, метод сравнительного анализа. На основании полученных **результатов** нам удалось определить способы актуализации фразеологических единиц на базе трех основных типов: узуальная актуализация фразеологизмов; окказиональная актуализация фразеологических единиц, не сопровождающаяся трансформацией структуры и лексического состава фразеологических единиц, или единиц вербального окружения; окказиональная актуализация фразеологических единиц, сопровождающаяся изменениями структуры. Проанализированный материал позволил сделать следующие **выводы:** результатом взаимодействия фразеологизма с единицами лексического окружения на синтагматической оси является изменение денотативно-сигнификативного и эмоционально-оценочного компонентов значения фразеологических единиц; вычленение и самостоятельное функционирование группы компонентов фразеологических единиц становится возможным благодаря семантической членности базового фразеологизма.

Ключевые слова: фразеологические единицы, художественная речь, словосочетания, французский язык, трансформация, сравнительный анализ.

Формат цитирования: Казбеков А. К., Мурадханова Т. И. Особенности функционирования фразеологических единиц в художественном французском языке // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2024. Т. 18. № 4. С. 75-80. DOI: 10.31161/1995-0667-2024-18-4-75-80. EDN: SFCWPL

Features of the Phraseological Functioning Units in Artistic French

© 2024 Artur K. Kazbekov, Tellikhanum I. Muradkhanova ✉

Gamzatov Dagestan State Pedagogical University
Makhachkala, Russia, santex80@mail.ru, tellikhanum@mail.ru ✉

ABSTRACT. The **aim** of the paper is to identify some features of the functioning of phraseological units in artistic speech, namely: the interaction of the lexical environment with the components of phraseological units and its combined phraseological meaning; the dependence of phraseological units' actualization on its semantic specificity. The following **methods** were used in the work: transformation method, comparative analysis method. Based on the results obtained, we were able to determine the methods of phraseological units' actualization based on three main types: usual actualization of phraseological units; occasional actualization of phraseological units not accompanied by transformation of the structure and lexical composition of phraseological units, or units of the verbal environment; occasional actualization of phraseological units accompanied by changes in the structure. The analyzed material leads to the following **conclusions:** the result of the phraseological unit interaction with units of the lexical environment on the syntagmatic

axis is a change in the denotative-significative and emotional-evaluative components of the phraseological units meaning; the isolation and independent functioning of a group of phraseological units' components becomes possible thanks to the semantic articulation of the basic phraseological unit.

Keywords: phraseological units, artistic speech, phrases, French language, transformation, comparative analysis.

For citation: Kazbekov AK, Muradkhanova TI, Features of the Phraseological Functioning Units in Artistic French. *Dagestan State Pedagogical University Journal. Social and Humanitarian Sciences*. 2024;18(4):75-80. (In Russ). DOI: 10.31161/1995-0667-2024-18-4-75-80. EDN: SFCWPL

Введение

В данной статье авторы делают попытку выявить некоторые особенности функционирования фразеологических единиц в художественной французской речи, а именно:

– взаимодействие лексического окружения с компонентами фразеологических единиц;

– зависимость актуализации фразеологических единиц от ее семантической специфики.

Для анализа данного вопроса рассматриваются фразеологизмы двух типов:

а) словосочетания с двусторонней смысловой зависимостью компонентов, которые имеют целостное, глагольное значение, хотя и разной степени спаянности компонентов и мотивированности значения, т. е. «идиомы» в классификации А. К. Назарян [1];

б) нелатеральные фразеологизмы, характеризующиеся односторонней смысловой зависимостью компонентов, где один компонент выступает в прямом узвальном значении.

С давних пор вопрос актуализации фразеологизмов в художественной речи интересовал исследователей. Однако встает такой вопрос: что является основой специфики актуализации фразеологической единицы, чем обоснована активная мобильность литературной фразеологии?

Стремление объяснить это явление «раздельнооформленностью и семантической двупланностью компонентов фразеологических единиц» [2], или «потенциальной возможностью вычленить отдельный элемент фразеологизма в качестве самостоятельной семантической единицы» [3] не лимитируют сути данного явления. Разумеется, что не все фразеологизмы подвержены трансформации. Как показывает наш фактический материал, фразеологизмы с архаичной синтаксической структурой как служебные, междометные и модальные фразеологические

единицы не могут трансформироваться. Явления с окказиональной трансформацией фразеологических единиц необходимо находить в семантических особенностях фразеологизмов, а именно – во взаимоотношении семантики компонентов фразеологических единиц с ее индивидуальным значением.

Задачи исследования: 1. определить, что является основой специфики актуализации фразеологических единиц, чем мотивирована активная мобильность литературной фразеологии; 2. попытка объяснить явление раздельнооформленности и семантической двупланности компонентов фразеологических единиц; 3. классификация типов актуализации фразеологических единиц в художественной речи.

Материалы и методы исследования

Материалом исследования послужили фразеологизмы двух типов: словосочетания с двусторонней смысловой зависимостью компонентов; фразеологизмы, характеризующиеся односторонней смысловой активностью компонентов, где по меньшей мере один компонент представлен в своем прямом узвальном значении.

Применялись трансформационный метод, свидетельствующий о недопустимости трансформации с архаичной синтаксической структурой; метод сравнительного анализа фразеологизмов в художественной речи.

Так как подробные изменения могут совершаться появлением дополнительной экспрессивности и эмоциональности, анализу подлежат также стилистический аспект значения фразеологической единицы, включающий не только такие стилистические элементы, как принадлежность к определенному функциональному стилю и отношение к стилистической норме литературного языка, но и эмоциональный и экспрессивный компоненты содержательной структуры фразеологизма.

Благодаря тому, что эмоциональность напрямую соединена с появлением эмо-

ционально-субъективной оценки (одобрение – неодобрение), мы придерживаемся точки зрения ряда фразеологов, которые унифицируют эмоциональный и оценочный элементы в единый эмоционально-оценочный компонент значения фразеологических единиц [4]. По определению Л. М. Болдыревой «под экспрессивностью понимается оформленное эксплицитным или сообщенное имплицитным способом свойство языковых средств осуществлять изобразительно-выразительную функцию при передаче денотативного значения в парадигматическом и синтаксическом плане» [5].

Результаты и их обсуждение

На основе анализа способы актуализации фразеологических единиц в художественной речи делятся на три типа: узуальная актуализация фразеологизмов; окказиональная актуализация фразеологической единицы, не сопровождающаяся трансформацией структуры и лексического состава фразеологических единиц; окказиональная актуализация фразеологической единицы, совершившаяся трансформациями структуры, компонентного состава и семантики фразеологической единицы.

Рассмотрим каждый из этих типов.

1. Узуальное применение фразеологизмов в художественной речи, при котором контекст реализует словарное значение фразеологической единицы без всяких трансформаций. Например, внесем в текст глагольную фразеологическую идиому *faire la navette*. *Elle faisait la navette, entre l'avenue et l'hôpital, quelquefois même partant directement de chez elle pour rejoindre le cortège aux portes de Paris* [6].

Ситуация актуализации такой фразеологической единицы соответствует ее нормативной дистрибуции. Определение фразеологизма *faire la navette*, *aller et venir continuellement entre deux lieux déterminés* [7] и пример, представленный в словарной статье – *sa profession l'obligea à faire la navette entre Tours et Paris* – подчеркивают на пространственную локализацию действия и наличие деятельного агента действия, «лица».

В отношении стилистического аспекта значения анализируемой единицы, то он показан экспрессивностью, которая установлена на способности компонента

navette формировать в сознании носителей языка действительное представление о предмете.

2. Окказиональная актуализация фразеологизмов, не связанная с трансформациями структуры и компонентного состава фразеологической единицы, но расположенная под воздействием лексического окружения к изменениям семантики фразеологической единицы. В следующем примере семантическая трансформация фразеологической единицы в ходе ее актуализации подвергает к созданию окказионального омонима при наличии формы опорного фразеологизма: – *Ah, s'éciait cet homme bon, mais aveugle par Richelieu et qui, de toutes façons, voyait rouge, - ah! vous me passez sur la ventre. Et bien, soit. Dübrouillez-vous* [6].

В подобном случае появляется новое фразеологическое значение опорной узуальной фразеологической единицы вследствие дефразеологизации и ее семантического взаимодействия со словосочетанием *aveuglé par Richelieu* и, в основном, под влиянием тематического контекста; епископу, мечтающему о политической карьере, не дает покоя красная мантия кардинала Ришелье, которому принадлежала неограниченная политическая власть при Людовике XIII. Параллельно осуществляется и узуальное системно-языковое значение фразеологизма *voir rouge*. Семантическим катализатором данного значения является макроконтэкст, который демонстрирует состояние крайнего раздражения епископа *s'écrier* и фразеологической единицы *passer sur la ventre de qn*.

Семантическая трансформация фразеологических единиц объединена с процессом их дефразеологизации в речи, с увеличением семантической автономности их компонентов, что имеется в основе различных явлений: трансформация денотативно-сигнификативного и эмоционально-оценочного компонентов значения фразеологических единиц; формирование омонимичных фразеологических единиц. Все это представляет собой итог взаимодействия фразеологических единиц с лексическими единицами на синтагматической оси.

Совмещение узуального фразеологизма и его окказионального омонима в одном фразеупотреблении формирует обусловленный стилистический эффект, ко-

торый происходит в результате пластичности образов вместе с той информацией, которая содержится в тематическом контексте, а именно – ничтожность фигуры епископа по сравнению с могущественным кардиналом Рипелье. Фразеологизм, входя в систему выразительных средств художественного произведения, несет на себе печать художественной образности, определённую целостностью произведения как эстетического объекта. Взаимодействие фразеологической единицы с лексическим окружением может привести к одновременной актуализации двух значений одного из элементов контекста и обновлению внутренней формы фразеологизма:

Mon oncle Benjamin, s'il devait succomber, ne voulait pas s'en aller l'estomac vide. Il disait qu'une vme qui arrivait entre deux vins au tribunal de Dieu a plus de hardiesse et plaide bien mieux sa cause qu'une pauvre vme qui est pleine de tisane et d'eau sucrée [8].

В результате семантического взаимодействия лексемы *vme* со словосочетанием *tribunal de Dieu* и благодаря тому, что речь идет о «страшном суде», возникает осуществление значения *vme* – *principe spirituel de l'homme...* [9].

С другой стороны, взаимодействие лексемы *vme* с фразеологизмом *entre deux vins* и словосочетаниями *please de tisane* и *pleine d'eau sucrée* приводит к реализации второго значения слова *vme* – *ktre humain, personne vivante* [9].

3. Окказиональная актуализация фразеологической единицы, происходящая параллельно с трансформациями структуры, компонентного состава и семантики фразеологизмов.

Данный вид актуализации многообразен, здесь рассматриваются различные виды трансформации фразеологизмов (замена компонентов фразеологической единицы, вхождение, двойная актуализация и т. д.). Подобные процессы при актуализации фразеологической единицы присущи и для фразеологии французского языка. Рассмотрим пример окказионального калькирования в семантическом отношении вследствие того, что во французском языке присутствует фразеологическая единица с близким данной кальке значением – *il y a un cadaver entre eux: ... Cela n'avait pas d'importance. Chaque famille, comme dissent les Anglais, a « son cadaver dans*

l'armoire». ...*Il y avait « un cadaver dans l'armoire » depuis de longues années, et c'était la vieille dame qui s'était chargée du nettoyage, comme ces grands-mamans qui ne peuvent supporter de saleté dans la maison* [10].

Касаемо узуализации данного фразеологизма во французском языке, следует сказать, что кроме формального аспекта: графического, грамматического, фонетического, ассимиляция содержит и семантическую базу. Оно выражается в отборе французским языком лексемы *cadavre*. Выбор такой лексемы объясняется ее значимостью в лексико-семантической системе в парадигматическом отношении и, главным образом, фразеобразовательной активностью и потенциальной семантической автономностью компонента *cadavre* в составе указанных фразеологических единиц.

Стилистическая функция рассматриваемой фразеологической единицы состоит не только в экспрессивности, но и в реализации кольцевого соединения (заглавие главы, последний абзац, финальной главы и т. д.). В этом и заключается текстообразующая функция фразеологизма *un cadavre dans l'armoire*, который вместе с иными выразительными языковыми средствами принимает участие в организации экспрессивности и оценочности текста произведения.

Актуализация фразеологической единицы, соединённая с изменениями ее формальной структуры и значения: *Madame Valiche voyait dans cette guerre confuse une excellente eau trouble, une pèche miraculeuse aux rücompenses... Elle joignait a ce mobile un goüt maladif pour l'atroce* [6].

Фразеологическая единица *pkcher en eau trouble* – *profiter d'un düsordre ou susciter des embarras pour en tirer profit; faire des profits par des moyens secrets et peu honorables* [7] представляет собой рациональную идиому, в котором все компоненты полностью модифицированы.

Приведем пример в качестве иллюстрации окказионального по форме и по содержанию фразеологизма. *Les voyages devenaient beaucoup moins simples. Ce convoi fantöme agazait, mais expürimentait gratuitement. On ne le supprimait donc pas ; on mettait des bөtons dans les roues. Guillaume continuait d'өfter ces bөtons. L'hөpital s'accrochait a lui comme a une bouöe...* [6].

Возобновление внутренней формы рассматриваемого фразеологизма возникает благодаря взаимодействию лексического окружения, в частности, за счет взаимодействия лексемы *convoi* со словом *roues*, представляющим компонентом фразеологической единицы *mettre ces bbttons dans les roues*.

Образование окказиональной фразеологической единицы *fter ces bbttons*, показывающей образ узуальной фразеологической единицы *mettre des bbttons dans les roues*, опирается, как нам представляется, на отмеченное оживление внутренней формы фразеологизма. В итоге подобного оживления происходит некий изоморфизм плана выражения и плана содержания фразеологической единицы, что дает возможность внесения компонента *batons* в контекст *fter ces bbttons* и фразеологизацию указанного словосочетания по аналогии с языковой фразеологической единицей.

Рассмотренные нами три типа актуализации представляют собой попытку типизации приемов внесения фразеологических единиц в текст художественного произведения.

Итак, очевидно образование окказиональной единицы при помощи конкретизации образа опорной фразеологической единицы и оживления ее внутренней формы на основе семантической вычленяемости компонента. На основании проведенного нами анализа фактического материала можно сделать некоторые выводы:

1. Итоги взаимодействия фразеологизма с единицами лексического окружения на синтагматической оси представляет собой трансформацию денотативно-сигнификативного и эмоционально-

оценочного компонентов значения фразеологических единиц;

2. Вычленение в самостоятельное функционирование группы компонентов фразеологических единиц может быть благодаря семантической членимости опорного фразеологизма.

3. Фразеологические единицы, входя в состав выразительных средств художественного произведения, реализуют определенный вклад в развитие художественных образов, сталкиваясь параллельно их влиянию, что подразумевает целостность произведения как эстетического объекта.

Заключение

На основании полученных результатов нам удалось определить способы актуализации фразеологических единиц на базе трех основных типов: узуальная актуализация фразеологизмов; окказиональная актуализация фразеологических единиц, не сопровождающаяся трансформацией структуры и лексического состава фразеологических единиц, или единиц вербального окружения; окказиональная актуализация фразеологических единиц, сопровождающаяся изменениями структуры, компонентного состава и семантики фразеологических единиц.

Взаимодействие фразеологических единиц с лексическим окружением может привести к одновременной актуализации двух значений одного из элементов контекста и восстановлению внутренней формы фразеологизма.

Таким образом, фразеологизм, включаясь в систему выразительных средств художественного произведения, несет на себе печать художественной образности, обусловленную целостностью произведения как эстетического объекта.

Список источников

1. Назарян А. Г. Фразеология современного французского языка. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Высшая школа, 1987. 287 с.
2. Соколова Г. Г. О некоторых особенностях функционирования вербальных фразеологических единиц // Лингвистика и проблемы стилистики: сб. тр. науч.-практич. конф. Л. 1977. С. 46-49.
3. Хованская З. И. Принципы анализа художественной речи и литературного произведения. Саратов: Изд-во Саратовского института, 1975. 429 с.
4. Булаева Н. Е., Давыдова М. М. Окказиональные преобразования фразеологических единиц // Liberal Arts in Russia. 2018. Т. 7. № 6.

References

1. Nazaryan AG. Phraseology of the modern French language. 2nd ed., revised and enlarged. Moscow: Vysshaya shkola, 1987:287. (In Russ)
2. Sokolova GG. On some features of the functioning of verbal phraseological units. *Linguistics and Problems of Style: Proceedings of the Scientific and Practical Conference*. Leningrad, 1977:46-49. (In Russ)
3. Khovanskaya ZI. Analysis principles of artistic speech and literary work. Saratov: Saratov Institute, 1975:429. (In Russ)
4. Bulaeva NE, Davydova MM. Occasional transformations of phraseological units. *Liberal Arts in Russia*. 2018;7(6):482-489. (In Russ)

C. 482-489.

5. Болдырева Л. М. Стилистические особенности функционирования фразеологизмов: автореферат дис. на соискание учен. степени канд. филол. наук. М, 1967. 27 с.

6. Cocteau J. Thomas l'imposteur. New York: Macmillan, 1964:138.

7. Dubois J. Dictionnaire de la langue française: Lexis. Paris: Larousse, 1992: 2109.

8. Tilier C. Mon oncle Benjamin. Create Space Independent Publishing Platform, 2015:260.

9. Robert P. Le petit Robert = Petit Robert 2014: dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. Paris: Le Robert, 2013: 2837.

Simenon G. Maigret se fâche. Paris: Le Livre de poche, 2010:160.

5. Boldyreva LM. Stylistic Features of the Phraseologisms Functioning: Author's abstract of Ph.D. (Philology). Moscow, 1967:27. (In Russ)

6. Cocteau J. Thomas l'imposteur. New York: Macmillan, 1964:138.

7. Dubois J. Dictionnaire de la langue française: Lexis. Paris: Larousse, 1992: 2109.

8. Tilier C. Mon oncle Benjamin. Create Space Independent Publishing Platform, 2015:260.

9. Robert P. Le petit Robert = Petit Robert 2014: dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. Paris: Le Robert, 2013: 2837.

10. Simenon G. Maigret se fâche. Paris: Le Livre de poche, 2010:160.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Принадлежность к организации

Казбеков Артур Казбекович, кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской и восточных языков и методики преподавания, Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова, Махачкала, santex80@mail.ru

Мурадханова Теллиханум Исмихановна, кандидат филологических наук, профессор кафедры романо-германских и восточных языков и методики преподавания, Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова, tellikhanum@mail.ru

Критерии авторства

Мурадханова Т. И. предложила проанализировать актуализацию фразеологических единиц в художественной речи, определила цели и задачи статьи. Казбеков А. К. – редактирование статьи, подбор материала из художественных произведений, обзор литературных источников.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 04.06.2024
Одобрена после рецензирования 27.09.2024
Принята к публикации 17.11.2024

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Affiliations

Artur K. Kazbekov, Ph.D., Associate Professor, Department of Roman-Germanic and Oriental Languages and Teaching Methods, Gamzatov Dagestan State Pedagogical University, Makhachkala, santex80@mail.ru

Tellikhanum I. Muradkhanova, Ph.D., Professor, Department of Roman-Germanic and Oriental Languages and Teaching Methods, Gamzatov Dagestan State Pedagogical University, Makhachkala, tellikhanum@mail.ru

Contribution of the authors

Muradkhanova T. I. proposed to analyze the actualization of phraseological units in artistic speech, determined the aims and objectives of the article. Kazbekov A. K. edited the article, selected the material from works of art, reviewed literary sources.

Conflict of interest

The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 04.06.2024
Approved after reviewing 27.09.2024
Accepted for publication 17.11.2024

Языкознание / Linguistics
Оригинальная статья / Original Article
УДК 811.13
DOI: 10.31161/1995-0667-2024-18-4-81-86
EDN: UPPVEQ

Союз *mais* в современном французском языке и его соотношение с наречиями противительной семантики

© 2024 Мурадханова Т. И.✉, Казбеков А. К.

Дагестанский государственный педагогический университет им. П. Гамзатова
Махачкала, Россия, tellikhanum@mail.ru✉; santex80@mail.ru

РЕЗЮМЕ. В статье рассматривается союз *mais* в современном французском языке и его соотношение с наречиями. Проблема связей сочинительных союзов с союзными наречиями является дискуссионной. Рассматриваются различные точки зрения известных лингвистов по данному вопросу. **Целью** данного исследования является установление на основе комплексного анализа семантических признаков противительных союзов в современном французском языке; определение статуса сочинительных союзов, признаков противительных союзов в предложении, выявление функций, специфичных противительным наречиям. В работе использованы следующие **методы**: описательный, метод обобщения, контекстуальный и функциональный анализ. **Результаты.** Употребление союза *mais* и противительных союзных наречий представляет собой средства реализации противительных связей, использование союза или наречия не влияет на структуру вводимых предложений. **Выводы.** Проанализированный материал позволил нам сделать выводы о том, что сочинительный союз *mais* и противительные наречия в художественных текстах дал возможность выявить основные признаки данного класса связующих средств в реализации текстообразующей функции и определить специфические особенности этой реализации в каждом функциональном стиле отдельно. Во французском языке единственный союз *mais* выполняет противительную функцию.

Ключевые слова: союз, союзные наречия, сочинительные союзы, сложносочиненное предложение, сложноподчиненное предложение, функции, формальные и семантические критерии, компоненты.

Формат цитирования: Мурадханова Т. И., Казбеков А. К. Союз *mais* в современном французском языке и его соотношение с наречиями противительной семантики // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2024. Т. 18. № 4. С. 81-86. DOI: 10.31161/1995-0667-2024-18-4-81-86. EDN: UPPVEQ

The Conjunction *mais* in Modern French and its Relationship with Adverbs of Adversative Semantics

© 2024 Tellikhanum I. Muradkhanova✉, Artur K. Kazbekov
Gamzatov Dagestan State Pedagogical University
Makhachkala, Russia, tellikhanum@mail.ru✉; santex80@mail.ru

ABSTRACT. The paper deals with the conjunction *mais* in modern French and its relationship with adverbs. The connections problem of coordinating conjunctions with union adverbs is debatable. Various points of view of famous linguists on this issue are considered. The **aim** of the paper is to establish the semantic features of adversative conjunctions in modern French using a comprehensive analysis; to determine the status of coordinating conjunctions, the features of adversative conjunctions in a sentence, to identify the functions specific to adversative adverbs. The following **methods** were used in the work: descriptive, generalization method, contextual and functional analysis. **Results.** The use of the conjunction *mais* and adversative adverbs is a means of implementing adversative connections; the use of a conjunction or adverb does not affect the structure of the sentences being introduced. **Conclusions.** The analyzed material leads to the conclusion that the coordinating conjunction *mais* and adversative adverbs in artistic texts made it possible to identify the main features for this class of connecting means in the implementa-

tion of the text-forming function and to determine the specific features of this implementation in each functional style separately. In French the only conjunction *mais* performs the adversative function.

Keywords: conjunction, conjunctive adverbs, coordinating conjunctions, compound sentence, complex sentence, functions, formal and semantic criteria, components.

For citation: Muradkhanova TI, Kazbekov AK. The Conjunction *mais* in Modern French and its Relationship with Adverbs of Adversative Semantics. *Dagestan State Pedagogical University Journal. Social and Humanitarian Sciences*. 2024;18(4):81-86. (In Russ). DOI: 10.31161/1995-0667-2024-18-4-81-86. EDN: UPPVEQ

Введение

В данной статье авторы делают попытку определить роль союза *mais* в современном французском языке и его соотношение с наречиями противительной семантики; определить статус сочинительных союзов, выявить функции специфичные противительным союзам, определить признаки противительных союзов в предложении.

В современном французском языке противительные связи занимают независимое место в системе синтаксических отношений. Мы пытаемся рассмотреть в статье союз *mais* в предложении как средство выражения противительных отношений. Параллельно с этим союзом рассматриваются и противительные союзные наречия, которые реализуют функцию связи и образуют комплект объединяющих средств, соответственно союзу *mais*.

Наряду с противительными союзами имеются, например, такие, как *cependant*, *au contraire*, *pourtant*; противительно-уступительные союзные наречия *d'ailleurs*, *du reste* и т. д.

Следует отметить, что проблема отношений сочинительных союзов с союзными наречиями является дискуссионным вопросом среди лингвистов. Среди союзов и союзных наречий наблюдается тесная связь, отмеченная в названиях, приобретенных наречиями в союзной функции “*adverbes de liaison*”, “*conjonctions adverbiales*”. Такие лингвисты, как М. Гревис [1], А. Боннар [2] включают союзные наречия в класс союзов.

На уровне связей самостоятельных предложений возникают некоторые сложности при установлении предела между союзами и союзными наречиями. Объясняется это местом сочинительного союза в начальной позиции, являющейся искусственной. Кроме этого, это также объясняется местом сочинения, т. е. границей самой сочинительной связи: лимитируется союз в рамках одного предложения или не ограничивается. Касательно границы

сочинительного союза рассматриваются различные точки зрения места сочинительного союза в начале простого предложения.

Целью исследования является анализ сочинительного союза *mais* во французском языке и его соотношение с наречиями противительной семантики.

Задачи исследования:

- установить признаки сочинительного союза *mais* на уровне предложения;
- выявить функции противительных наречий;
- показать их статус функционирования в тексте.

Материалы и методы исследования

Материалом исследования послужили примеры из художественных произведений французских писателей. Как показал фактический материал, во французском языке союз *mais* является единственным противительным союзом. Присоединительный союз *mais* осуществляет в предложении вводящую или присоединительную функцию.

При исследовании данного вопроса нами применялись следующие методы: метод контекстуального анализа, описательный метод, функциональный анализ.

Ряд исследователей, которые уменьшают рамки действия сочинительной связи в области одного предложения, считают, что сочинительный союз в начале независимого предложения трансформирует свою грамматическую природу, становясь наречием. Такая точка зрения присуща французским функционалистам [1].

Иная точка зрения по данному вопросу у других известных отечественных и зарубежных лингвистов: Н. М. Васильева [3], В. А. Зыкова [4], Ж. Антуан [5], подтверждающие, что сочинительная связь обладает общим характером и имеет значительную сферу действия. Единицы, устанавливающие отношения между сочинениями могут быть разными элементами как в границах одной фразы, так и за ее пределами. Однако всякая синтаксическая

структура с сочинительной связью имеет характерные особенности. Следует отметить, что сочинительный союз получает ряд характерных признаков в начале независимого предложения. Что касается его грамматического места, то оно не меняется, изменяется лишь функциональная нагрузка. Если вначале независимого предложения он осуществляет вводящую функцию, то в сложноподчиненном предложении сочинительный союз реализует сочинительную функцию.

Употребление сочинительного союза во вводящей функции взаимосвязана с вопросом присоединения. По отношению трактовки категории присоединения у исследователей нет единого мнения. Одни рассматривают присоединение как тип синтаксической связи, другие рассматривают присоединение как неравномерная связь между компонентами, разграниченными друг от друга долгой паузой, а на письме при помощи точки [6; 7]. Другие рассматривают присоединение с точки зрения смысловых связей [8].

Следует отметить, что оба присоединения характеризуются недочетами, поскольку учитывать лишь один формальный признак или семантический критерий считается неаргументированным. Желательно учитывать и семантический и формальный критерии для рассмотрения подобного явления.

Рассматривая письменные тексты, следует обратить внимание на имеющиеся в нем пунктуационные знаки, например, с точкой, представляющей собой границу между независимыми предложениями.

Исходя из этого, необходимо анализировать присоединение как вид сочинительной связи на уровне самостоятельных предложений и объединение грамматически и структурно автономных, однако семантически самостоятельных друг с другом предложений. Сочинительный же союз является условием смысловой связи, находящийся между предложениями, он сравнивает содержание второго предложения с предыдущим. На первом этапе это не присоединительная функция союза, а функция демонстрации логико-смысловых связей [9].

Результаты и их обсуждение

В начале независимого предложения действие союза *mais* имеет свою особенность, как и функционирование противи-

тельных союзных наречий в похожих ситуациях.

Дифференциация между союзом *mais* и противительными союзными наречиями обнаруживаются в основном в плане семантики.

Парадигматическое значение союза *mais* показывает исключительно абстрактное значение противительности, имеется ввиду противопоставления, выявление различных признаков у фактов, предметов, явлений.

Например: *Il attend qu'une rame tombe a l'eau. Mais Mary ne les lève pas* [10]. В этом примере показано собственно-противительное значение. Противопоставляются два факта: *Он ждет, что весло упадет в воду. Но Мери их не роняет.*

Союз *mais* может употребляться и в функции формальной связки. Например: *Evidement, 120 franc par mois? Ce n'est pas trus lourd? Mais croyez-vous que vous pourrez continuer a les verser?* [10].

Факты, фиксированные в предложениях, не кажутся противопоставленными. В данном примере значение противительности союза *mais* уменьшается. Союз *mais* получает другое значение: он связывает предложения, осуществляя незаметный переход от одного к другому, и в подобном случае возможно опущение союза. В этом случае смысл высказывания не меняется, однако постепенного перехода от одного выражения к другому не будет.

В определенных ситуациях союз *mais* трактуется уступительно-противительные, причинно-противительные значения внутри противительных связей. Например:

1. *C'est elle. Mais elle a ce visage étrange et terrifiant des ktres que la mort habite depuis longtemps* [10].

2. *Toutes les fermes et toutes les campagnes du monde ne se ressemblent pas. Mais les cultivateurs, eux, se ressemblent* [10].

3. *Si Charlotte voulait faire attention a elle, elle serait belle. Mais elle s'en fiche complètement* [12].

4. *Ta mure a été maladroite et peut-être qu'elle ne t'a pas aimée comme tu le voudrais* [12].

5. *Je serais volontiers parti, moi aussi. Mais je suis responsable du trésor de l'expédition* [13].

В первом примере значение союза *mais* увеличивается уступительным значением, обусловленный из контекста. Во втором предложении, вводимом союзом *mais*, есть сообщение, имеющее место в придаточ-

ном уступительном предложении. Значение противительного союза примерно к уступительному. Во втором примере союз *mais* выражает противительно-ограничительное значение.

В третьем и четвертом примерах значение противопоставления союза *mais* восполняется значением возмещения. Первое предложение третьего примера говорит о положительном явлении – *Шарлотта могла бы быть красивой*, а второе о сопровождающем ему отрицательном – *ей на это наплевать*. В четвертом примере, наоборот, в первом предложении – негативная информация; *мать не любила девочку, так как она того бы хотела*, а во втором – положительная: *мать – это еще не вся вселенная*. В пятом примере союз *mais* содержит причинно-противительный оттенок значения. О запланированном, но не реализовавшемся действии идет речь в первом предложении: *я бы тоже с удовольствием уехал*, а во втором указывается причина, препятствующая осуществлению данного действия: *я ответственен за кассу экспедиции*.

Таким образом, противительный союз *mais* употребляется для выражения общепротивительных связей, дополнительные же значения возникают только в конкретном контексте и нехарактерно союзу *mais* на уровне парадигматики.

Что касается значения противительных союзных наречий, то оно не зависит от контекста. Они содержат определенное лексическое содержание, значение которого находится уже во внутренней семантике того или иного союзного наречия. Противительные наречия необходимы для связи отношений между компонентами общего, уступительного, возмещительного и ограничительного противопоставления. Например:

1. *Il paraît qu'il de plus en plus camû. Pourtant dans la journûe il travaille comme saute-ruisseau* [12]. Наречие *pourtant* выражает отношение общего противопоставления.

2. *Il ne demande le nom de personne. Je ne parle que s'ils me parlent. D'ailleurs j'aime leur prûsence* [12]. В наречии *d'ailleurs* заложено значение уступительности.

3. *Je sus ainsi rapidement que les fleurs artificielles? les angelots fessus de porcelaine...c'ûtait bon pour « les ûpiciers enrichis». Par contre, la simplicitû dans la splendeur, la dalle de marbre rare avec une croix sans fioritures, za, c'ûtait beau et discret* [12].

Наречие *par contre* содержит дополнительный оттенок значения – возмещения. Нет противопоставления позитивного – негативного фактов, значение возмещения передается с помощью наречия.

4. *Les fktes de nuit sont supprimûes. Seulement quelques avis qui viennent dans la soirûe, qui restent doner avec nous, bavardent* [12].

Употребление *seulement* показывает, что между предложениями осуществляются отношения со значением ограничительно-го противопоставления.

Анализируя примеры, мы видим, что определенное наречие используется для выражения конкретного значения и данное значение не установлено окружением наречия. Союзные наречия сами заявляют связи между предложениями (логико-семантический характер). Этим и различаются проявительные союзные наречия от союза *mais*.

Отличия между сочинительными союзами и союзными наречиями на уровне сложносочиненного предложения выражаются в том, что при противительном союзном наречии обязательно употребление личного субъектного местоимения, когда отсутствует именное подлежащее, а при союзе *mais* возможно отсутствие подлежащего во втором компоненте сложносочиненного предложения [11]. Например: *Charlotte n'a rien manifestû mais n'a pas paru affectûe* [12].

На уровне связи самостоятельных предложений такая дифференциация не оправданно на уровне связи самостоятельных предложений, поскольку отсутствие личного субъектного местоимения представляется отличительным признаком как раз сложносочиненного предложения, а предложение после точки не может рассматриваться как компонент сложносочиненного предложения.

Необходимо отметить, что в структуре предложений, вводимых союзом *mais* и противительными союзными наречиями, не наблюдается различие.

Например:

1. *Et puis, maman. Le gosse est mort, c'est vachement triste. Mais il y a tellement de gens qui cruvent dans le monde* [12].

2. *C'est humain, monsieur le prûsident, un enfant n'est pas responsable. Mais quand j'ai vu cet enfant qui ressemble tant a son pure, Dieu, j'ai regrettû d'ktre venue* [13].

3. *Elle avait toujours niû, mais je n'ûtait pas sûr. D'ailleurs, j'ai dû la protûger pendant la guerre* [13].

4. *Tandis que Phéronne c'est fantastique, c'est sublime, super-beau. Seulement quand tu descends tu tombes dans une dépression terrible* [12].

В данном случае и союз *mais*, и противительные наречия *seulement* и *pourtant* вводят одинаковые по структуре предложения: в первом и третьем примерах – двусоставные повествовательные предложения, а во втором и четвертом – сложноподчиненные предложения времени.

Таким образом, союз *mais* и противительные союзные наречия являются средствами реализации противительных отношений. Употребление союза или наречия не воздействует на структуру вводимых ими предложений. Однако то обстоятельство, что функционирование союза *mais* и противительных союзных наречий дифференцируются как в семантическом, так и в синтаксическом планах, свидетельствует, что это два различных класса слов, т. е. союз не переходит в наречие, а союзное наречие не переходит в сочинительный союз. Употребление каждого из этих классов слов имеет свои специфические особенности.

Проанализированные нами союз *mais* и союзные наречия показали, что союз *mais* и противительные союзные наречия являются средствами противительных связей. Противительный союз *mais* принимает участие в образовании отдельных конструкций. Специфической характеристикой союза является сильно подчеркнутая стилистическая функция. Союз *mais* в стилистической функции сообщает раз-

ные эмоциональные оттенки значения удивления, возмущения и т. д. Важнейшими типами семантических связей, определенных союзными наречиями, представляются отношения противопоставления.

Заключение

Итак, анализируемый материал показал, что союз *mais* представляет собой союз обширной семантики, позволяющий формировать противительные отношения в пределах сложного предложения. Союз *mais* находится на особом месте среди противительных союзов и наречий.

На основании полученных результатов нам удалось установить, что сочинительный союз *mais* и противительные наречия в художественных текстах обладают признаками связующих средств. Определены характерные особенности в каждом функциональном стиле. Реализация союзными наречиями текстообразующей функции осуществляется не только на семантическом уровне, но и на уровне структурном, то есть рассматриваемые элементы, связывая обусловленные компоненты, определяют отношения семантического характера и структурного типа. При анализе сочинительного союза *mais* определены значения соположения однопорядковых с точки зрения говорящего сущностей, антонимичное значение соположения разнопорядковых сущностей, которое проявляется в противительных связях, осуществляемых союзом *mais*.

Список литературы

1. Grevisse M. Le bon usage. 12. éd. Duclot, 1986:1768.
2. Bonnard H. Grammaire française des lycées et collèges. Sudel, 1971:280.
3. Васильева Н. М. К вопросу о границах синтаксических единиц на материале сложносочиненного предложения // Вопросы теории современного французского языка. М.: МОПИ им. Н. К. Крупской, 1972. С. 14-18.
4. Зыкова В. А. Грамматический статус и семантико-стилистические функции сочинительного союза в абсолютном начале предложения: (на материале союза ET в составе диалогических единств современного французского языка): дис. ... канд. филол. наук. М., 1999. 56 с.
5. Antoine G. La coordination en français. Paris: d'Artrey, 1959:700.
6. Кудрявцева Н. Б. Синтактико-семантическое описание противительных конструкций в современном французском языке: дис.

References

1. Grevisse M. Le bon usage. 12. éd. Duclot, 1986:1768.
2. Bonnard H. Grammaire française des lycées et collèges. Sudel, 1971:280.
3. Vasilyeva NM. On the issue of the boundaries of syntactic units based on the material of a compound sentence. *Issues of Modern French Theory*. Moscow: N. K. Krupskaya MOPI, 1972 :14-18. (In Russ)
4. Zykova VA. Grammatical status and semantic-stylistic functions of the coordinating conjunction at the absolute beginning of a sentence: (based on the conjunction ET in the dialogic unities of modern French): Ph.D. thesis (Philology). Moscow, 1999:56. (In Russ)
5. Antoine G. La coordination en français. Paris: d'Artrey, 1959:700.
6. Kudryavtseva NB. Syntactic-semantic description of adversative constructions in modern French: Ph.D. thesis (Philology). Moscow,

... канд. филол. наук. М., 1987. 175 с.

7. Беляева И. Ф. Изоморфизм межфразовых и внутрифразовых связей: на материале сложносочиненных предложений с союзом *and*, бессоюзных предложений и сверхфразовых единств с темпоральным значением в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1999. 26 с.

8. Реферовская Е. А. Синтаксис современного французского языка – Синтаксис французского языка: (сложное предложение). Л.: Наука, 1969. 237 с.

9. Прудникова А. М. Функционально-семантические признаки сочинительных союзов в начале предложения: на материале противительных союзов во французском и испанском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2002. 23 с.

10. Tilier C. *Mon oncle Benjamin*. Create Space Independent Publishing Platform, 2015:74.

11. Васильева Н. М. Структурно-семантические признаки предикативных единиц с сочинительной связью (на материале конструкций с «*mais*») // Функционально-семантическое изучение иностранных языков. 1983. С. 23-25.

12. Cardinal M. *La clé sur la porte*. Paris: Livre de Poche, 1972:246.

13. Bellemare P. Antoine J. *Les dossiers incroyables*. Paris: Le Livre de poche, 2015:283.

1987:175. (In Russ)

7. Belyaeva IF. Isomorphism of interphrase and intraphrase connections: based on compound sentences with the union *and*, non-union sentences and superphrase units with temporal meaning in modern English: Author's abstract of Ph.D. (Philology). Moscow, 1999:26. (In Russ)

8. Referovskaya E. A. *Syntax of modern French – Syntax of the French language: (complex sentence)*. Leningrad: Nauka, 1969:237. (In Russ)

9. Prudnikova AM. Functional and semantic features of coordinating conjunctions at the beginning of a sentence: based on adversative conjunctions in French and Spanish: Author's abstract of Ph.D. (Philology). Moscow, 2002:23. (In Russ)

10. Tilier C. *Mon oncle Benjamin*. Create Space Independent Publishing Platform, 2015:74.

11. Vasilyeva NM. Structural and semantic features of predicative units with a coordinating connection (based on constructions with "*mais*"). *Functional and Semantic Study of Foreign Languages*. 1983:23-25. (In Russ)

12. Cardinal M. *La clé sur la porte*. Paris: Livre de Poche, 1972:246.

Bellemare P. Antoine J. *Les dossiers incroyables*. Paris: Le Livre de poche, 2015:283.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Принадлежность к организации

Мурадханова Теллиханум Исмихановна, кандидат филологических наук, профессор кафедры романо-германских и восточных языков и методики преподавания, Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова, Махачкала, Россия, tellikhanum@mail.ru

Казбеков Артур Казбекович, кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германских и восточных языков и методики преподавания, Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова, santex80@mail.ru

Критерии авторства

Мурадханова Т. И. – цели и задачи работы, выводы и заключение; Казбеков А. К. – сбор фактического материала, коррекция статьи для подачи в редакцию, подготовка библиографии и перевода.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 04.06.2024
Одобрена после рецензирования 08.10.2024
Принята к публикации 09.12.2024

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Affiliations

Tellikhanum I. Muradkhanova, Ph.D. (Philology), Professor, Department of Romano-Germanic and Oriental Languages and Teaching Methods, Gamzatov Dagestan State Pedagogical University, tellikhanum@mail.ru

Artur K. Kazbekov, Ph.D. (Philology), Associate Professor, Department of Romano-Germanic and Oriental Languages and Teaching Methods, Gamzatov Dagestan State Pedagogical University, santex80@mail.ru

Contribution of the authors

Muradkhanova T. I. – aims and objectives of the paper, conclusions; Kazbekov A. K. – collection of factual material, correction of the paper for submission to the editor, preparation of bibliography and translation.

Conflict of interest

The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 04.06.2024
Approved after reviewing 08.10.2024
Accepted for publication 09.12.2024

Языкознание / Linguistics
Оригинальная статья / Original Article
УДК 811.161.1'37
DOI: 10.31161/1995-0667-2024-18-4-87-98
EDN: VDVKVZ

Особенности функционирования слова *мшелоимство* в русском языке

© 2024 Эльдарова Н. М.✉

Дагестанский государственный педагогический университет им. П. Гамзатова
Махачкала, Россия, eldarovan@mail.ru✉

РЕЗЮМЕ. Целью статьи является анализ семантико-стилистических особенностей функционирования слова *мшелоимство* в русском языке. **Методы.** Использовались методы компонентного анализа значения слова в толковых словарях, наблюдения за его функционированием в разных контекстах, опрос носителей языка, приемы лексикографического анализа, сплошной и направленной выборки текстового материала для изучения. Базу исследования составили примеры использования языковой единицы из Национального корпуса русского языка и баз данных электронного каталога Российской государственной библиотеки и Google Books. **Результаты.** Приводятся сведения об интересующем нас слове в лингвистических словарях, рассматриваются особенности его функционирования на материале произведений разных стилей и жанров. Определены ряды слов, близких и противоположных по значению, а также однокоренных анализируемому, представлен способ его образования. **Выводы.** Проведенное исследование позволило определить историю раннего литературного употребления слова *мшелоимство*, обогащение его значений и расширение функций в современной письменной речи, что может быть полезным при лексикографическом и стилистическом описании слова.

Ключевые слова: *мшелоимство*, имя существительное, религиозная лексика, православная лексика, религиозный стиль.

Формат цитирования: Эльдарова Н. М. Особенности функционирования слова *мшелоимство* в русском языке // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2024. Т. 18. № 4. С. 87-98. DOI: 10.31161/1995-0667-2024-18-4-87-98. EDN: VDVKVZ

Features of the Functioning of the Word *Msheloimstvo* in Russian

© 2024 Natalya M. Eldarova✉

Gamzatov Dagestan State Pedagogical University
Makhachkala, Russia, eldarovan@mail.ru✉

ABSTRACT. The aim of the paper is to analyze the semantic and stylistic features of the functioning of the word *msheloimstvo* in Russian. **Methods.** The methods of component analysis of the word's meaning in explanatory dictionaries, observation of its functioning in different contexts, interviewing native speakers, lexicographic analysis techniques, continuous and directed sampling of textual material for study were used. The research base was made up of examples of a language unit use from the National Corpus of Russian and the electronic catalog databases of the Russian State Library and Google Books. **Results.** It is given the information about the word of interest in linguistic dictionaries, the features of its functioning on the material of works in different styles and genres are considered, the series of words close to and opposite in meaning to the analyzed, single-root words are identified and the method of its formation is presented. **Conclusions.** The analysis made it possible to determine the history of the early literary use of the word *msheloimstvo*, the enrichment of its meanings and the expansion of functions in modern written speech, which can be useful in lexicographic and stylistic description of the word.

Keywords: *msheloimstvo*, noun, religious vocabulary, Orthodox vocabulary, religious style.

For citation: Eldarova NM. Features of the Functioning of the Word *Msheloimstvo* in Russian. *Dagestan State Pedagogical University Journal. Social and Humanitarian Sciences*. 2024;18(4):87-98. (In Russ). DOI: 10.31161/1995-0667-2024-18-4-87-98. EDN: VDVKVZ

Введение

Возросший интерес к конфессиональной культуре и литературе в нашей стране в последние десятилетия и активизация религиозного языка обусловили возвращение религиозной лексики в языковое сознание людей, восстановление ее в лексической системе русского языка.

В современной русистике немало работ посвящено исследованию церковно-религиозной лексики как подсистемы русского литературного языка [1; 2], как предмета лексикографического описания [3-5]. Учеными дается определение и классификация религиозной (церковной, христианской, православной) лексики, или религиознимов [6-8], описана семантика соответствующих единиц языка, их грамматические характеристики и коннотативный компонент на основе анализа употребления этих единиц в разном контексте [9; 10], разработаны принципы лексикографического описания и словари христианской лексики [11-14], обоснован религиозный стиль как книжный стиль русского языка [15-18] и др. Авторами подчеркивается, что религиозная, а именно русская православная, лексика является важной частью русской культуры и активно используется в современном русском языке [19, с. 168].

В религиозной лексике русского языка выделяются разные семантические группы, в том числе такая группа, как лексика христианской морали, включающая ряд названий страстей и грехов, или наименования-характеристики греховных качеств, страстей и состояний человека, отдаляющих его от Бога и Его Церкви (гордыня, злоба, распутство и др.) [20, с. 345]. В этот ряд входит *мшелоимство* – слово из вечерней покаянной молитвы, во время которой человек сбрасывает с себя груз накопленных за день грехов; один из них слово и обозначает. Молитвословы составлялись применительно к монашеской жизни. И *мшелоимство* – собирание монахом в своей келии ненужных ему в обиходе красивых, ценных предметов, накопительство – это тот грех, которого следует остерегаться монашествующим [21].

Слово *мшелоимство* не зафиксировано в толковых словарях современного русского языка, но вызывает интерес тем, что сегодня, встречаясь в русской речи и обозначая актуальное понятие и религиозного, и обыденного сознания, объективируется в системе и речевой деятельности носителей русского языка и входит в ряд тех слов, которые требуют, на наш взгляд, изучения.

Цель статьи – рассмотрение существительного *мшелоимство* как единицы языка и речи, определение особенностей его семантики, сферы употребления и стилистической окраски. В связи с этим решались задачи: провести анализ данных словарей, Национального корпуса русского языка, примеров из литературы разных стилей и жанров, определить особенности и обобщить характеристики анализируемого существительного. Результаты исследования могут внести вклад в изучение вопросов лексикологии, лексикографии и стилистики.

Материалы и методы исследования

Материал исследования отбирался из этимологического словаря русского языка, толковых словарей русского и церковнославянского языков, словарей религиозной лексики. Базу исследования составили примеры использования слова *мшелоимство* из Национального корпуса русского языка и данные ЭК РГБ и Google Books. Последние послужили инструментом для поиска по лексеме *мшелоимство* контекстов употребления искомого слова.

В работе использовались приемы лексикографического анализа слова, сплошной выборки материала из словарей и направленной выборки контекстов употребления интересующей нас единицы, что осуществлялось с помощью названных цифровых ресурсов. Методами послужили компонентный анализ значения интересующей нас лексемы, наблюдения за ее функционированием в разных контекстах, опрос носителей языка.

Национальный корпус русского языка отразил очень низкую частотность исследуемой единицы: всего 12 употреблений в разных корпусах. Опрос 122 человек – студентов ДГПУ им. Р. Гамзатова – пока-

зал, что значение анализируемого слова большинству опрошенных неизвестно (это можно объяснить и тем, что основной религией региона является ислам), только два участника опроса знают *мшелоимство* как страсть к покупке вещей.

Как указывалось выше, анализируемое слово не зафиксировано в известных академических толковых словарях современного русского литературного языка, но включено в словари прошлых веков.

В Лексиконе 1731 года, например, *мшелоимство* не вынесено как отдельное слово, но содержится однокоренной глагол *мшелоимствовати* в ряду синонимичных «лихвоимствовати, ростъ брати; лихвою прибытка искати» [22, с. 164].

В Словаре Академии Российской 1793 года *мшелоимство* определяется как «корыстолюбіе, сребролюбіе», приводятся и однокоренные слова: *мшель* с пометой *сл.* – «корысть, неправедный прибыльокъ»; *мшелоимный* – «корыстолюбивый», *мшелоимецъ* – «корыстолюбецъ; кто корысть неправедную взимаетъ» [23, ст. 348]; в качестве контекста употребления используется цитата из послания Апостола Павла к Тимофею на церковнославянском языке: «2. Подобаеть убо епископу быти непорочну ... 3. не пѣяницѣ, не бѣйцѣ, не сварливу, не мшелоимцу, но кротку [не завистливу,] не сребролюбцу» (1Тим. 3:3). В том же послании на русском языке слово *мшелоимство* переведено как *корыстолюбие*: «не пьяница, не бийца, не сварлив, не корыстолюбив, но тих, миролюбив, не сребролюбив».

С пометой *церк.* зафиксированы в словаре церковно-славянского и русского языка лексема *мшель* – корысть, неправедный прибыльок – и ряд однокоренных слов: *мшелоимец*, *мшелоимный*, *мшелоимство*, *мшелоимствовать*, *мшелолюбие* [24, с. 702].

В Словаре В. И. Даля *мшелоимство* отдельно не представлено, но есть слово *мшель* как «мзда, корысть» с пометой *церк.* и указание на производное *мшелоимство* [25, ст. 951].

Мшелоимство определяется как мздоимство, корыстолюбіе в Полном церковнославянском словаре [26, с. 321]; как лихоимство, злоимство в [27, с. 187]; как корыстолюбие, мздоимство, пристрастие к незаконному приобретению имущества в [28, с. 327].

По данным словарей, анализируемое слово происходит от слова *мшел* — «корысть» и обозначает в первую очередь корыстолюбие, вымогательство и взяточничество.

На другое значение слова – страсть к собирательству ненужных, хотя и привлекательных вещей – указывает святитель Игнатий (Брянчанинов): «Новоначальнымъ не должно заводить въ келліи мшелоимства, то есть различныхъ предметовъ прихоти и роскоши. Келейное мшелоимство привлекаеть къ себѣ умъ и сердце новоначального: такимъ образомъ отвлекаеть ихъ отъ Бога» [29, с. 18].

Согласно Панхроническому корпусу НКРЯ, ранняя фиксация анализируемого слова относится к текстам XVI в.: «Не та глаголю рукодѣлиа, что мшелоимства ради или ненасытящихся събраний богоневистных, – да не будет! – но нужныхъ ради потребъ монастырскихъ» (Житие Ферапонта Белозерского (1545-1555)); «Росты же и мшелоимства иудейские, и презрѣние убогихъ братьей, и гладом и мразом, и нуждами всяческими мучающихся, — кто можетъ сказати?» (Андрей Курбский. Второе послание Вассиану Муромцеву (1564-1583)). Другие примеры в НКРЯ – уже из текстов XXI века [30].

С помощью поисковика Google Books, как мы уже писали [31], а также ЭК РГБ было определено, что до XX в. слово *мшелоимство* используется в религиозной литературе разных жанров, где употребляется в обоих значениях. Например, в историческом очерке: «... Петербургскіе еѳодосѣвскіе наставники изъ-за “мшелоимства” крестили подобныхъ младенцевъ, и безъ превратительнаго расторженія единокровнаго сожитія родителей, и тѣмъ какъ-бы уполномочивали ихъ на новыя рожденія ...» [32, с. 309]; в эпистолярном жанре: «Поѣзжай, поѣзжай, буде Богъ тебѣ позоветъ, а мшелоимство искорени, нужное имѣй только» [33, с. 28]; в духовном завещании: «... Отнелиже бо прияхъ святый иноческій образъ и постригохся в Московской епархїи, в Николаевском Пешношскомъ монастыре, в тридесѣть третїе лето возраста моего и обещахъ Богови ницету, изволенную имети, от того времени даже до приближенія моего ко гробу не стяжахъ имения и мшелоимства, кроме книгъ и сорочекъ с карманными платками» [34]. Употребляется слово и в художе-

ственной литературе в религиозном контексте: «Оранжевые цветы – ведь это прихоть, роскошь, то самое мшелоимство, о котором сказано выше!» (Светлов В. Я. Пустынное сердце. Роман, 1829).

Вне религиозного контекста слово *мшелоимство* зафиксировано в публицистическом стиле: «Пора бы кинуть и эти, давно всем надоевшие, контroversии о том, что благороднее и приятнее, мшелоимство или взяточничество, резоимание или ростовщичество, скакание и клопотание или тайны, и т. п. [35, с. 312]; в научном стиле: «Наконец милое мшелоимство, которое колпаки и рекрутскія квитанціи, шоколадъ и сибирскій ремень, старое желѣзо и помаду, аттестаты и невѣсть, просфоры и право на издание книги или газеты, гробы и клистирныя трубки, все береть для перепродажи, все, подобно Миду, превращаетъ въ золото и снабжаетъ оборотливыхъ и экипажемъ, и полнымъ гардеробомъ» [по: 36, с. 96].

В работе конца XIX в., посвященной учебной религиозной литературе, содержится указание на то, что слово *мшелоимство* устарело, стало непонятным носителям русского языка и его следует заменить [37, с. 92]. Аналогичное мнение было высказано уже в XX в. «Пусть останутся, если хотят ревнители старого языка, такие слова как ножи, ружья, яки, очи и т. д. Они недоразумений не вызовут. Но зачем такие слова, как: коло, шинфа, гобзование, скокание, мшелоимство и т. д.?» [38, с. 104].

Результаты и их обсуждение

Материалы словарей и примеры из произведений, созданных до 20-х гг. XX в., показывают, что интересующее нас слово в основном использовалось для описания религиозной жизни и церковного быта в значениях 'обладание предметами прихоти и роскоши', 'обладание ненужными предметами', 'корыстолюбие, мздоимство' в произведениях разных жанров, обозначая один из грехов, иногда – не в религиозном контексте, для характеристики светской жизни, при этом допускается ирония, как в примере [36].

Употребление слова *мшелоимство* в советскую эпоху ограничивается работами, которые посвящены вопросам истории языка [27; 38; 39], ни в художественной литературе, ни в публицистике при-

меров не выявлено, что соответствует требованиям времени.

В постсоветский период, по возвращении религиозной лексики в активное употребление, анализируемое слово, несмотря на то что устаревшее, начинает возрождаться в русской речи и используется в своих основных значениях. Сегодня на православных интернет-ресурсах размещены словари и справочники, в которых раскрывается значение слова *мшелоимство*: корыстолюбие, взимание «мшела» — корысти, мздоимство [40]; греховная страсть, заключающаяся в стремлении приобретать все новые и новые вещи, без их видимой пользы для себя, собиранье ненужных вещей, болезненное вещьлюбие; разновидность страсти сребролюбия [41]; стремление к накопительству лишних, ненужных вещей и привязанности к ним; в ряде случаев – разного рода вымогательство и взяточничество [42]. То есть в религиозных словарях и справочниках литературе слово мшелоимство толкуется так же, как и в словарях и книгах XVII–XX вв.

В современной религиозной литературе разных жанров анализируемое слово чаще используется в значении порочной страсти к собиранью и накоплению ненужных вещей истинно верующими людьми (особенно монахами):

Другим проявлением мшелоимства является бессмысленное накопительство. Мы вечно что-то храним: баночки, бутылочки, крышечки, пробочки, тряпочки и пр., представляя собой чуть менее гротесковый вариант Плюшкина, которого можно считать самым ярким образом мшелоимца. (Калинина Г. Что играет мной? Беседы о страстях и борьбе с ними в современном мире, 2022).

Но каковы бы ни были личные предпочтения, надо помнить, что накопительство икон считается грехом (мшелоимство) [43, с. 327].

При этом *мшелоимство* начинает охватывать новые явления, приобретать новые формы, соответственно лексема обогащается новыми коннотациями, расширяет сочетаемость, в первую очередь атрибутивную:

Борюсь с грехом книжно-го мшелоимства, то есть с покупкой не очень-то нужных книг (Денис Драгунский, Фабрика прозы: записки наладчика, 2022).

Сегодня гораздо более распространенным становится **интеллектуальное** миелоимство — накопление в кладовых человеческой памяти любой информации. (Катасонов В. Ю. Философия и христианство. Полемические заметки «непрофессионала», 2017);

Миелоимство — страсть к выгоде, стремление набирать, держать что-либо при себе в своих целях, собирательство всего. Бывает:

– **физическое** (когда человек собирает вещи, предметы, даже если ими не пользуется «а вдруг пригодится»);

– **ментальное** (собрание знаний, информации на любой случай без практического применения. На всякий случай, или чтобы показаться интеллектуалом, мотивов много. Часто это происходит бессознательно, потому как век новых технологий, социальных сетей кого угодно перегрузит различной информацией);

– **духовное** (про Знания Высшего порядка, не делиться и не внедрять в своей жизни) (Жураковская Е. Книга Озарений. Внутренний мир, 2024).

Интересующее нас слово выходит за пределы религиозного контекста и употребляется в научной, учебной и эзотерической литературе, в обобщённом смысле обозначая болезненную страсть к вещам, иногда в медицинском аспекте.

Страсть к безудержному собирательству самых разных вещей была известна с древних времен. В церковнославянском языке у нее было своё название — миелоимство. В двадцать первом веке она приобрела новые формы. На жестком диске компьютера можно хранить терабайты информации. Скачанные книги, которые так и не были открыты и остались непрочитанными, скачанные фильмы... (Бермант-Полякова О., Романова И. Люди и судьбы. Сондиана в психологическом консультировании, 2017).

Реакции тревожности могут привести к различным формам принужденного поведения, которые невозможно произвольно предотвратить. Среди них такие ритуалы, как чрезмерные гигиенические меры мытьё рук, отказ от рукопожатий ... «вецизм-миелоимство» (необходимость коллекционировать, накапливать предметы), вера в волшебные мысли, многократная проверка действий, ипохондрия ... и т. д.

(Величко Мария. Сумасшествие. Миф и реальность. Психосоматика психических расстройств, 2020).

Затем было найдено слово, которое описывало непомерную страсть к обогащению — «потреблятство» ... В православии грех миелоимства издавна был известен, а в социалистическом обществе опасность жадности осознавалась идеологами правящей партии ... [44, с. 168].

Есть техника подкручивания, зачем тогда покупать гаджет ради гаджета, впадая в миелоимство и захламляя дом тем, без чего можно спокойно обойтись, если у вас есть знания и грамотные руки? (Бахтина А. Этикет под градусом. Все, что вы хотели знать о винном этикете, 2023).

Лексема мшелоимство фиксируется в публицистических и художественных текстах светской литературы, выполняя номинативные, экспрессивные, стилистические и смыслообразующие функции.

– Наступит время, они заплатят за выскомерие и миелоимство!

– Это вероотступничество, а не миелоимство, брат Хуго! — гремел Никола (Сорокин В. Теллурия, 2013).

А может быть, во всем повинна банальная скупость, для обозначения которой в русском языке есть сочное словечко «миелоимство»? (Будьте здоровы // «Знание — сила», 2011) [30].

Миелоимство — это тот же шопоголизм, просто в другом, современном обличье (Александрова Т. Посиделки на Дмитровке, 2017).

– Экий ты Плюшкин!

– Ага-ага, слово такое есть — «миелоимство» — собирание всякой всячины, вообще говоря, бесполезной, а в данном случае — всячины. Слово по мою душу. (Левандовский М. 13 сектор. Следствие против знатоков, 2016)

Пока Наум думал, что сказать, а что пока попридержать, Аделина вспоминала, как Сашка ругал ее за миелоимство, потом за отказ ехать к нотариусу (Лапшевская Беата. Мембраны, 2024).

Бедность была прописана у меня в подсознании. Это не миелоимство, это страх (Кетро Марта. Как поймать девочку, 2018).

У суонийцев миелоимство считается разновидностью тяжелого и грустного умопомешательства: что можно накопить, если по несколько раз в год приходится выскакивать из рушащегося дома, при-

хватив лишь узелок с самым ценным? (Четвертушкина Е. Нетленка. Жили-были мы, 2017).

Добавлю только, – гордыня гордыней, но и червь мшелоимства давно угнездился в отверженных душах (Рябых Валерий. Загадка Симфосия. Исторический детектив, 2013).

Единственной отрадой служило мшелоимство, и я умиротворенно перебирал в сознании стопки журнала «Звездочка», школьные пеналы и прочую рухлядь... (Уткин А. Вила Мандалина, 2019).

Мшелоимство – сущ., неодуш., ср. р. – входит в словообразовательное гнездо слов со славянским корнем *мшел-*: мшельный (прил.), мшелоимствовати (гл.), мшелоимный (прил.), мшелоим (сущ.), мшелоимец (сущ.), мшелолюбие (сущ.), мшелоискатель (сущ.), мшелоприбыток (сущ.), мшелособиратель (сущ.).

Слово образовано от сложной основы славянского происхождения: мшелоимъ → мшелоимство как лихоимъ → лихоимство; любодей → любодейство. Указывается, что религиозимы-субстантивы на -ств/о/ широко представлены в словарной системе русского языка XVIII в., образуя особый лексический пласт конфессиональной лексики [45, с. 61].

Синонимом слова *мшелоимство* служит слово *страсть*, по данным [46]. Проведенный анализ текстов разных веков и разных стилей позволил составить ряд слов, близких по смыслу слову *мшелоимство*: корыстолюбие, сребролюбие, мздоимство, мздоимание, лихоимство, злоимство, «взимание мшела», резоимство, резоимание, взяточничество, вымогательство, «скверностяжание», скверностяжательство, стяжательство, любостяжание, своекорыстие, прибыльток, ростовщичество, страсть к выгоде; страсть, пристрастие, накопительство, собирательство, вещелюбие, вещизм, лакомство, потребительство, шооголизм, умопомешательство, скупость, алчность, жадность и др.

Антонимами слова *мшелоимство* выступают слова *бескорыстие*, *немздоимство*, а также *юродство*, согласно [47, с. 119]: «Против мшелоимства во всех его проявлениях и выражали свой буйный протест юродивые. Не случайно отмечается их полнейшее пренебрежение вещами. С этим напрямую связано практически

полное отсутствие у юродивых каких бы то ни было предметов, вещей».

Итак, мшелоимство (соответствие в греческом – ἀσχροκερδία ‘позорная прибыль’) – это в первую очередь наименование греха корыстолюбия, мздоимства (взяточничества); «усилие получить прибыль от вещей низких и безчестных» и то, «если кто не упускает никакой для себя прибыли, откуда бы ни пришла она» [48]. Слово имеет другое значение – страсть к накоплению вещей прихоти и роскоши, ненужных вещей. Видимо, два толкования восходят к словам *мъшель* – *корысть* и *мъшель* – *вещь* [49, стлб. 214].

В настоящее время сфера употребления анализируемого слова расширяется. В религиозном контексте оно служит для обозначения порочной страсти, которая имеет формы взяток, подношений, собирания и накопления ненужных вещей верующими людьми. Вне религиозного контекста – наименованием болезненной склонности к накопительству вещей, покупкам, пристрастия к коллекционированию, хранению ненужных вещей, а также в медицинском аспекте – вида эмоциональной зависимости, тревожности личности.

Заключение

Славянизм *мшелоимство* относится к религиозной (православной) лексике и обслуживает в основном религиозную сферу жизни людей. Это устаревшее существительное в толковых словарях современного русского языка не зафиксировано, в НКРЯ представлено единичными примерами и мало знакомо носителям русского языка. Для объяснения значения этого слова в словарях церковной, православной лексики в основном используются слова *корыстолюбие*, *мздоимство*, *сребролюбие*. В значении страсти к накоплению лишних, ненужных вещей, покупкам служит для обозначения достаточно актуального явления, что обуславливает постепенное расширение сфер использования анализируемого слова. При этом существительное *мшелоимство*, обозначая грех, страсть, то, с чем человек должен бороться, приобретает в определенном контексте положительную и нейтральную оценку.

Итак, слово *мшелоимство*, относящееся к лексике православной культуры, имеет интересную историю раннего литературного употребления и выполняет в совре-

менной светской литературе номинативные, стилистические, смыслообразующие функции. Можно предположить, что оно возвратится в систему русского языка, так как является емким и удачным обозначением

содержания, необходимым языком на современном этапе, а также важным средством выражения традиционных ценностей, характерных для носителей русской лингвокультуры.

Список источников

1. Смирнова С. А. О понятии «церковная лексика» // Научный диалог. 2014. № 12(36). С. 84–97. EDN TOBIEХ
2. Бугаева И. В. Типология религиозной лексики в говорах старообрядцев Латинской Америки // Научный диалог. 2022. Т. 11. № 1. С. 9–27. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-1-9-27
3. Скляревская Г. Н. Лексика православия в современном русском языке: опыт лексикологического анализа и лексикографического описания // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2012. Т. 11. № 9. С. 36–40. EDN PNMERX
4. Давыденкова М. Э., Калужнина Н. В., Стриевская О. Л., Мазурина Н. К., Стриевская М. К. Словарь речений из богослужебных книг прот. А. И. Невоструева (мужатая – мврный) // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 3: Филология. 2018. № 56. С. 125–143. EDN YQNYNN. DOI: 10.15382/sturIII201856.125-143
5. Смолина А. Н. Русская христианская лексика духовно-нравственного содержания: краткий словарь (лексикографический проект) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Том 15. Вып. 4. С. 1092–1100. DOI: 10.30853/phil20220205
6. Тимофеев К. А. Религиозная лексика русского языка как выражение христианского мировоззрения. Новосибирск: [б. и.], 2001. 88 с. URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/timofeev-01.htm> (дата обращения: 20.09.2024)
7. Якимов П. А. Религиозная лексика — церковная лексика — библейская лексика: к вопросу о соотношении понятий // Вестник ОГУ. Онлайн. № 9(158). 2013. С. 66–68. URL: <http://vestnik.osu.ru/doc/1226/article/7244/lang/0> (дата обращения: 20.09.2024).
8. Урбанович Л. Н. Система работы с религиозными понятиями на уроках духовно-нравственной направленности // Вестник ПСТГУ. Серия IV: Педагогика. Психология. 2017. № 44. С. 11–19. DOI: 10.15382/sturIV201744.11-19
9. Михайлова Ю. Н. Религиозная православная лексика и ее судьба: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2004. 20 с.
10. Гончарова Т. В. Лексема «бес» в русском лингвокультурном пространстве (штрихи к лексикографическому портрету слова) // Роман Ф. М. Достоевского «Бесы» в контексте духовной традиции и «большого времени» русской культуры:

References

1. Smirnova SA. On the concept of “church vocabulary”. *Nauchnyi Dialog. Philology*, 2014: (12(36):84-97. (In Russ). EDN TOBIEХ
2. Bugaeva IV. Typology of religious vocabulary in dialects of old believers of Latin America. *Nauchnyi Dialog*, 2022(11(1):9-27. (In Russ). DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-1-9-27
3. Sklyarevskaya GN. The vocabulary of Orthodoxy in modern Russian: an experience of lexicological analysis and lexicographical description. *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo Universiteta, Seriya: Istoriiya, Filologiya*, 2012(11(9):36-40. (In Russ). EDN PNMERX
4. Davydenkova ME, Kaluzhnina NV, Strievskaya OL, Mazurina NK, Strievskaya MA. Dictionary of locutions from liturgical books by protopriest A. I. Nevostruiev (muzhataya – mvrny). *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo Gumanitarnogo Universiteta. Seriya III: Filologiya*, 2018(56):125-143. (In Russ). EDN YQNYNN. DOI: 10.15382/sturIII201856.125-143
5. Smolina AN. Russian Christian Vocabulary of Spiritual and Moral Content: A Short Dictionary (A Lexicographic Project). *Philology. Theory & Practice*, 2022(15(4):1092-1100. (In Russ). DOI: 10.30853/phil20220205
6. Timofeev KA. Religious vocabulary of the Russian language as an expression of the Christian worldview: a textbook. Novosibirsk, 2001:88. (In Russ). URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/timofeev-01.htm> (accessed: 20.09.2024)
7. Yakimov PA. Religious lexicon — church lexicon — bible lexicon: to the question on the parity of concepts. *Vestnik of Orenburg State University. On-line*, 2013(9(158):66-68. (In Russ). URL: <http://vestnik.osu.ru/doc/1226/article/7244/lang/0> (accessed: 20.09.2024)
8. Urbanovich L. The system of religious concepts in school classes of spiritual and moral orientation. *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo Gumanitarnogo Universiteta. Seriya IV: Pedagogika. Psihologiya*, 2017(44):11-19. (In Russ). DOI: 10.15382/sturIV201744
9. Mikhailova YuN. Religious Orthodox vocabulary and its fate: Author's abstract of Ph.D. (Philology). Yekaterinburg, 2004:20. (In Russ)
10. Goncharova TV. The Lexeme “Demon” in the Russian Linguocultural Space (Strokes to the Lexicographic Portrait of the Word). *Research of Russian Nationwide Scientific Conference “The novel*

матер. Всерос. научной конфер. (Липецк, 10–12 октября 2022 г.). Липецк: Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тянь-Шанского, 2022. С. 157–164. EDN QDZNXN

11. Добрушина Е. Р. Словарь христианской лексики: состав словника // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 3: Филология. 2012. № 3(29). С. 105–113. EDN PJBVJJ

12. Добрушина Е. Р., Польсков К., Литвинцева К. В., Хангиреев И. А. От «апостола» до «аутодафе»: фрагмент «Лингво-энциклопедического словаря русской христианской лексики» // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 3: Филология. 2012. № 3(29). С. 114–133. EDN PJBVJT

13. Складаревская Г. Н. Лексика современного русского православия: толково-энциклопедический словарь. СПб.: Контраст, 2016. 684 с.

14. Загоровская, О. В., Ипполитова И. С. Школьный словарь русской православной лексики духовно-нравственного содержания: принципы создания и особенности // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2017. № 2(275). С. 182–186. EDN YTPLMX

15. Крысин Л. П. Об одной лакуне в системе функциональных стилей современного русского языка // Русский язык в школе. 1994. № 3. С. 69–71. EDN SHLOEF

16. Крылова О. А. Церковно-религиозный стиль // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. М.: Флинта; Наука, 2003. С. 612–616. URL: http://mgmtmo.ru/edumat/GES/lit_ru/Kozhina_stylistic_encyclopedia_dictionary.pdf (дата обращения: 20.09.2024)

17. Ицкович Т. В. Жанровая систематизация религиозного стиля на коммуникативно-прагматическом и категориально-текстовом основаниях: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2016. 42 с.

18. Грудина Е. В. К вопросу о дифференциальных признаках религиозного стиля и его месте в стилистической системе современного русского языка // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. 2023. № 2(23). С. 202–226. EDN: HKEYAW. DOI: 10.51216/2687-072X_2023_2_202

19. Скомаровская А. А. Влияние греческого языка на русскую православную лексику // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. Вып. 12. С. 165–169. URL: <https://www.gramota.net/materials/2/2019/12/33.html> (дата обращения: 17.09.2024).

20. Феликсов С. В. Семантический аспект лингвистического описания лексики православно-

«Demons» by F. M. Dostoyevsky in the Context of the Spiritual Tradition and «Great Time» of Russian Culture (Lipetsk, October 10-12, 2022). Lipetsk, P. P. Semenov-Tyan-Shansky Lipetsk State Pedagogical University, 2022:157-164. (In Russ). EDN QDZNXN

11. Dobrushina ER. Dictionary of Christian words: setting up the list of entries. *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo Gumanitarnogo Universiteta. Serii III: Filologiya*, 2012(29):105-113. (in Russ). EDN PJBVJJ

12. Dobrushina ER, Pol'skov K, Litvintseva KV, Khangireev I. From “apostol” to “autodafe”: a fragment of the “encyclopaedic” dictionary of Christian words in Russian. *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo Gumanitarnogo Universiteta. Serii III: Filologiya*, 2012(29):114-133. (In Russ). EDN PJBVJT

13. Sklyarevskaya GN. The vocabulary of modern Russian Orthodoxy: an explanatory encyclopaedic dictionary. St. Petersburg: Kontrast, 2016:684. (In Russ)

14. Zagorovskaya OV, Ippolitova IS. School dictionary of the Russian orthodox vocabulary of spiritual and moral content: principles of the creation and features. *Izvestia Voronezskogo Gosudarstvennogo Pedagogiceskogo Universiteta*, 2017(2(275):182-186. (In Russ). EDN YTPLMX

15. Krysin LP. About one lacuna in the system of functional styles of the modern Russian Language. *Russian Language at School*. 1994(3):69-71. (In Russ). EDN SHLOEF

16. Krylova OA. The Ecclesiastical and Religious Style. *Stylistic encyclopedic dictionary of Russian Language / Kozhina MN ed. Moscow, Flinta; Nauka*, 2003:612-616. (In Russ). URL: http://mgmtmo.ru/edumat/GES/lit_ru/Kozhina_stylistic_encyclopedia_dictionary.pdf (accessed: 20.09.2024)

17. Itskovich TV. The genre system of religious style on the communicative-pragmatic and categorical-text reason: Author's abstract of Dr. Sci. (Philology). Ekaterinburg, 2016:42. (In Russ)

18. Grudinina EV. On the question of differential features of religious style and its place in the stylistic system of the modern Russian language (in Russ). *Theological Collection of Tambov Theological Seminary*, 2023(2(23):202-226. (In Russ). EDN: HKEYAW. DOI: 10.51216/2687072X_2023_2_202

19. Scomarovskaia AA. Influence of the Greek language on the Russian orthodox vocabulary. *Philology. Theory & Practice Journal*, 2019(12(12):165-169. (In Russ). URL: <https://www.gramota.net/materials/2/2019/12/33.html> (accessed: 17.09.2024).

20. Feliksov SV. The semantic aspect in linguistic description for the vocabulary of Orthodox faith in Church Slavonic language. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics, Semantics*,

го вероучения в церковнославянском языке // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2018. Т. 9. № 2. С. 335–350. EDN XREMZF. DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-2-335-350.

21. Примерный устав мужского монастыря // Мужской монастырь «Крестовая Пустынь», поселок Солох-Аул. Сайт. URL: <https://krestovayapustin.cerkov.ru/2015/08/07/primernyj-ustav-o-muzhskogo-monastyrya/> (дата обращения: 10.09.2024).

22. Вейсман Эренрейх. Немецко-латинский и русский лексикон / пер. И. И. Ильинский, И. П. Сатаров и И. С. Горлицкий. Saint Petersburg: Gedr. in der Kayserl. Acad. der Wissenschaften Buchdruckerey, 1731. 788 с.

23. Словарь Академии Российской. Ч. 4. От М. до Р. Санкт-Петербург: при Имп. Акад. наук, 1793. 4 с. 1272 стлб.

24. Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии наук: в 4 т. 2-е изд. Санкт-Петербург: издание Н. А. Тиблена, 1867. Т. 2. 988 стлб.

25. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1–4: Т. 2: И–О. М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1994. 912 с.

26. Дьяченко Григорий. Полный церковнославянский словарь (со внесением в него важнейших древнерус. слов и выражений): пособие. [Репр. воспр. изд. 1900 г.]. М.: Отчий дом, 2004. 1120 с. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Grigorij_Djachenko/polnyj-tserkovnoslavyanskij-slovar/13#source (дата обращения: 20.09.2024).

27. Аверьянова А. П. Рукописный лексикон первой половины XVII века. Л.: Изд-во Ленингр. унта, 1964. 402 с.

28. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 9 (М). М.: Наука, 1982. 358 с.

29. Сочинения 1807–1867 епископа Игнатия Брянчанинова. Том 5. Приношение современному монашеству. 2-е изд. Санкт-Петербург: Издание И. Л. Тузова, 1886. 460 с.

30. Материалы текстов Национального корпуса русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/s/bo5pj> (дата обращения: 20.09.2024).

31. Эльдарова Н. М. Использование цифровых ресурсов в формировании универсальных компетенций студентов // Диалог языков и культуры: лингвистические и лингводидактические аспекты. Материалы II Всерос. научно-практич. конфер. с междунар. Участием (Махачкала, 24 октября 2024 г.). Махачкала: Формат, 2024. С. 195–200.

32. Нильский И. Ф. Семейная жизнь в русском расколе. Исторический очерк раскольнического учения о браке // [Соч.] Э. о. профессора Санкт-Петербургской духовной академии И. Нильского. Вып. 1-2. Санкт-Петербург: Тип. Деп. уделов, 1869.

2018(9(2):335-350. (In Russ). DOI 10.22363/2313-2299-2018-9-2-335-350. EDN XREMZF

21. The approximate charter of the monastery. *The Monastery “Krestovaya Pustyn”, the village of Solokh-Aul. Website.* (In Russ). URL: <https://krestovayapustin.cerkov.ru/2015/08/07/primernyj-ustav-o-muzhskogo-monastyrya/> (accessed: 10.09.2024).

22. Weissmann Ehrenreich. German-Latin and Russian vocabulary, translated into Russian by Ilyinsky II, Satarov IP and Gorlitsky IS. Saint Petersburg, Gedr. in der Kayserl. Acad. der Wissenschaften Buchdruckerey, 1731:788 p.

23. Dictionary of the Russian Academy of Sciences. Part 4. From M to R. Saint Petersburg: Imp. Academy of Sciences, 1793:1272 columns. (In Russ).

24. Dictionary of Church Slavonic and Russian, compiled by the Second Department of the Imperial Academy of Sciences: in 4 vol. Saint Petersburg: Edition of NL Tiblen, 1867(2):988 columns. (In Russ).

25. Dalh Vladimir. Explanatory Dictionary of the Living Great Russian language: Vol. 1-4: Vol. 2: И–О. Moscow: Publishing group “Progress”, “Univers”, 1994:912. (In Russ)

26. Dyachenko Grigory. A complete Church Slavonic dictionary (with the addition of the most important old Russian words and expressions into it). (Repr. ed. 1900). Moscow: Otchij dom, 2004:1120. (In Russ). URL: https://azbyka.ru/otechnik/Grigorij_Djachenko/polnyj-tserkovnoslavyanskij-slovar/13#source (accessed: 20.09.2024).

27. Averyanova AP. Handwritten lexicon of the first half of the XVII century. Leningrad: Leningrad University, 1964:402. (In Russ)

28. Dictionary of the Russian of the XI–XVII centuries. Issue 9 (M). Moscow: Nauka, 1982:358 p. (in Russian)

29. The writings of Bishop Ignatius Bryanchaninov 1807-1867. Vol. 5. An offering to modern monasticism. St. Petersburg: Edition of I. L. Tuzov, 1886:460 p. (In Russ)

30. Materials of the texts of the National Corpus of the Russian language. (In Russ). URL: <https://ruscorpora.ru/s/bo5pj> (accessed: 20.09.2024).

31. Eldarova NM. The use of digital resources in the formation of universal competencies of students. *Dialogue of Languages and Cultures: Linguistic and Linguodidactic Aspects. Research of the II All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation (Makhachkala, October 24, 2024).* Makhachkala: Format, 2024:195-200. (In Russ)

32. Nilsky IF. Family life in the Russian schism. A

406, IV с. URL: https://www.google.ru/books/edition/Semejnaja_%C5%BEizn_v_russkom_raskol%C4%9B/SwpGAAAACAAJ?hl=ru&gbpv=0 (дата обращения: 20.09.2024).

33. Ювеналий (Половцев), архиепископ. Жизнеописание настоятеля Козельской Введенской Оптиной пустыни архимандрита Моисея. Москва, 1882. 252 с. URL: https://www.google.ru/books/edition/%D0%96%D0%B8%D0%B7%D0%BD%D0%B5%D0%BE%D0%BF%D0%B8%D1%81%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B5_%D0%BD%D0%B0%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%8F/JvGyBTbYIH8C?hl=ru&gbpv=0 (дата обращения: 20.09.2024).

34. Хомич Марк, монах. Авраамий, игумен Оптиной пустыни // Богослов.Ru. Научный богословский портал. Статьи. 03.03.2008. URL: <https://bogoslov.ru/article/288408> (дата обращения: 12.09.2024).

35. Добролюбов Н. А. Русская цивилизация, сочиненная г. Жеребцовым. Статья 2 // Собрание сочинений в 3 т. Т. 1. Статьи, рецензии и заметки, 1853–1858. М.: Художественная литература, 1986. 860 с. URL: http://az.lib.ru/d/dobroljubow_n_a/text_0580.shtm (дата обращения: 12.09.2024).

36. Никитенко А. В. Александр Иванович Галич, бывший профессор С.-Петербургского университета // Журнал Министерства народного просвещения. Январь 1869. Ч. CXLI. Санкт-Петербург: Печатня В. Головина, 1869. С. 1–100. URL: https://www.google.ru/books/edition/%D0%96%D1%83%D1%80%D0%BD%D0%B0%D0%BB_%D0%9C%D0%B8%D0%BD%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B5%D1%80%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B0_%D0%BD/DB0FAAAAYAAJ?hl=ru&gbpv=0 (дата обращения: 12.09.2021).

37. Еп. Августин. По поводу издания Учебного Октоиха и Учебного Часослова // Труды Киевской Духовной Академии. Т. 3. Киев: Типография Г. Т. Корчак-Новицкого, 1888. 260 с. URL: https://www.google.ru/books/edition/Trudy_Impertorskoj_Kievskoj_Duchovnoj_A/Y1Gby1bKFs4C?hl=ru&gbpv=0 (дата обращения: 12.09.2024).

38. Борисова О. В., Мозгов К. А., Сидорова О. И. Протоиерей Георгий Ивакин-Тревогин о переводе богослужебных книг на русский язык // Альманах Свято-Филаретовского православно-христианского института. 2018. № 25. С. 99–113. EDN YVXMEI.

39. Замкова В. В. Славянизм как стилистическая категория в русском литературном языке XVIII в. Л.: Наука, Ленингр. отд-е, 1976. 222 с.

40. Пучков Владимир, протоиерей. Что такое мшелоимство? // Храм Серафима Саровского: страница рос. соц. ВКонтате. 14 ноября 2023. URL: https://vk.com/wall-53242144_13416. Режим доступа: для зарегистрир. пользователей (дата обращения: 12.09.2024).

historical sketch of the schismatic doctrine of marriage. Proceedings of Professor St. Petersburg's Theological Academy I. Nilsky. St. Petersburg: Tip. Dept. udelov, 1869(1-2):406, IV p. (In Russian). URL:

https://www.google.ru/books/edition/Semejnaja_%C5%BEizn_v_russkom_raskol%C4%9B/SwpGAAAACAAJ?hl=ru&gbpv=0 (accessed: 20.09.2024).

33. Juvenal (Polovtsev), Archbishop. Biography of Archimandrite Moses, rector of the Kozelskaya Vvedenskaya Optina Desert. Moscow, 1882:252. (In Russ). URL: https://www.google.ru/books/edition/%D0%96%D0%B8%D0%B7%D0%BD%D0%B5%D0%BE%D0%BF%D0%B8%D1%81%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B5_%D0%BD%D0%B0%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%8F/JvGyBTbYIH8C?hl=ru&gbpv=0 (accessed: 20.09.2024).

34. Khomich Mark, Monk. Abraham, abbot of the Optina Desert. *Theologian.Ru. Scientific theological portal. Articles. March 3, 2008.* (In Russ). URL: <https://bogoslov.ru/article/288408> (accessed: 12.09.2024).

35. Dobrolyubov NA. Russian civilization, composed by G. Zherebtsov. Article 2. *Collected works in 3 vol. Vol. I. Articles, reviews and notes, 1853-1858.* Moscow: Khudozhestvennaya Literatura, 1986:860. (in Russ). URL: http://az.lib.ru/d/dobroljubow_n_a/text_0580.shtm (accessed: 12.09.2024).

36. Nikitenko AV. Alexander Ivanovich Galich, former professor of St. Petersburg University. *Journal of the Ministry of National Education.* January, 1869. Part CXLI. St. Petersburg: V. Golovin's Printing House, 1869:1-100. (In Russian). URL: https://www.google.ru/books/edition/%D0%96%D1%83%D1%80%D0%BD%D0%B0%D0%BB_%D0%9C%D0%B8%D0%BD%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B5%D1%80%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B0_%D0%BD/DB0FAAAAYAAJ?hl=ru&gbpv=0 (accessed: 12.09.2024).

37. Bishop Augustine. Regarding the publication of the Educational Octoechos and the Educational Horology. *Proceedings of the Kiev Theological Academy.* Kiev: Printing House of G. T. Korchak-Novitsky, 1888(3):260 p. (In Russian). URL: https://www.google.ru/books/edition/Trudy_Impertorskoj_Kievskoj_Duchovnoj_A/Y1Gby1bKFs4C?hl=ru&gbpv=0 (accessed: 12.09.2024).

38. Borisova OV, Mozgov KA, Sidorova OI. Archpriest Georgy Ivakin-Trevogin on Translating Service Books into Russian. *The Quarterly Journal of Saint Philaret's Institute,* 2018(25):99-113. (In Russ). EDN YVXMEI

39. Zamkova VV. Slavisms as a stylistic category in the Russian literary language of the XVIII century. Leningrad: Nauka, Leningrad Department, 1975:224. (In Russ)

40. Puchkov Vladimir, Archpriest. What is

41. Мшелоимство // Православная энциклопедия. Азбука веры. Сайт. URL: <https://azbyka.ru/msheloimstvo> (дата обращения: 17.09.2024).

42. Мурзин Евгений, монах. Что означает грех мшелоимства, который упоминается в вечерних молитвах? // Православный журнал «Фома». Сайт. 04.04.2022. URL: <https://foma.ru/chto-oznachaet-greh-msheloimstva-kotoryj-upominaetsja-v-vechernih-molitvah.html> (дата обращения: 12.09.2024).

43. Практический справочник по православию / авт.-сост. и гл. ред. С. Исмаилова. М.: Рус. энцикл. товарищество, 2005. 1024 с.

44. Некрасов С. Н. Глава 15. Задачи научной философии воспитания в суверенной системе образования России // Наука, инновации, образование: актуальные вопросы и современные аспекты: монография. Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение». 2023. С. 165–177. EDN: NIIWDN. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_53861566_94160439.pdf (дата обращения: 12.09.2024).

45. Феликсов С. В. Имена существительные религиозной семантики на -ств/о/ в русском языке XVIII в. (на материале лексикографических произведений гражданской печати) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2019. Т. 18. № 4. С. 58–74. EDN: KTNCCD. DOI: 10.15688/jvolsu2.2019.4.5

46. Тришин В. Н. Словарь синонимов. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/synonyms-trishin/fc/slovar-204-57.htm#zag-147672> (дата обращения: 12.09.2024).

47. Ильин А. Ю. Юродство как протест против мшелоимства // Казанская наука. 2019. № 2. С. 118–120. EDN: RYEWSJ

48. Обязанности священника в отношении к самому себе / Иеромонах Кирилл // Христианское чтение на 1851 год. Ч. II. Санкт-Петербург: Типография Фишера, 1851. С. 68–147. URL: https://www.google.ru/books/edition/%D0%A5%D1%80%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B8%D0%B0%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B5_%D1%87%D1%82%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5_%D0%B8/pAZhAAAAcAAJ?hl=ru&gbpv=0 (дата обращения: 12.09.2024).

49. Срезневский И. И. Материалы для словаря древне-русского языка: по письменным памятникам. Том 2. Л–П. Санкт-Петербург: издание Отделения рус. яз. и словесности Императорской Академии наук, 1902. 430 с. URL: <https://etymolog.ruslang.ru/doc/sreznevskijL-O.pdf> (дата обращения: 20.09.2024).

msheloimstvo? Seraphim Sarovsky Temple: VKontakte Russian social network page. November 14, 2023. (In Russ). URL: https://vk.com/wall-53242144_13416 (accessed: 12.09.2024).

41. Msheloimstvo. *The Orthodox Encyclopedia. The Abecedary of Faith. Website.* (In Russ). URL: <https://azbyka.ru/msheloimstvo> (accessed: 17.09.2024).

42. Evgeny Murzin, Monk. What does the sin of msheloimstvo, which is mentioned in the evening prayers, mean? *The Orthodox Journal “Thomas”.* Website. April 4, 2022. (In Russ). URL: <https://foma.ru/chto-oznachaet-greh-msheloimstva-kotoryj-upominaetsja-v-vechernih-molitvah.html> (accessed: 12.09.2024).

43. Ismailov SN (ed). Practical guide to Orthodoxy. Moscow: Russian Encyclopedia Partnership, 2005:1024 p. (in Russian)

44. Nekrasov N. Chapter 15. The tasks of scientific philosophy of education in the sovereign education system of Russia. *Science, Innovation, Education: Current Issues and Modern Aspects: Monograph.* Penza: Science and Education, 2023:165-177. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_53861566_94160439.pdf (accessed: 12.09.2024). (In Russ). EDN: NIIWDN

45. Feliksov SV. Nouns of Religion Semantic Field with Suffix -stv/o/ in the Russian of 18th Century (Exemplified by Lexicographic Works of the Civil Press). *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 2019(18(4)):58-74. (In Russ). EDN: KTNCCD. DOI: 10.15688/jvolsu2.2019.4.5

46. Trishin VN. Dictionary of synonyms. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/synonyms-trishin/fc/slovar-204-57.htm#zag-147672> (accessed: 12.09.2024).

47. Ilyin AN. “Yurodstvo” as the protest against “msheloimstvo”. *Kazan Science*, 2019(2):118-120. (In Russ). EDN: RYEWSJ

48. Kirill, Hieromonk. The duties of a priest in relation to himself. *Christian Reading for 1851.* Part II. St. Petersburg: Printing House Fischer, 1851:68-147. (In Russ). URL: https://www.google.ru/books/edition/%D0%A5%D1%80%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B8%D0%B0%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B5_%D1%87%D1%82%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5_%D0%B8/pAZhAAAAcAAJ?hl=ru&gbpv=0 (accessed: 12.09.2024).

49. Sreznevsky II. Materials for the dictionary of the ancient Russian language: on written monuments. Vol. 2. L–P. St. Petersburg: Publishing House of the Russian Language and Literature of the Imperial Academy of Sciences, 1902:430. (In Russ). URL: <https://etymolog.ruslang.ru/doc/sreznevskijL-O.pdf> (accessed: 20.09.2024).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Принадлежность к организации

Эльдарова Наталья Магомедовна, кандидат педагогических наук, доцент, кафедра теории и методики обучения русскому языку и литературе, Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова, Махачкала, Россия, eldarovan@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2245-7314>

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 23.09.2024
Одобрена после рецензирования 23.10.2024
Принята к публикации 30.10.2024

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Affiliations

Natalya M. Eldarova, Ph.D. (Pedagogy), Associate Professor, Department of Theory and Methods of Teaching Russian and Literature, Gamzatov Dagestan State Pedagogical University, Makhachkala, Russia, eldarovan@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2245-7314>

Conflict of interest

The author declares no conflicts of interests.

The article was submitted 23.09.2024
Approved after reviewing 23.10.2024
Accepted for publication 30.10.2024

Языкознание / Linguistics

Оригинальная статья / Original Article

УДК 811.351.1

DOI: 10.31161/1995-0667-2024-18-4-98-103

EDN: VGZPSL

Фразеологизмы с компонентом *гъадоъа* «голова» – репрезентанты этнического мировоззрения каратинцев

© 2024 Халидова Р. Ш. ✉

Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова
Махачкала, Россия, rashi-dr@mail.ru ✉

Резюме. Целью данной статьи является лингвокультурологический анализ каратинских фразеологических единиц с компонентом-соматизмом *гъадоъа* «голова», с точки зрения понятийной, оценочной и метафорической составляющей, с акцентом на антропоцентрический аспект. В статье применяются методы лингвокультурологического анализа, с акцентом на компонентный анализ, который позволил выявить и описать этнокультурную специфику фразеологизмов каратинского языка с компонентом-соматизмом *гъадоъа* «голова». **Результаты.** Понятийная составляющая исследуемых фразеологизмов заключается в актуализации интеллекта (наличие/отсутствие ума, памяти, сообразительности), эти значения выводятся из физических свойств головы. Оценочная составляющая исследуемых фразеологизмов (нейтральные, положительно-маркированные и отрицательно-маркированные единицы) выражается посредством оценочных прилагательных и морфологических маркеров. Метафорическая составляющая исследуемых фразеологизмов (артефактная, натурморфная и пространственная) актуализируется посредством метафор, возникающих в результате ассоциации головы с различными объектами и явлениями материального мира, а также ее локализации в пространстве. **Вывод.** Наиболее ярко оценочный характер фразеологизмов каратинского языка с компонентом-соматизмом *гъадоъа* «голова» проявляется при негативной характеристике личности, чем, по всей видимости, объясняется их численный перевес.

Ключевые слова: каратинский язык, фразеологизм, соматизм «голова», метафора, языковая картина мира.

Формат цитирования: Халидова Р. Ш. Фразеологизмы с компонентом *гъадоъа* «голова» – репрезентанты этнического мировоззрения каратинцев // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2024. Т. 18. № 4. С. 98-103. DOI: 10.31161/1995-0667-2024-18-4-98-103. EDN: VGZPSL

Phraseological Units with the Component *Hado'a* “Head” are Representatives of Karatin People’s Ethnic Worldview

© 2024 Rashidat Sh. Khalidova✉

Gamzatov Dagestan State Pedagogical University
Makhachkala, Russia, rashi-dr@mail.ru✉

ABSTRACT. *The aim* of the paper is the linguocultural analysis of Karatin phraseological units with the component-somatism *Hado'a* “head”, from the point of view of conceptual, evaluative and metaphorical components, with an emphasis on the anthropocentric aspect. The paper applies the **methods** of linguocultural analysis, with a focus on component analysis, which made it possible to identify and describe the ethno-cultural specificity of phraseological units in the Karatin language with the component-somatism *Hado'a* “head”. **Results.** The conceptual component of the studied phraseological phrases consists in actualization of intellect (presence/absence of mind, memory, cleverness), these meanings are derived from the physical features of the head. The evaluative component of the studied phraseological units (neutral, positively-marked and negatively-marked units) is expressed by means of evaluative adjectives and morphological markers. The metaphorical component of the studied phraseological phrases (artifactual, naturmorphic and spatial) is actualized by means of metaphors resulting from the association of the head with various objects and phenomena of the material world, as well as its localization in space. **Conclusion.** The most pronounced evaluative character of the phraseological units in the Karatin language with the component-somatism *hado'a* “head” is manifested in the negative characterization of personality, which apparently explains their numerical preponderance.

Keywords: the Karatin language, phraseological unit, somatism “head”, metaphor, linguistic picture of the world.

For citation: Khalidova RSh. Phraseological Units with the Component *Hado'a* “Head” are Representatives of Karatin People’s Ethnic Worldview. *Dagestan State Pedagogical University Journal. Social and Humanitarian Sciences*. 2024;18(4):98-103. (In Russ). DOI: 10.31161/1995-0667-2024-18-4-98-103. EDN: VGZPSL

Введение

Этническая культура, традиции, быт, уклад жизни народа – носителя языка находит наибольшее отражение на фразеологическом и паремиологическом уровнях языка. Фразеологические и паремиологические единицы среди всех языковых единиц являются наиболее культуроносными и служат хранителями и трансляторами культуры и традиций этноса. Поэтому для исследования языковой картины мира в лингвистике чаще всего обращаются к фразеологическим и паремиологическим единицам. Соблюдая данную традицию, мы решили исследовать фразеологизмы каратинского языка – одного из бесписьменных дагестанских языков.

На сегодняшний день имеется только одна работа, посвященная исследованию фразеологизмов каратинского языка – это кандидатская диссертация М. Н. Кураевой «Соматическая фразеология каратинского языка» [1]. В данной диссертации впервые

«предпринимаются попытки внутриязыкового сравнительного анализа фразеологических единиц каратинского языка по диалектам, выявления путей образования фразеологического фонда языка, установления семантических, структурных отношений между фразеологическими единицами в системе диалектов каратинского языка» [1, с. 3]. Как видим культурологическому анализу фразеологизмы каратинского языка не подвергались. Поэтому в нашей статье основной целью было преодоление этого пробела и представление лингвокультурологического анализа соматических фразеологизмов с акцентом на культурологический компонент. При этом мы исходили из гипотезы, что прежде чем познать и вербализовать физический мир, человек познает самого себя и уже потом, используя этот опыт, познает окружающий мир посредством частей своего тела. Поэтому фразеологизмы и паремии с компонентом-соматизмом чаще всего ис-

пользуются для описания языковой картины мира. По этой же причине фразеологизмы с компонентами-соматизмами занимают лидирующую позицию во фразеологическом фонде каратинского языка. «Кроме того, названия частей тела человека и животных – соматизмы – составляют самый древний исконный лексический фонд любого языка, обладают большим деривационным потенциалом и легко подвергаются метафоризации» [2, с. 105]. Необходимость проведения данного исследования обусловлена также наличием множества проблем лингвоэкологии дагестанских языков, главная из которых – это «угроза исчезновения языков малочисленных этносов. Согласно данным атласа языков ЮНЕСКО (*Atlas of the World's Languages in Danger*) под серьезной угрозой исчезновения находится более 25 дагестанских языков» [3, с. 397], среди них и каратинский язык.

Материал и методы исследования

Поскольку каратинский язык не имеет письменности, основной материал исследования получен у носителей каратинского языка методом элицитации и из Каратинско-русского словаря [4, с. 107-108] методом сплошной выборки. При сборе материала исследования мы опирались на методику полевых исследований А. Е. Кибрика [5].

При анализе собранного материала использовались методы концептуально-идеографического анализа (для выявления этнической языковой картины мира) и компонентного анализа (для выявления этнокультурного компонента). Для первичного анализа материала применялся описательный метод.

Не только при сборе, но и при анализе исследуемых фразеологизмов применялись и собственные знания родного каратинского языка.

Результаты и их обсуждение

Во фразеологизмах каратинского языка наибольшее распространение получили соматические компоненты: *гьадогъа* «голова», *багла* «лицо», *бакъвал* «живот», *гьаркля* «глаза», *ракъва* «сердце», *маццли* «язык», *рекъла* «рука». Фразеологизмы с данными соматическими компонентами составляют 2/3 от общего количества соматических фразеологизмов каратинского языка. Степень распространенности фразеологизмов с соматическими компонентами зависит от степени важностью функций той или иной части тела в жизнеобеспечении че-

ловека. Вторым фактором, влияющим на степень распространенности фразеологизмов с соматическими компонентами, является легкость их метафорического (чаще) и метонимического (реже) осмысления.

Среди каратинских фразеологизмов с соматическими компонентами больше всего идиом с компонентом *гьадогъа* «голова». Голова во фразеологической картине мира каратинцев символизирует жизнь. Этот факт подтверждает фразеологизм: *гьадогъа ццлийа^нлъа* «беречь себя (жизнь), букв. «беречь голову». В данном фразеологизме посредством метонимического переноса часть тела – *гьадогъа* «голова» употребляется вместо целого – человека. Соматизм *гьадогъа* «голова» выступает символом жизни также в речевых формулах проклятий – пожеланий смерти, например: *гьадогъал гъане торой* «чтоб ты умер», букв. «головной мозг чтоб прогнил». «Проклятие, выражающее пожелание смерти адресату, актуализируется ..., чаще всего, посредством метафоризации соматизмов «голова» и «сердце», как жизненно важных органов человека, например:

Гьадогъа биъукъа (дуб)! «Да сломается (твоя) голова!».

Гьадогъа бокъакъа (дуб)! «Чтоб отрезали (твою) голову!».

Гьадогъа тарикъа (дуб)! «Чтоб голова (твоя) упала!» [6, с. 88].

В этой связи Д. О. Добровольский отмечал, что: «Культурная значимость фразеологизма повышается в тех случаях, когда в его структуре присутствует символическая составляющая» [7, с. 45]. Именно «Важность головы как органа человека делает ее символом жизни» [8, с. 47].

Как известно, мышлением человека, а также его рассудком управляет голова. Поэтому соматизм «голова» реализует как положительную коннотацию «рассудительность», «наличие ума», так и негативную коннотацию «отсутствие ума». Отсутствие умственных способностей в каратинской фразеологической картине актуализируется посредством неработающей головы или отсутствия головного мозга, например: *гьадогъа бишиа^нхъа гьачле* «голова не работает», букв. «голова не работает»; *гьадогъалли гъане гьачлов* «глупый», «безмозглый», букв. «в голове мозг не имеющий».

Следующие фразеологизмы наглядно демонстрируют, что соматизм *гьадогъа* «голова» в каратинском языке является важным и даже главным репрезентантом

умственных способностей человека: *гъадогъа гъачIов гъекIва* «глухой (легкомысленный) человек», *букв.* «человек, не имеющий головы»; *гъадогъалI гури даржикI идйав* «глухой человек», *букв.* «вместо головы тыкву имеющий человек»; *гъадогъал гъане баххIлгъа* «морочить голову», *букв.* «головной мозг разрушать»; *гъадогъал гъане ссорIлгъа* «морочить кому-л. голову», «довести до сумасшествия», *букв.* «головной мозг вскружить»; *гъадогъал гъане бекъвIлгъа* «довести до изнеможения», *букв.* «головной мозг высушить».

Исследуя соматический код в английской и русской языковых этнокультурах, Ю. А. Башкатова характеризует голову «зоной повышенной информационной активности, постоянно работающим приёмно-передающим информационным устройством» [9, с. 92]. Важнейшей функцией головы, точнее головного мозга, является управление телом и мыслительная деятельность. В каратинской языковой картине мира умный человек – это человек, имеющий голову: *гъадогъа идйав гIада[#]в къвани гъодачIе* «умный человек много не разговаривает», *букв.* «человек, имеющий голову, много не разговаривает».

Соматизм *гъадогъа* «голова» является доминантой каратинского соматического кода культуры. Народная мудрость гласит: главное – наличие головы, остальное приложится. Это подтверждает также и каратинская поговорка: *гъадогъа идвар къвана канлгIидачIе* «была бы голова на плечах, а папаха всегда найдется». Но если голова дурная, то она создает проблемы всему телу: *гъадогъа биша[#]хъачIвар цIекIабI гIакъуба гъаи[#]дйа* «дурная голова ногам покоя не дает», *букв.* «если голова не работает, ноги много трудностей видят». Такие поговорки имеются во всех дагестанских языках, например, в аварском языке: *БетIер хIалтIичIони, хIатIал ссвакала*. «Если голова не работает, ноги устают».

Склоненная голова в каратинской лингвокультуре символизирует печаль, уныние, грусть, тоску, например: *гъадогъа тIаребхва идйа* «находиться в состоянии тоски и печали, грусти и уныния», *букв.* «голова, упавшая есть». Опущенная голова в идиомах может символизировать не только физическое состояние человека или его психофизическое состояние, но и такие положительные качества, как:

1) скромность, стеснительность, например: *гъадогъа гъериIачIов гъекIва* «очень стеснительный человек», *букв.* «голове не поднимающий человек»;

2) трудолюбие, например: *гъадогъа гъериIачIе биша[#]хъалгъа* «работать усердно», *букв.* «работать, не поднимая головы».

Отсутствие способности думать, сообщать, размышлять в каратинской языковой картине мира символизирует дырявая голова: *гъадогъа табов* «глухой, легкомысленный, не способный сообщать человек», *букв.* «человек с дырявой головой».

Фразеологизмы и паремии наиболее наглядно демонстрируют, что «язык – это главное и наиболее совершенное средство кодирования и передачи мысли. Но для того, чтобы декодировать его оказываются недостаточными знания только о языке. Для этого непременно нужно обладать и фоновыми знаниями. Фоновые знания, относятся к невербальным компонентам общения и состоят из знаний об этнической культуре коммуниканта, о традициях и условиях жизни и быта, истории и т. д.» [10, с. 118].

Семантика «сбить с толку» в каратинском языке актуализируется посредством фразеологизмов, символизирующих разрушение головы, например: *гъадогъа баххIлгъа* «вскружить голову», «сбить с толку», *букв.* «разрушить голову»; *гъадогъа баххидйа идйа* «голова идет кругом», *букв.* «голова разрушается».

Фразеология, как известно, отражает определённое для каждого конкретного языка восприятие картины мира. Языковая картина мира, как отмечает В. А. Маслова, «в целом совпадает с логическим отражением мира в сознании людей» [11, с. 67]. Но при этом в ней сохраняются отдельные участки, к которым автор относит фразеологию, так как в каждом языке она своя. Этот факт подтверждает отчасти и каратинский фразеологизм *гъадогъа бацвалгъа беъум магIишат*, который носит этно-специфический характер и означает: «материальная обеспеченность семьи средних размеров», *букв.* «голову прикрыть хватающее хозяйство». В других дагестанских языках, даже в близкородственных андийских и аварском языках, нам не удалось найти фразеологизм, актуализирующий подобную семантику. Как видим, «фразеологическая картина мира позволяет наиболее полно познать специфику мировосприятия и мировоззрения

народа-носителя языка. Центральное место в языковой картине мира любого языка занимает концепт «ЧЕЛОВЕК», который сопряжён с множеством других концептов, с разных сторон характеризующих человека и его взаимоотношения в семье, в кругу друзей и в рабочем коллективе. Во фразеологической картине мира через призму языковых явлений рассматриваются многие культурные, социально-бытовые и этические проблемы» [12, с. 485].

К этно-специфическим можно отнести и каратинские выражения, символизирующие глупость, отсутствие ума: *гьадоъа ракъылИигал гьадоов гьекIва* «глупый человек», «говорящий необдуманно», *букв.* «говорить с макушки (середины) головы»; *гугулI гьадоъа* «глупая голова», *букв.* «кукушкина голова». Этноокрашенные фразеологизмы являются наглядным доказательством того, что фразеология относится к одному из языковых уровней, на котором антропоцентричность проявляется наиболее ярко. В каратинской лингвокультуре соматизм *гьадоъа* «голова» не столько репрезентируют семантику «верхняя часть тела», сколько символизируют «(раз)ум», «интеллект». Как отмечает В. А. Маслова, фразеологизмы «возникают не столько для того, чтобы описывать мир, сколько для того, чтобы его интерпретировать, оценивать и выражать к нему субъективное отношение» [13, с. 82]. Поэтому В. Н. Телия называет фразеологизмы «знаком «языка» культуры» [13, с. 682].

В качестве наиболее характерных способов переосмысления соматизма *гьадоъа* «голова» во фразеологизмах каратинского языка следует выделить такие фигуры речи, как метафора (чаще) и метонимия (реже). Посредством данных фигур речи наиболее репрезентативно актуализируется национальная картина мира.

Заключение

Проведённый в данной статье лингвокультурологический анализ фразеологизмов каратинского языка с соматическим кодом культуры позволяет утверждать, что в каратинских фразеологизмах существует достаточно ярко выраженная идиоэтноспецифика концептуализации и вербализации мира.

Соматический компонент *гьадоъа* «голова» рассматривается в статье как один из способов изучения культуры и быта каратинского этноса. Соматические фразеологизмы с компонентом *гьадоъа* «голова», репрезентируют в каратинском языке символичные значения, связанные с различными характеристиками человека, чаще всего, образы людей с низким и высоким интеллектуальным потенциалом. Речевые формулы (метафора и метонимия) являются универсальными способами переосмысления соматического компонента *гьадоъа* «голова» в составе фразеологизмов каратинского языка, посредством которого осуществляется связь с этнической картиной мира.

Список литературы

1. Кураева М.Н. Соматическая фразеология каратинского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 1998. 19 с.
2. Исакова Б.Н. Сходства и различия в фразеологизмах-соматизмах с компонентом «голова» в языках различных типологий // *Modern Humanities Success*. 2019. № 3. С. 105-108. EDN: VUGVMY
3. Малаева З. М. Вытеснение родных языков из школьного образования – путь не только к утрате языка, но и к утрате этнокультурной идентичности // *Национально-государственные образования в России: история и современность: материалы Межрегиональной научно-практической конференции, посв. 100-летию образования Республики Ингушетия*. Т. 1. Магас, 2024. С. 396-401.
4. Магомедова П. Т., Халидова Р. Ш. Каратинско-русский словарь. СПб; Махачкала: Scriptorium, 2001. 474 с.
5. Кибрик А. Е. *Методика полевых исследований: к постановке проблемы*. М.: Изд-во Московского университета, 1972. 182 с.

References

1. Kuraeva MN. Somatic phraseology of the Karatin language: Author's abstract of Ph.D. (Philology). Makhachkala, 1998:19. (In Russ)
2. Isakova BN. Similarities and differences in somatic phraseologisms with the component "head" in languages of different typologies. 2019(3):105-108. (In Russ). EDN: VUGVMY
3. Dobrovolsky D.O. National-cultural specificity in phraseology // *Voprosy yazykoznaniiya*. 1997. № 6. Pp. 37-48. (In Russ)
4. Mallaeva ZM. The exclusion of native languages from school education is the path not only to the loss of language, but also to the loss of ethnocultural identity. *National-State Formations in Russia: History and Modernity: Proceedings of the Interregional Scientific and Practical Conference Dedicated to the 100th Anniversary of the Formation of the Republic of Ingushetia*. Vol. 1. Magas, 2024:396-401. (In Russ)
5. Kibrick AE. Methodology of field research: to the setting of the problem. Moscow: Moscow University, 1972:182. (In Russ)

6. Халидова Р. Ш. Реализация соматического кода культуры в экспрессивно-эмоциональных выражениях разноструктурных языков // Современный ученый. 2022. № 6. С. 87- 91.

7. Добровольский Д. О. Национально-культурная специфика во фразеологии // Вопросы языкознания. 1997. № 6. С. 37-48.

8. Денисова Г. И. Соматические фразеологические единицы эрзянского и немецкого языков (сопоставительный анализ): автореф. дис. ...канд. филол. наук. Саранск, 2003. 20 с.

9. Башкатова Ю. А. Соматический код в английской и русской языковой картине мира // Вестник Кемеровского государственного университета. 2013. 3-2(55). С. 90-94. EDN: RBWRTD

10. Халидова Р. Ш. Отражение этнического мировоззрения каратинцев в сказочном дискурсе // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2023. Т. 17. № 1. С. 117-121. DOI: 10.31161/1995-0667-2023-17-1-117-121. EDN: KSEPZO

11. Маслова В.А. Лингвокультурология: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. 2-е изд. М.: Academia. 2004. 208 с.

12. Малаева З. М., Курбанова С. М. Культурно маркированные пословицы английского и табасаранского языков, репрезентирующие концепт «человек» // Мир науки, культуры и образования. 2020. № 2 (81). С. 485-487. DOI: 10.24411/1991-5497-2020-00377. EDN: EXBKWM

13. Телия В. Н. Фактор культуры и воспроизводимость фразеологизмов – знаков-микротекстов // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура: сборник статей в честь Н. Д. Арутюновой / отв. ред. Ю. Д. Апресян. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 674-684.

6. Khalidova RSh. Realization of the somatic code of culture in expressive-emotional expressions of languages with different structures. *Modern Scientist*. 2022(6):87-91. (In Russ)

7. Dobrovolsky DO. National and cultural specificity in phraseology. *Voprosy Yazykoznanija*. 1997(6):37-48. (In Russ)

8. Denisova G. I. Somatic phraseological units of the Erzya and German languages (comparative analysis): Author's abstract of Ph.D. (Philology). Saransk, 2003:20. (In Russ)

9. Bashkatova Yu. A. Somatic code in the English and Russian language picture of the world. *Bulletin of Kemerovo State University*. 2013(2(55):90-94. (In Russ). EDN: RBWRTD

10. Khalidova R. Sh. Reflection of the Karata people's ethnic worldview in the fairy-tale discourse. *Dagestan State Pedagogical University Journal. Social and Humanitarian Sciences*. (In Russ). DOI: 10.31161/1995-0667-2023-17-1-117-121. EDN: KSEPZO

11. Maslova V.A. Linguistics: a textbook for students of higher educational institutions. 2nd ed. Moscow: Academia. 2004:208. (In Russ)

12. Mallaeva ZM, Kurbanova SM. Culturally marked proverbs of the English and Tabasaran languages, representing the concept of "human". *Mir Nauki, Kultury, Obrazovaniya*. 2020(2(81):485-487. (In Russ). DOI: 10.24411/1991-5497-2020-00377. EDN: EXBKWM

13. Teliya VN. The cultural factor and the reproducibility of phraseological units – signs-microtexts. *Hidden meanings: Word. Text. Culture: a Collection of Articles in Honor of N. D. Arutyunova / Yu. D. Apresyan* (ed.) Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury, 2004:674-684. (In Russ)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Принадлежность к организации

Халидова Рашидат Шахрудиновна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и методики обучения русскому языку и литературе, Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова, Махачкала, Россия, rashi-dr@mail.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 02.12.2024
Одобрена после рецензирования 06.12.2024
Принята к публикации 09.12.2024

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Affiliation

Rashidat Sh. Khalidova, Doctor of Science (Philology), Professor, Head of the Department of Theory and Teaching Methods of Russian and Literature, Gamzatov Dagestan State Pedagogical University, Makhachkala, Russia, rashi-dr@mail.ru

Conflict of interest

The author declares no conflicts of interests.

The article was submitted 02.12.2024
Approved after reviewing 06.12.2024
Accepted for publication 09.12.2024

ИНФОРМАЦИЯ. ХРОНИКА. ЮБИЛЕИ

Информация. Хроника. Юбилей / Information. Chronicle. Anniversary
DOI: 10.31161/1995-0667-2024-18-4-104-105
EDN: YGOZXT

Рецензия

на монографию Гаджиевой З. Н.

«Южный Дагестан. 1960-е – 1970-е гг. (экономическое и социально-культурное развитие сельских районов)».

Махачкала: ИИАЭ ДФИЦ РАН, 2023. 196 с.

Review for the Monograph by Zarema Nazirovna Gadzhieva

“Southern Dagestan. 1960s – 1970s (Economic and Socio-Cultural Development of Rural Areas)”.

Makhachkala: IIAE DFRC RAS, 2023:196.

Социально-экономическое положение в российской деревне, особенно в национальном селе, всегда было в центре внимания государственных органов власти на каждом переломном этапе развития страны. Ход и итоги развития общества во многом определялись ходом и итогами развития, прежде всего, аграрного сектора экономики. Сегодня социально-экономическому развитию сельских районов Южного Дагестана со стороны Правительства и главы РД Сергея Меликова уделяется серьезное внимание.

Выпесказанное убедительно свидетельствует об актуальности, научной и практической ценности выпешдшего издания З. Н. Гаджиевой, которое затрагивает 60–70-е гг. прошлого столетия, оно может явиться неким историческим экскурсом для инвесторов, предпринимателей, которые готовы финансировать в различные проекты и программы по экономическому развитию Южного Дагестана. Изучение многих экономических вопросов, которые затронуты в книге сыграют в этом немаловажную роль. В самом исследовании освещены малоизученные в рамках региональной историографии проблемы.

Структурно работа состоит из введения, двух глав, заключения и списка доку-

ментальных источников и литературы. Также в работе присутствуют интересные иллюстрации, отражающие бытовую жизнь жителей, сел Южного Дагестана.

Книга является первым комплексным монографическим исследованием, где З. Н. Гаджиева поднимает широкий круг проблем и поэтапно их разрешает. В работе обобщены сведения об административно-территориальном устройстве сельских районов Южного Дагестана, предпринята попытка проанализировать развитие растениеводческой и животноводческой отрасли. Показаны изменения в материально-техническом обеспечении данного сельскохозяйственного сектора.

Во введении автор постарался учесть все сюжеты, принятые при написании научных исследований, то есть, показана актуальность исследования, его научная и практическая значимость, обоснованы хронологические рамки и т. д. Подробно автор остановилась на характеристике фундаментальной источниковой базе исследования, использован огромный фактический материал из фондов Центрального государственного архива Республики Дагестан. Теоретическое осмысление и обобщение фактического материала, а также опора на достижения по проблеме

отечественной историографии позволили автору дать соответствующую оценку и анализ экономического и социально-культурного развития регионального компонента, на примере сельских районов Южного Дагестана. Отмечается, что шел активный процесс совхозного строительства в Южном Дагестане и к концу 1970-х гг. почти все колхозы были преобразованы в совхозы.

Характеризуя социально-экономическое развитие Южного Дагестана, освещая вопросы земледелия, растениеводства, промышленного строительства, автор пишет не только о прогрессивных изменениях в этих сферах, но не обходит вниманием и трудности, и нерешенные проблемы, имевшиеся в тот период. Например, большие расстояния между селами, которые были объединены в один совхоз, а отсюда и затруднительное перемещение рабочих на свои рабочие места; нехватка помещений для управленческого аппарата, нехватка жилья для приезжих специалистов, нехватка самих квалифицированных специалистов и т. д. Эти недостатки были присущи почти всем селам.

Отдельно автор останавливается на освещении государственной переселенческой политики, которая проходила в эти годы, объяснялась она сложными естественно-географическими условиями, малоземельем, бездорожьем и рядом других факторов. Особо масштабный характер переселенческая политика приняла в результате сильнейшего землетрясения в 1966 г. в Южном Дагестане. Здесь автор подробно показывает помощь, которая была оказана республике со стороны Советского государства в ликвидации последствий землетрясения.

Вторая часть главы посвящена рассмотрению вопросов по развитию культурной жизни сельских жителей Южного Дагестана и их материальной составляющей. В рассматриваемый период в селах Южного Дагестана произошли важные изменения в культуре быта, материальном

благополучии сельчан, которые улучшались из года в год. Происходившие экономические, технологические изменения в трудовой деятельности сельских районов, несомненно, сказались и на повышении культурного облика сельского жителя. Здесь приводится интересный статистический материал о росте клубных учреждений, библиотек, музеев и других культурно-просветительных учреждений.

Происходившие прогрессивные процессы в сельском хозяйстве, создание крупных агропромышленных комплексов предьявляли повышенный спрос на работников с высокой квалификацией, специалистов, которых ранее на селе не было – это и мастера-наладчики, мастера машинного доения, слесари по ремонту и т. д. В связи с этим особый интерес представляет материал о состоянии кадрового обеспечения культурно-просветительных учреждений, можно почерпнуть сведения о том, сколько было работников с высшим и незаконченным высшим образованием, со средним и незаконченным средним образованием.

В выводах, касающиеся животноводческого развития, З. Н. Гаджиева приходит к мнению, что характерные в 1970-е гг. темпы развития животноводчества сохранить в настоящее время не удалось. Связано это с современной ситуацией с соседним Азербайджанским государством, где ранее были административные границы по р. Самур, а сейчас они стали государственными и отсюда вытекает целый ряд сложных вопросов, в том числе и с водоснабжением Южного Дагестана, который требует определенного разрешения.

В завершении хотелось бы отметить, что подготовленное многоплановое, обобщающее научное исследование по актуальной проблеме будет интересно читателям, которые найдут много нового и интересного материала по экономическому и социально-культурному развитию сельских районов Южного Дагестана в 1960 – 1970-е гг.

Нагиева Мадина Курбанисмаиловна
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
отдела новой и новейшей истории
ИИАЭ ДФИЦ

Madina K. Nagieva
Ph.D. (History) Senior Researcher,
Department of Modern and Contemporary History,
IHAE DFRC RAS

Информация. Хроника. Юбилей / Information. Chronicle. Anniversary
DOI: 10.31161/1995-0667-2024-18-4-106-108
EDN: ZZXEFP

**Рецензия на юбилейный сборник документов
и материалов Какагасанов Г. И., Лысенко Ю. М.
«Провозглашение автономии и образование
Дагестанской АССР (1920-1921 гг.)».
Махачкала: Алеф, 2021. 170 с.)**

**Review for the Anniversary Collection of Documents and
Materials by Kakagasanov G. I., Lysenko Yu. M.
“Proclamation of Autonomy and the Formation
of Dagestan ASSR (1920-1921)”.
Makhachkala: Alef, 2021:170**

В 2021 г. общественность Дагестана отмечает 100-летие образования ДАССР. Этим обусловлен особый интерес к истории вхождения республики в состав РСФСР. Формирование разных позиций в отношении провозглашения автономии, её значения и последствий для развития края может привести к острым дискуссиям и фальсификации. В связи с этим дагестанские историки Г. И. Какагасанов и Ю. М. Лысенко подготовили сборник, для которого отобрали и систематизировали наиболее важные документы и материалы, освещающие события 1920-1921 гг.

Составители сборника – яркие представители Института истории археологии и этнографии Дагестанского Федерального Исследовательского центра Российской Академии наук. Введение и научно-справочный аппарат сборника подготовил ведущий научный сотрудник отдела новой и новейшей истории Дагестана, кандидат исторических наук Гаджикурбан Ибрагимович Какагасанов – автор более 100 научных статей, архивист и признанный специалист в области публикации источников. Он является редактором, составителем, автором и соавтором предисловий ряда сборников документов и справочников. Юлия Михайловна Лысенко – учёный секретарь ИИАЭ ДФИЦ РАН,

кандидат исторических наук, автор более 200 научных статей, двух монографий, сборника документов и материалов. В сферу ее научных интересов входят проблемы социально-экономического развития Дагестана в 30-е гг. XX в., культурная жизнь и деятельность представителей российской интеллигенции в регионе.

Вводная часть сборника представляет краткий экскурс в историю Дагестана начала 1920-х гг. Она включает введение, составленное Г. И. Какагасановым, и статью доктора исторических наук А. И. Османова «Точка отсчета нового этапа истории», опубликованную в газете «Дагестанская правда» № 8 от 21 января 2020 г.

Во введении авторы обратили внимание на важность проблемы государственного устройства национальных окраин после распада Российской империи и окончания Гражданской войны. Судьба дагестанской государственности решалась в ноябре 1920 г. на Чрезвычайном съезде, который принял Декларацию об автономии. На её основе в январе 1921 г. Всероссийский центральный исполнительный комитет (ВЦИК) издал декрет об образовании ДАССР. В декабре 1921 г. был созван Вседагестанский съезд Советов, принявший Конституцию ДАССР в составе РСФСР и определивший основные органы

власти и управления ДАССР: Совет народных комиссаров (СНК) и Центральный исполнительный комитет (ЦИК). Создание государственности имело огромное историческое значение для народов республики, которая в XX в. прошла путь от автономного образования в составе РСФСР до равноправного субъекта Российской Федерации [1, с. 25].

При составлении основной части сборника Г. И. Какагасанов и Ю. М. Лысенко систематизировали материалы по тематическому принципу и представили их в составе 3-х разделов: 1. Провозглашение Автономии Дагестанской Социалистической Советской Республики (13 ноября 1912 г.); 2. Образование Дагестанской АССР (20 января 1921 г.); 3. Первая советская конституция Дагестанской Автономной Социалистической Советской Республики (5 декабря 1921 г.). Разделы включают 57 наиболее важных документов, которые помогают проследить политические события 100-летней давности и ощутить их важность для становления государственности многонационального Дагестана.

Основную часть сборника представляют: материалы Чрезвычайного съезда народов Дагестана, работавшего в ноябре 1920 г. в г. Темир-Хан-Шуре; Декрет ВЦИК об образовании Дагестанской АССР от 20 января 1921 г.; документы о работе Первого Вседагестанского Учредительного съезда Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, который состоялся в начале декабря 1921 г.; текст первой Конституции ДАССР, принятой 5 декабря 1921 г.; данные о формировании, составе и структуре первого правительства Дагестанской АССР.

Особое внимание читателей, конечно, привлекают источники первого ряда, исходящие от центральной власти. Составители дополнили их документами и материалами местного уровня, которые в свое время оказали значительное влияние на жизнь многонационального Дагестана и всего Северного Кавказа.

Документы и материалы, представленные в сборнике, ранее публиковались, но были напечатаны разрозненно и уже стали библиографической редкостью. Современная публикация представляет их комплексно, в новом формате и в современ-

ной археографической обработке со ссылками на фонды архива РД и на предыдущее издание.

Г. И. Какагасанов и Ю. М. Лысенко снабдили сборник обширными примечаниями к документам. Они составляют заключительную часть [1, с. 137-159]. Здесь дана характеристика некоторых понятий и терминов (Антанта и казачество, шариат и шариатский суд, Кавказский фронт и Дагестанская область), а также представлены сведения об известных общественных, политических и религиозных деятелях Северного Кавказа (Д. Коркмасов, С. Дударов, М. Далгат, С. Габиев, М.-М. Хизроев, А. Тахо-Годи, Н. Тарковский и др.). Примечания носят уточняющий характер. Одновременно они помогают почувствовать «колорит эпохи» и имеют значение для понимания событий, происшедших в 1920-х гг.

На последних страницах сборника представлен именной указатель, список сокращенных слов и перечень публикуемых документов.

Составители выражают глубокую благодарность представителю Правительства РД в Волгоградской области Магомеду Расулу Хабибовичу Халадаеву за финансовую поддержку при издании сборника.

100-летний юбилей образования ДАССР – это главное событие 2021 г. в республике. 20 января 1921 г. стало точкой отсчета нового этапа в истории взаимоотношений Дагестана и России. Благодаря публикации исторических документов и материалов можно реконструировать события, приведшие к принятию важного политического решения, и представить атмосферу, в которой была заложена новая основа для развития государственности в Дагестане.

Сборник документов и материалов, составленный Г. И. Какагасановым и Ю. М. Лысенко, делает удобным научное изучение и использование исторических текстов, объединённых одной проблемой. Издание адресовано научным работникам, аспирантам и студентам исторических факультетов. Оно может представлять интерес для представителей органов власти и широкого круга читателей.

Список литературы

1. Провозглашение автономии и образование Дагестанской АССР (1920-1921 гг.). Юбилейный сборник документов и материалов / Составители: Какагасанов Г. И., Лысенко Ю. М. Махачкала: Алеф, 2021. 170 с.

References

1. Kakagasanov GI, Lysenko YuM. Proclamation of Autonomy and the Formation of Dagestan ASSR (1920-1921). Anniversary Collection of Documents and Materials. Makhachkala: Alef, 2021:170

Суздальцева Ирина Анатольевна,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры всеобщей истории,
ДГПУ им. Р. Гамзатова
Irina A. Suzdaltseva,
Ph.D. (History), Associate Professor,
Department of General History,
Gamzatov DSPU

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Редакция принимает на рассмотрение научные статьи. Представляемые материалы должны быть оформлены в соответствии с настоящими Правилами и соответствовать тематической направленности журнала «Известия Дагестанского государственного педагогического университета. **Общественные и гуманитарные науки**».

Верстка журнала осуществляется с электронных копий. Используется компьютерная обработка штриховых и полутоновых (в градациях серого) рисунков. Журнал изготавливается по технологии ризографной печати.

1. Текст статьи набирается в редакторе MS Word (с расширением .doc) шрифтом "Times New Roman" размером 14 через интервал 1,5 в формате А4. Поля текста стандартные. Все страницы должны быть пронумерованы.

2. Перед текстом статьи указываются:
индекс УДК (информацию о классификаторе УДК см. на сайтах <http://teacode.com/> [online/udc/](http://online.udc/) или <http://www.udcc.org/>) (на русском языке);

название статьи (на русском и английском языках);

фамилии и инициалы авторов, название учреждения, город, страна, эл. почта (на русском и английском языках);

резюме статьи объемом 10-15 строк, которое не должно дублировать вводный или заключительный раздел статьи (на русском и английском языках) и должно включать: цель, методы, результаты, выводы;

ключевые слова (5-10) (на русском и английском языках).

3. Изложение материала должно быть ясным и по возможности кратким. Текст и остальной материал следует тщательно выверить. Текст статьи должен быть структурирован, т. е. содержать цель исследования, материал и методы исследования, результаты и их обсуждение, заключение (выводы). Рукописи, направляемые в журнал, являются оригиналом для печати и должны являться материалом, не публиковавшимся ранее в других печатных изданиях.

4. Статьи, в которых отражаются результаты исследования, должны полностью отвечать требованиям, предъявляемым к их представлению.

5. Рисунки создаются в формате .jpg, вставляются непосредственно в текст и нумеруются в порядке их упоминания в тексте.

6. В тексте статьи все формулы набираются в редакторе Microsoft Equation 3.0, таблицы – в формате MS Word. Таблицы нумеруются в порядке их упоминания в тексте. Каждая таблица перед своим появлением должна упоминаться в тексте, например, «... (табл. 1)».

Сокращения в надписях не допускаются.

Наличие данных, по которым строится график, диаграмма.

В тексте статьи обязательно должны содержаться ссылки на иллюстративные материалы.

7. Ссылка на цитату указывается сразу после нее в квадратных скобках: сначала проставляется номер источника цитаты из приставленного библиографического списка, затем, после запятой, номер страницы с буквой с. Например, [10, с. 81] или, если цитируемый текст переходит на следующую страницу, [10, с. 81-82]. За достоверность цитат ответственность несет автор!

8. Список литературы формируется по алфавиту. В списке литературы сначала приводится перечень работ отечественных авторов, в который также включаются работы иностранных авторов, переведенные на русский язык. Затем приводится перечень литературных источников, опубликованных на иностранных языках, в который включаются работы отечественных авторов, переведенные на иностранный язык. В список литературы не включаются неопубликованные работы и учебники. Включать в этот список собственные работы не рекомендуется. В библиографическом описании должны быть представлены все авторы. Выражения типа "и соавт.", "с соавт.", "и др." "et al" не допускаются. Автор несет ответственность за правильность данных, приведенных в приставленном библиографическом списке.

9. Список литературы (с указанием всех авторов) дается в конце статьи, нумеруется (начиная с первого номера, в порядке цитирования), предваряется словом «Литература» и оформляется согласно ГОСТ Р 7.0.5-2008 (на русском, английском языках и в транслите).

Перечень использованных источников должен начинаться с фамилии и инициалов автора и включать:

для книг – название, место и год издания, издательство, номер тома, страницы;

для журнальных статей – название журнала, год издания, номер тома (выпуска), страницы;

для газет – название, год, месяц, число.

Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

10. В конце статьи может быть указана организация (№ гранта), финансировавшая выполнение данной работы.

11. К статье прилагаются сведения об авторах на русском и английском языках:

для работников вузов/учебных организаций: Ф.И.О. полностью, ученое звание, занимаемая должность место работы (кафедра, факультет, вуз), город, страна; электронный адрес, контактные телефоны;

для аспирантов и соискателей: название кафедры, лаборатории, где проводится исследование, Ф.И.О. научно-руководителя и его разрешение к публикации, город, страна; электронный адрес, контактные телефоны.

12. Статья должна быть представлена в электронном виде (в редакционно-издательский отдел ДГПУ или электронной почтой dgpurio@yandex.ru), а также в печатном варианте (в 2-х экземплярах на одной стороне листа формата А4), подписанном всеми авторами, для аспирантов и соискателей – и научным руководителем.

Решение о публикации статьи или материала принимается редколлегией журнала. При наличии замечаний к рукописи она возвращается для доработки. Редакция оставляет за собой право отправить рукописи статей на независимую экспертизу. При публикации статьи авторские права передаются редакции журнала.

Редакция оказывает платные услуги научного и технического редактирования текста статьи, перевода библиографического списка (References), аннотации и ключевых слов на английский язык.

Материалы для публикации присылать по адресу: 367000 РД, г. Махачкала, ул. М. Ярагского, 57, ДГПУ, Административный корпус, каб. 405. Редакционно-издательский отдел; e-mail: dgpurio@yandex.ru

ОБЪЯВЛЕНА ПОДПИСКА

на ЖУРНАЛ
«ИЗВЕСТИЯ ДАГЕСТАНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА»

ПО КАТАЛОГУ «ПОЧТА РОССИИ»
ИНДЕКС
51323 – ЕСТЕСТВЕННЫЕ И ТОЧНЫЕ НАУКИ
51392 – ОБЩЕСТВЕННЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ
31173 – ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ПО ОБЪЕДИНЕННОМУ КАТАЛОГУ «ПРЕССА РОССИИ»
ИНДЕКС
38653 – ЕСТЕСТВЕННЫЕ И ТОЧНЫЕ НАУКИ
38657 – ОБЩЕСТВЕННЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ
38652 – ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научный журнал

**Известия Дагестанского государственного педагогического университета
серия «Общественные и гуманитарные науки»
Т. 18. № 4. 2024**

Главный редактор:	<i>И. А. Дибиров</i>
Редактор:	<i>Г. Н. Мирзоева</i>
Редактор английских текстов:	<i>Г. Н. Мирзоева</i>
Компьютерная верстка:	<i>М. А. Сулейманова</i>

Оригинал-макет подготовлен на базе
редакционно-издательского отдела ДГПУ

Адрес редакции, издателя: 367000 РД, г. Махачкала, ул. Магомеда Ярагского, 57.
Редакционно-издательский отдел ДГПУ
Тел.: (8722) 675187; www.dgpi.ru; e-mail: dgpurio@yandex.ru

Формат 60x84^{1/8}. Печать офсетная. Бумага офсетная № 1.
Усл. печ. л. 13. Уч.-изд. л. 10,5. Тираж 500 экз. Заказ № 2518. Цена 416 руб.

Адрес типографии: 367003 РД, г. Махачкала, ул. Сулеймана Стальского, 50;
тел. +7-988-2000164, типография АЛЕФ (ИП Овчинников М. А.)

Scopus

Elsevier, The Netherlands
Scopus Content Selection Advisory Board (CSAB)
Association of Science Editors and Publishers, Russia
Russian Content Selection Advisory Board (RCSAB)

CERTIFICATE OF ATTENDANCE

GIVEN OUT TO SCIENTIFIC PERIODICAL

*Известия РАН
Серия «Обществознание и гуманитарные науки»*

to confirm the attendance and presentation to the joint Scopus CSAB and Russian RCAB meeting.

At this meeting, compliance with international standards and selection criteria of the Scopus database, were discussed by experts of Scopus CSAB and Russian RCAB. This meeting took place during the 5th International Scientific and Practical Conference «World-Class Scientific Publication - 2016:

Publishing Ethics, Peer-Review and Content Preparation»

(May 17, 2016 – May 20, 2016)

🕒 May 17-20, 2016

📍 RANEP
Moscow, Russia

Karen Holland
Scopus CSAB Subject Chair

Olga V. Kirillova
Russian CSAB Chair, president ASEP

Журнал индексируется в библиометрических базах и размещается на платформах:

